

ИЗВЕСТИЯ

КАРАЧАЕВСКОГО
НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
Вып. V

ИЗВЕСТИЯ

**КАРАЧАЕВСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА**

ВЫП. V

ЧЕРКЕССК: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2009

ББК 63.3

**Ответственный редактор
И.М. ШАМАНОВ**

Редакционный Совет:

Ш.М. Батчаев, кандидат исторических наук (КНИИ)

Р.М. Бегеулов, доктор исторических наук (КЧГУ им. У.Д.Алиева)

М.М. Ижаев, научный сотрудник (КЧИГИ)

М.Д. Каракетов, доктор исторических наук (Институт этнологии
и антропологии РАН)

И.С. Кипкеев, кандидат исторических наук (Черкесский ф-л
ЮФУ)

Р.Т. Хатуев, кандидат исторических наук (КЧИГИ)

ISBN 978-5-877-57-172-3

Известия Карачаевского научно-исследовательского института.
Вып. V. – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2009. – с. 198.

СОДЕРЖАНИЕ

*Статьи, заметки*История и этнография

Бегулов Р.М. Народы Центрального Кавказа и Дагестана: этнополитические аспекты взаимоотношений (XVI-XVIII вв.)	5
Биттирова Т.Ш. Тюрки Северного Кавказа: проблемы этнокультурных связей	9
Каракетова И.М. О традициях народной одежды и борьбе с ними в советские годы	15
Кучмезов Б.Х. К истории политических отношений между балкарцами и кабардинцами	27
Узденова А.Ю. Управление аграрной отраслью Карачаево-Черкесии в 1980 – нач. 1990-х гг.	37
Узденова С.Б. О некоторых функциях органов милиции Карачаево-Черкесии в начале 1920-х гг.	42
Хатуев Р.Т. К социальной маркировке одежды у северокавказских горцев: статусные позиции материала	47
Чекунова Ф.А. Об основных компонентах карачаево-балкарской пищевой культуры	48

Право

Каитова А.Р. Судебная власть как вид государственной власти: основные понятия и признаки	52
Коркмазова Л.Б., Кипкеев И.С. Роль обычного права как регулятора общественных отношений	56

Языкознание

Катчиев А.Х.-А. Некоторые осетино-тюркские лексические параллели (по материалам Историко-этимологического словаря осетинского языка)	63
Семенова А.Б. Из карачаево-балкарской лексики: наименования лекарственных растений и их структурно-семантическая характеристика	81

Научные сообщения

Лайпанов И.А. Тарикаты у Джучидов и Хулагуидов по материалам некоторых арабских источников	86
---	----

Идеи

Аббайханов М.Х. Об ариях. И не только	87
Кодачигов В.И. В защиту русского менталитета и русской идентичности	99

Юбилеи

Правитель Терского Карачая (к 125-летию со дня рождения Ш.Д. Алиева)	106
Первый археолог Карачая (к 70-летию Х.Х. Биджиева)	113
К вершинам духа (к 60-летию М.Ч. Джуртубаева)	115
У обители Парнаса (К 55-летию Б.О. Батчаева)	116
От Кубани до Сахалина (к 50-летию научной деятельности А.С.-У.Тамбиева)	118

Рецензии

Хатуев Р.Т., Шаманов И.М. <i>К.З. Борлакова. Героические женщины наказанного народа</i>	120
Алиева Т.К. Акъбайланы Х.М. Къарачай-малкъар лингвистикадан очеркле: фонетика, этимология, социоллингвистика (Очерки по карачаево-балкарской лингвистике). – Ставрополь, 2009. – 206 с. Тираж 500 экз.	122
Кипкеев И.С., Хатуев Р.Т. А.А. Глашев. Очерки истории хазар	124

Приложения

Шнайдер В.Г. Проблемы земельного и территориально-административного размежевания на Северном Кавказе в 1920-е годы /с сокращениями/	126
Игнатенко Александр. Маджнун и Дон Кихот – архетипические сумасшедшие, или чем отличается исламская культура от западной	128
Статейный список Федота Елчина	143

ИЗ МАТЕРИАЛОВ I-X КРЫМШАМХАЛОВСКИХ ЧТЕНИЙ

Мекерова М.Дж. О многогранности таланта (Вступительное слово)	165
Акъбайланы Х.М. Бюгюнню къарачай-малкъар литература тилни орфография джарсыулары	169
Батчаланы Б.О. Адамны асылы	173
Ижаев М.М. На путях к цивилизованности	174
Эльканов У.Ю. Некоторые аспекты изучения и сохранения материальной культуры	177
Лауреаты медали И.Х. Крымшамхалова	181
Документы конференции	182
Сведения об авторах	197

Народы Центрального Кавказа и Дагестана:**этнополитические аспекты взаимоотношений (XVI-XVIII вв.)**

Народы Северного Кавказа издавна оказывали друг на друга существенное влияние не только в области материальной и духовной культуры, но и в социальной, политической сферах. Между тем, до сегодняшнего дня многие из этих контактов, взаимовлияний остаются малоисследованными. Это в полной мере относится и к этнополитическим контактам народов Центрального Кавказа и Дагестана, которые мы и постарались вкратце рассмотреть в данной статье. При этом в поле нашего зрения попали не все дагестанские территориально-политические объединения, а только одно из них – шамхальство.

Как известно, шамхальство было крупнейшим государственным образованием Северного Кавказа в период XIV-XVIII вв. Вплоть до конца XVIII в. оно играло значительную роль в истории региона. Шамхалы обладали серьезным людским, военным, экономическим потенциалом, опираясь на который старались распространить свое влияние на многие соседние этнические группы и феодальные владения. Шамхальство было многонациональным государственным образованием, хотя его этническую основу составляли кумыки.

Его историю, начиная с рубежа XVI-XVII вв. мы представляем достаточно хорошо, в основном благодаря «отпискам» воевод Терского городка – русской крепости, возникшей в устье Терека во второй половине XVI в. Воеводы докладывали в Москву обо всех значительных событиях, происходивших в регионе, в том числе и в шамхальстве, занимавшем в то время значительные территории современных Дагестана и равнинной Чечни. Шамхалы тогда являлись одними из самых влиятельных феодальных владельцев Кавказа, активно вмешиваясь в различные военно-политические, внешнеполитические, социальные процессы в регионе. Однако период конца XVI-XVII вв. был временем постепенного упадка шамхальства. Главной проблемой этого государственного образования стал сепаратизм различных феодальных владельцев. Многие из них добивались и весьма успешно политической самостоятельности. На протяжении XVI-XVIII вв. шамхалы постоянно теряли контроль над всё новыми и новыми частями своих владений.

В то же время период XIV – первой половины XVI вв. в истории шамхальства изучен весьма поверхностно и неполно. Между тем именно в эти хронологические рамки наблюдался явный всплеск активности шамхалов в регионе Центрального Кавказа. Сведений

об этом сохранилось немного, причем многие из них носят скупой, отрывочный характер. В итоге, на сегодняшний день пока даже невозможно сказать что-либо определенное о причинах этой активности. Что лежало в её основе: попытка экспансии на запад или наоборот, стремление сохранить свои позиции и влияние в регионе Центрального Кавказа, отдельные территории которого могли, видимо, иметь более тесные, чем до сих пор принято было считать, политические связи с шамхальством и даже подвергаться военно-политическому давлению с его стороны? Недостаточное количество источников оставляет этот вопрос открытым. Поэтому в задачи данной статьи не входит полное и всестороннее исследование степеней и форм влияния шамхалов в регионе Центрального Кавказа. Автор попытался выделить и рассмотреть лишь несколько моментов, затрагивающих взаимоотношения шамхалов с центрально-кавказскими этнополитическими образованиями и выходящих за рамки естественного взаимовлияния в области материальной и духовной культуры, а также этнических миграций.

Известно, что на рубеже XV-XVI вв. «весь Мычигыч (то есть вся Чечня – Р.Б.) считался собственностью шамхала»¹. Некоторые исследователи утверждали, что под власть кумыкских владельцев попала и часть плоскостной Ингушетии². Однако следы влияния шамхальства не ограничиваются этими регионами и прослеживаются еще западнее в других местностях Центрального Кавказа.

Самым западным регионом, где четко прослеживаются связи с шамхалами, является Карачай. И дело здесь не только в близости языков. Социальная структура Карачая удивительным образом не просто похожа, она идентична той, что сложилась у кумыков, составлявших этническую основу шамхальства. Причем, в этом отношении карачаевцы отличаются от своих соседей: кабардинцев, осетин и даже близкородственных балкарцев, географически расположенных гораздо ближе к Дагестану. В какой-то мере это может быть следствием того, что самая могущественная феодальная фамилия Карачая Крымшамхаловы, из среды которых избирались верховные правители всего края (олии), явно дагестанского происхождения. Они известны у карачаевцев как минимум с начала XVII в. Хотя «официальная» версия выводила владетельные фамилии Карачая из Крыма, в духе политической конъюнктуры XVII-XVIII вв., но, как показала практика, еще в конце XIX в. Крымшамхаловы помнили о своем происхождении и считали себя «отраслями фамилии владетельных шамхалов Тарковских дагестанской области»³. «Крымшамхалами» в Тарковском шамхальстве назывались наследники шамхальского «престола». «Известны случаи вражды между

шамхалами и крымшамхалами. Можно допустить, что один из последних некогда бежал в Карачай из Кумыкии»⁴. Хотя можно предположить, что связи Карачая и шамхальства когда-то были более серьезными и основательными, и появление крымшамхалов у караевцев было отнюдь не случайным.

Интересные предания о взаимоотношениях с шамхалами сохранили и балкарцы. Так феодалы Чегемского общества Балкарии в обращении к русскому командованию в конце XVIII в. упоминали, что некогда они платили подать тарковскому Будай-шамхалу и «платили даже до прибытия на нынешние места кабардинского народа»⁵. Бытовали также предания о том, что во время войны, которую вели чегемцы с кабардинцами, последним помогал тарковский шамхал, пришедший с многочисленным войском⁶ и т.д.

Следует отметить, что и у кумыков народная память сохранила воспоминания не просто о военных походах на Центральный Кавказ, но и о политическом влиянии в этом регионе. Например, в кумыкской лирико-героической песне «О Зоруше» есть такие слова:

Кто теперь чегемцам мост построит,

Кто в моей Кабарде кабацкими узденями (владельцами селений – Р.Б.) будет.

В моей Кабарде много горя для кабацких узденей.

От них (кабардинцев – Р.Б.) кто теперь ясак (дань – Р.Б.) соберет?⁷

Надгробная эпитафия в одном из кумыкских селений упоминает «Гирай-хана», «правителя Чечни и черкесской горной области», жившего приблизительно в XV в.⁸

Оставило свой неясный след в истории Центрального Кавказа и население кумыкского селения Брагуны. В XVI в. оно располагалось в устье реки Сунжа при впадении её в Терек. Но сам термин «брагун»-«боргун» распространен на пространстве от современного Кисловодска до северного Дагестана. Как отметил Л.И. Лавров, это «вряд ли доказывает многочисленность боргунцев, так как источники XVI-XVIII вв. локализуют их на небольшой территории. Топонимика в данном случае указывает, очевидно, на миграции боргунцев и может быть, на видную их роль в истории Северного Кавказа»⁹.

Видимо именно претензии шамхалов на значительные территории Центрального Кавказа, а также этническая миграция кабардинцев на восток в бассейн Терека и Сунжи вызвали в середине XVI в. войну между шамхалом и кабардинскими князьями за гегемонию на Северном Кавказе. Война проходила с переменным успехом, причем обе стороны пытались заручиться поддержкой России. Ка-

бардинское посольство 1557 г., посланное по инициативе князя Темрюка Идарова и завершившееся принятием Кабарды в русское подданство, просило военной помощи не только против Крыма, но и против шамхала. С аналогичными просьбами выступало и посольство, прибывшее в Москву в 1559 г. Однако менее известен тот факт, что одновременно с кабардинскими в Москву в 1557 и 1559 гг. приезжали и послы от шамхальства с просьбой о поддержке. Например, в 1559 г. шамхальские послы просили, чтобы российский государь их «оборонил от холопей своих от черкасских князей»¹⁰. Однако Иван Грозный стал на сторону Кабарды, что во многом и предопределило победу кабардинцев, хотя и не полную. Несмотря на то, что в 1560 г. объединенным русским и кабардинским отрядам удалось даже захватить зимнюю резиденцию шамхала селение Тарки, а самого правителя заставить «бежать в горы»¹¹, военный потенциал последнего был во многом сохранен. В то же время, борясь с политикой централизации, проводившейся верховным князем Кабарды Темрюком Идаровым, значительная часть кабардинских князей во главе с Пшеапшоко Кайтукиным пошла на союз с Будае-шамхалом и Крымским ханством. И хотя коалиционное войско Пшеапшоко и Будае было разбито Темрюком в 1566 г., в очередной раз при деятельной поддержке России, полного разгрома шамхальству удалось избежать. По-видимому, именно с этого момента о своих претензиях на Центральный Кавказ шамхалам пришлось забыть, и они стали отходить в область преданий.

К тому же в конце XVI в. произошел, пожалуй, один из самых болезненных для шамхальства актов сепаратизма, значительно его ослабивший. После смерти Чопан-шамхала в 1577 г. один из его сыновей, рожденный от кабардинки из знатного рода Анзоровых, с помощью кабардинцев и балкарцев фактически отделился от шамхальства и обосновался в Засулакской Кумыкии, избрав своей резиденцией селение Эндери.

Однако влияние шамхальства было ощутимым еще довольно долго вплоть до начала XIX в. Даже после раскола шамхальство, как, впрочем, и отколовшиеся от него феодально-политические образования, продолжали играть заметную роль в военно-политической жизни северо-кавказского региона. Участие кумыкских княжеских дружин в феодальных междоусобицах в Кабарде было обычным делом. Не прерывались взаимоотношения с Карачаем и балкарскими обществами. Причем это не было только связями в области торговли, материальной и духовной культуры. Например, в XVIII в. правитель кумухского (лакского – Р.Б.) селения Табахлу

Махди-шамхал (1729-1783) посещал Карачай, где помогал карачаевцам бороться с внешними врагами¹².

Заметную роль играло шамхальство в деле исламизации народов Центрального Кавказа. Мусульманские проповедники из Дагестана были распространенным явлением в селениях Кабарды, Осетии, Балкарии, Карачая. Многие из них даже занимали высокие должности сельских и окружных кадиев, эфенди и т.п. Как отмечал М.М. Ковалевский: «Горские татары (балкарцы – Р.Б.) становятся ревностными магометанами не без влияния миссионеров, высылаемых время от времени кумыкскими князьями (в частности шамхалами Тарковскими), выдававшими своих дочерей замуж за старшин Чегемского или Балкарского общества»¹³. Активную роль сыграли кумыки и в деле вовлечения народов Центрального и Западного Кавказа в антироссийское восстание 1785-1791 гг. под исламскими лозунгами под руководством шейха Мансура.

Даже земельные наделы вплоть до конца XVIII в. сохранялись у кумыков далеко за пределами современного Дагестана. В 60-х гг. XVIII в., в период основания города-крепости Моздока, русские власти отмечали, что землями около одноименного урочища пользовались кумыки, «содержа тут свой скот и имея свои пашни»¹⁴.

Таким образом, можно констатировать, что многие страницы истории шамхальства, в том числе и в сфере его взаимоотношений с этнополитическими образованиями Центрального Кавказа, практически не изучены и нуждаются в дополнительных, серьезных исследованиях. Изучение же этого вопроса и выявление новых фактов могут серьезно скорректировать сегодняшние представления о средневековой истории Северного Кавказа, позволят по новому взглянуть на особенности социально-экономических и общественно-политических процессов, происходивших в регионе.

Т.Ш. Биттирова

Тюрки Северного Кавказа: проблемы этнокультурных связей

Этногенез тюркских народов Северного Кавказа – одна из малоисследованных проблем истории народов России. Такое положение обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. К первым следует отнести утерю нашими предками письменности при смене религиозных представлений. Несмотря на то, что предки балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев в разное время обладали руническим и греческим письмом, арабской графикой (есть даже глухие упоминания о существовании клинописи – «чюй жазма»), до

начала 20 века на этих языках не было издано книг – самых надежных хранителей исторической памяти.

Репрессии 20-30-х годов, когда была физически уничтожена первая плеяда светской интеллигенции, представители которой стремились и не успели заняться научными проблемами, отражающими все компоненты культуры этноса, не дали возможности нашим ученым наравне с другими представителями народов России активно приступить к научным разработкам проблем этногенеза.

В эти десятилетия (20-50-е гг.) 20 века одновременно уничтожались и материальные свидетельства жизни наших предков – архивные документы, музейные экспонаты, эпиграфика и археологические памятники. Но что хуже всего – многие исторические события искажались и интерпретировались в угоду политике, известные античной и средневековой историографии факты переходили в учебники по истории других этносов.

Депортация балкарцев и карачаевцев 1943-1957 гг. усугубила положение северокавказских тюрков в исторической науке, подготовленные уже Советской властью специалисты не смогли реализовать свой научный потенциал. При этом следует помнить, что историей народов Северного Кавказа начали активно заниматься именно в послевоенное десятилетие, когда были целенаправленно подготовлены научные кадры историков в лучших вузах и Академических институтах страны. В это время были выработаны концепция, хронология, методология исторических исследований по Кавказу. После выселения карачаевцев, балкарцев, крымских татар перед учеными была негласно поставлена задача – стереть с политической карты Северного Кавказа наказанные Сталиным народы. Однако и сегодня мы свидетели того, что официальная наука продолжает игнорировать существование и активное влияние на исторические процессы Северного Кавказа, Юга России, да и Закавказья предков современных северокавказских тюрков.

В федеральных учебниках по истории народов России кумыкам, карачаево-балкарцам, ногайцам отведено, в лучшем случае, несколько абзацев, содержание которых не выдерживают малейшей критики. Не лучшим образом представлены они и в региональных изданиях. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что вопрос профессиональной подготовки специалистов-историков остается открытым и сегодня. Но как писал Басият Шаханов сто лет назад, пока сами балкарцы молчат, не балкарцы пишут о них все, что им заблагорассудится.¹ Это высказывание можно отнести ко всем тюркским этносам Северного Кавказа.

В виду отсутствия полномасштабных разработок гражданской истории тюркских народов Северного Кавказа, всем, кто занимается научными проблемами национальной культуры и литературы, приходится искать и находить историческое объяснение многим очевидным фактам этнической близости карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев на уровне духовной культуры. А их великое множество. Простое перечисление этих фактов заняло бы не один том.

Прежде всего, это – языковая близость. Никто специально не занимался статистикой, но основной лексический пласт языка трех народов идентичен. Карачаево-балкарцы, ногайцы и кумыки понимают друг друга без переводчика. Трудно сегодня сказать, когда началось самостоятельное этническое существование названных народов, но, если судить по лингвистическому материалу, это произошло, возможно, позже распада государства Золотой Орды. Об этом говорит весь комплекс духовной составляющей названных народов.

Фольклорный материал дает нам право с достаточной степенью уверенности говорить о типологическом единстве, как в плане одинакового жанрового его состава, но и очень близкого по содержанию. Устное народное творчество карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев представлено героическим эпосом («Нарты», «Эдиге», «Минкюллю»), сказками, историко-героическими песнями, несказочной прозой, детским фольклором, лирическими песнями, лирико-философскими раздумьями, малыми жанрами – загадками (у балкарцев – элбер, у карачаевцев – элберген жомакъла, у ногайцев – йомакла, у кумыков – чечеген ёмакълар), пословицами (у карачаево-балкарцев – нарт сезле, у ногайцев – макалалар, у кумыков – аталар сезлери), поговорками (у карачаево-балкарцев – айтыула, у ногайцев – айтыувлар, у кумыков – айтывлар), благопожеланиями (у карачаево-балкарцев – алгышла, у ногайцев – алгысла, кумыков – алгышлар), проклятиями (у карачаево-балкарцев – кьаргышла, у ногайцев – каргысла, у кумыков – кьаргышлар) и т.д. Детский фольклор карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев (жанры которого достаточно консервативны и архаичны) содержит много идентичных произведений – Шатман, Шертмен, Озай (новогодние колядки), Къакь-къакь, кьаргъала (стихи о воронах), стихи о котенке, басня «Волк и Барсук» и т.д. Детские познавательные прибаутки о строении человеческого тела – пальчиков, рук, ладони, ног, лица имеют также одинаковые семантические и лексические компоненты.

Духовная общность трех народов прослеживается, начиная с архаичных жанров фольклора. Это и трудовые песни (нужно отметить, что очень близки по звучанию названия песен этого цикла - Гюдюрбай – Ындырбай – песня молотильщиков пшеницы, Ийнай – Ананай – песня жниц...), и магические тексты, и сказочный эпос, и паремии.

Песни, сказки и легенды карачаево-балкарцев содержат много ярких параллелей с ногайским героическим эпосом «Эдиге». Эпические сказания об Эдиге (Идегее) бытуют у всех тюркских народов России и стран СНГ (ногайцев, татар, башкир, каракалпаков, узбеков, киргизов, казахов, барабинских и омских татар, крымских татар), история которых так или иначе была связана с Золотой Ордой.

Многие мотивы эпоса встречаются в кумыкском и карачаево-балкарском фольклоре. В зачине «Эдиге» говорится о чудесном рождении героя и таком же происхождении его отца Кутлу-Кая и деда Баркая. Баркай был рожден девушкой, забеременевшей при вдыхании белого порошка, в который был превращен, найденный пастухом - отцом девушки, череп. Эта сюжетная линия была записана в конце 19 века в Хуламе Н. П. Тульчинским и опубликована в «Терском сборнике» в 1903 году как самостоятельная легенда «Происхождение Аксуек» И в эпосе и в легенде совпадают все составляющие части повествования. В балкарской легенде надпись на черепе гласила: «При жизни мой обладатель погубил сто душ. И мне, мертвой голове, роком предопределено погубить тоже сто душ». В эпосе «Эдиге» говорится, что обладатель черепа погубил 10 тысяч душ, надпись на черепе зловеще предупреждает, что погубит сорок человек. Предсказания обеих надписей сбываются также при схожих обстоятельствах. Обращает на себя внимание примечание Н. Тульчинского к названию легенды – «В прежнее время горские таубии также именовались «ак-сюек» (ак – белый, сук – кость)». Белая кость, оставшаяся после попыток сжечь череп, в балкарской легенде имеет двойкий смысл, как сакральный предмет и как предтеча балкарских князей. Этот небольшой общий эпизод эпического сказания и легенды указывает на этногенетическую общность ногайцев и карачаево-балкарцев.

Второй по значимости эпос ногайцев «Шора сын Нарика». Мотивы данного эпоса встречаются в сказочном и песенном фольклоре карачаевцев и балкарцев. Существовал и самостоятельный его поэтический вариант, о чем свидетельствует запись фольклориста Махмуда Дудова 1952 года от Абаева Хажимырзы.² Этот текст – один из самых хорошо сохранившихся вариантов ногайского эпо-

са. Ему характерны полнота эпического повествования, в нем достаточно достоверно сохранились исторические реалии 16 века, когда в противостояние Московского царства и Крымского ханства были вовлечены все народы региона. Эпос «Чора сын Нарика», записанный в карачаево-балкарской диаспоре, является одной из уникальнейших произведений карачаево-балкарского фольклора, как в отношении содержания, так и по красоте поэтического слога.

Ногайцы называют Эльбрус «Аскартау», что в переводе с ногайского означает «Снежная гора асов». Как пишет фольклорист А. Сикалиев, известный и своими историческими исследованиями, в этническом сознании ногайцев асы – это предки карачаево-балкарцев и ногайцев.

Аскартау встречается в качестве оронима и в кумыкской детской считалочке «Алты тав» – «Шесть гор»:

*Ва алты тав, алты тав,
Алты агъанг тюгюлмю?*

*Арасында Асхар тав,
Чинг уллусу тюгюлмю?*

*О шесть гор, шесть гор,
Они разве не твои шесть дядек?*

*Между ними гора Асхар,
Разве она не самая большая?*

В карачаево-балкарском фольклоре также имеется множество упоминаний о ногайцах. Автор монографии «Карачаево-балкарский героический эпос» М. Джуртубаев пишет: «Чаще других в эпосе встречается этноним «ногайцы», что вполне понятно – ногайцы сыграли очень большую роль в истории Северного Кавказа». ³ Есть даже персонаж нартского эпоса Ногайчык, который «представлен в нем могучим батыром, намного превосходящим в мощи самого Ерюзмека...» (там же, 36 с.). Ногайцы часто выступают как второстепенные герои сказок, легенд, песен и т.д. В некоторых произведениях, таких как легенда «Азнауур Жанхотов», – и как самостоятельные исторические персонажи. В ней говорится:

«Старший из ногайцев Шидак был дядей Азнаууру по матери». В поэтической версии этой легенды есть строки:

О Азнауур! Азнауур! Болмаз саурусхан,

Ногай байталланы таугъа сюре тауусхан.

О Азнауур! Азнауур! Не будет сауруханом (?)

Истошил ногайские табуны, угоняя в горы...

Народная память хранит не только фрагменты эпических сказаний ногайцев, но и этногенетические предания о родстве с ногайцами и кумыками. Так, некоторые фамилии Чегемского ущелья

считаются выходцами из Ногая, а князя Безенги – Сюйюнчевы из Брагун кумыкских, князя Хуламского ущелья – Шакмановы – из Маджар. Существуют и документальные подтверждения этнического родства князей Чегемского ущелья и ногайцев. Ученым-этнологом Б. Х. Кучмезовым в ЦГАДА обнаружено обращение Чегемских таубиев к царской администрации, в котором говорится о том, что они издревле происходят из Большого Ногая. Надо сказать, что антропометрические признаки этого родства среди чегемцев можно наблюдать и сегодня.

В более поздних фольклорных произведениях упоминания о ногайцах и кумыках встречаются крайне редко. Другое дело – авторские произведения. Начиная с 1903 года – времени издания книг на кумыкском языке в Темирхан Шуре, в Балкарии и Карачае произведения кумыкских авторов получили признание наравне с Дагестаном. Имена и произведения Абдурахмана Какашуринского, Абу-суфьяна Акаева, Нухая Батырмурзаева органично вписались в карачаево-балкарскую духовность. Карачаево-балкарскими авторами было написано множество стихов религиозного содержания, переводных и оригинальных, навеянных этой литературой.

Этническая близость и общность истоков нашли отражение и в современной литературе. Старейшина ногайской литературы Солтан Суюнов в стихотворении, посвященном родству Балкарии и Ногая, – «Близнецы», пишет:

Брат мой балкарец!

Мы вышли из одного чрева.

Наши кони бежали вместе

От кургана к кургану...

В одно время, в один час

Вся страна была разрушена.

Ее постигло горе,

Вековые дубы погнулись,

Гордость была затоптана,

Словно ударом молнии

Были рассечены надвое...

Балкарцы и ногайцы долгие века

Были вместе.

Но, выйдя из одного корня,

Не смогли потом встретиться.

(подстр. пер.)

В этом стихотворении-балладе содержится информация, что ушедшая из Ногая часть народа была поселена на берегу Жылгы. В

Балкарии есть две небольшие речушки с таким названием, одна из которой находится именно в Чегемском ущелье.

Мы привели небольшой перечень примеров, иллюстрирующих единство нашей культуры, нашу историческую общность. Они дают достаточно оснований говорить о едином этногенетическом стволе, от которого отпочковались карачаево-балкарцы, кумыки и ногойцы и необходимости коллективных усилий ученых карачаево-балкарцев, ногойцев и кумыков в исследовании проблем этногенеза.

И.М. Каракетова

О традициях народной одежды и борьбе с ними в советские годы

Костюм – выразитель социальной и индивидуальной характеристики человека; его эстетического вкуса, характера, возраста, пола.

Коренной обитатель (автохтон) страны, региона всецело принадлежит среде, в которой обитает. От окружающей среды зависит его пища и одежда. Одежда народов различается, как по материалу, так и внешним видом. Выбор ткани и формы одежды обуславливались главным образом климатическими условиями страны, где жил тот или иной народ, а отделка одежды и её украшения соответствовали уровню промышленного развития народа.

Латинское слово «традиция» прочно вошло у нас в научный, литературный, бытовой лексикон. Под традицией подразумеваем культурное наследие, а также процесс трансмиссии культуры – передачи культурных достижений от поколения к поколению.

Одежда – это составная часть материальной и духовной культуры. С одной стороны это материальные ценности, созданные трудом человека, которые удовлетворяют наши потребности; с другой – это произведения декоративно – прикладного искусства, эстетически преобразующие человека. Одежда относится к числу устойчивых этнических признаков и дает богатый материал для познания национальной культуры того или иного народа, а порой и ключ к пониманию некоторых вопросов конкретной истории, этногенеза, исторических связей и взаимовлияния народов, проблемы сближения наций. Будучи обусловлена уровнем экономического развития, формами хозяйства, производственным бытом народа и географическими условиями, одежда является источником познания и этих сторон жизни¹⁵.

Народный костюм — это бесценное неотъемлемое достояние культуры народа, накопленная веками. Одежда, прошедшая в своём развитии долгий путь, тесно связана с историей и эстетическими взглядами создателей. На формирование состава, покроя, особенностей орнаментации народной одежды оказывали влияния географическая среда и климатические условия, хозяйственный уклад и уровень развития производительных сил. Немаловажными факторами явились историко-социальные процессы, способствующие созданию особых форм одежды, значительна была роль местных культурных традиций.

Каждый народ свои обычаи и культурные особенности воспринимал как нечто изначальное. «После зарождения мира расселились люди в разных местах и стали жить — поживать. Каждому народу был дан свой определенный язык, своя одежда...» — повествуется в одном из башкирских преданий¹⁶.

Чтобы понять душу народа, надо проникнуться его древней культурой, традициями, сквозь пыль веков донесшими до нас, сегодняшних, тайны представления о мире. Национальный костюм каждого народа, древний и загадочный, с вышивкой, кроме необыкновенной красоты и гармонии несет в себе столько неразгаданных загадок и зашифрованных посланий, что не одному поколению придётся ещё постигать эту тайнопись. Национальный костюм несёт в себе нравственные и этические нормы народа, которые и сегодня служат основой духовности.

Всё величие национального костюма кроме красоты, яркости и праздничности несло и функциональность, имел не только своё утилитарное предназначение, но и философское, и смысловое значение. Наши предки читали костюм как книгу. Точно так как по мундиру военного видно: какое звание имеет, каких наград удостоен, где воевал и так далее. Одежда каждого человека содержала огромное количество деталей, очень много говоривших о её обладателе: из какого он племени, какого рода, и массу других деталей. Глядя на одежду человека, сразу можно было определить, кто он такой и откуда, а значит, и как себя с ним вести. До сих пор в русском языке сохранилась пословица: «По одежке встречают, провожают по уму». Только не все теперь знают, из каких отдалённых времён явилась эта народная мудрость. Обычно считается, что «по одежке» видно, богат ли человек и со вкусом ли одевается. На самом деле всё гораздо серьезней: впервые повстречав человека, «по одежке» определяли его род и решали, как себя с ним

вести. В национальных костюмах всё продумано, осмыслено, нет случайностей или незначительных деталей.

Необычайно самобытен и оригинален народный костюм, его характеризует богатство форм, своеобразие украшений, разнообразие приемов его изготовления. Народный костюм - яркий определитель национальной принадлежности человека. Состав одежды, его покрой, характер декора обычно складывались на протяжении многих веков и были обусловлены хозяйственно - бытовым укладом народа, его культурно - историческим развитием. Народный костюм ценнейший памятник народного творчества. При описании материальной культуры, особенно когда ставится задача изучения этногенетических проблем, существенное внимание уделяется одежде, так как в её традиционном составе, материале, оформлении, покрое находит отражение этническая специфика.

Одежда - специальное средство защиты человеческого тела. Материалом для одежды первобытного человека служили мягкая кора деревьев, листья и волокна тропических растений и т. д. Выбор материи был обусловлен окружающей природой. Главным материалом служили шкуры животных. Ещё в I в. н. э. люди шили одежду из шкур сухопутных животных. Древние погребения донесли до нас целые комплекты меховой одежды: шубы, штаны, чулки, обувь. Все эти факты - свидетельство наличия древней культуры одежды¹⁷. Позднее начинают прясть нити и ткать материалы из овечьей шерсти, волокон культурных растений (хлопок, лён, конопля). Одежда спасала человека и спасает от многочисленных болезней. Изучение национального костюма разных народов имеет огромное значение в науке. Так как она показывает уровень их общей культуры, культурно - исторические связи с окружающими народами, прогресс этих народов, а также социальное положение племени и слоёв населения. Одежда отражает стиль эпохи, настроение человека, его быт и нравы, его конкретный образ складывался веками в ходе тысячелетней истории человечества. Народный костюм служил наиболее ярким определителем национальной принадлежности человека. Его особенности зависели от географических, климатических, социальных условий в которых обитал народ, от его домашнего уклада и производственных навыков. В традиционном костюме воплощались художественно - эстетические идеалы, находил отражение и духовный мир людей. Народный костюм показывает менталитет данного народа, его религиозные воззрения, общий уровень его развития. По по-

воду рождения и смерти, объявления войны или заключения мира, совершеннолетия или свадьбы – все эти изменения в жизни человека отражались на его одежде. Одежда бывает повседневная, праздничная и обрядовая. К последней относятся одеяния священнослужителей, специальные платья, надеваемые при исполнении различных обрядовых действий. Сама одежда и её название являются историческим источником изучения культуры народа и его языка, она отражает взаимоотношение и взаимовлияние народов, их быт, обычаи и обряды, то есть возрастные и социальные различия. Ещё в древние времена, согласно данным археологов, на Северном Кавказе изготавливались шерстяные ткани разного качества. «Из шерстяной ткани шились различные (в том числе народные) одежды, скреплявшиеся бронзовыми булавками, фибулами и застёжками. Из шерсти шилась одежда, вязались чулки. Собственно не считая кожи, шерсть и шерстяная ткань являлись основным материалом идущим на изготовление одежды и, по - видимому, даже лёгкой обуви у племён Северного Кавказа того времени. О том, что изготовление шерстяных тканей было в то время самым распространённым домашним делом женской половины каждой большой семьи, каждого рода, можно судить по многочисленным находкам глиняных пряслиц»¹⁸.

В создании карачаево-балкарской народной одежды нашли применение разнообразны материалы. Использовались почти все известные народу декоративно – художественные приёмы: узорное ткачество, вышивка, аппликация, ювелирное мастерство, вышивки из серебра и золота, тиснение по коже. Плоды разносторонней деятельности людей объединены в costume естественно и гармонично, составляя единое целое. Традиционно праздничный наряд являлся непременным атрибутом обрядов и торжественных церемоний. При создании одежды учитывалась специфика костюма: функциональное назначение отдельных элементов костюмного комплекса, возможность их варьирования с учётом разных бытовых условий и возрастных категорий членов общества. В сложении народного костюмного комплекса большое значение имела и сама природа одежды: её объёмность, подвижность, отсутствие раз и навсегда обусловленного внешнего фона. На формирование состава, покроя особенностей орнамента национального костюма оказывали влияние, как было сказано выше, географическая среда и климатические условия, хозяйственный уклад и уровень развития производительных сил. Традиционный костюм каждого народа является па-

мятником народного искусства народа художественным ансамблем, главным в котором является сам человек. В вопросе эстетического решения костюма, народ исходил из красоты материала, его формы и конструкции вещи. Так народная одежда из шерсти, сохраняя натуральный цвет волокон, являлась хорошим фоном для орнаментации. Верхняя одежда из сукна (войлока) или овчины декорировалась в основном аппликациями из цветной кожи, сукна или нашивками из шерстяных шнуров, кистей. Одежда из тонких тканей украшалась, как правило, вышивкой, которая располагалась по линиям швов, краям, соединяя отдельные части в единое целое, подчёркивая красоту формы костюма и тела человека.

По общему виду одежда делится на *глухую* (без разрезов спереди, одевается через голову) и *распашную*, наиболее широко распространенную. По расположению на человеческом теле различают одежду *нательную* (одета на голое тело), *верхнюю* (одета поверх нательной), *плечевую* (укрепляется на плечах — халаты, куртки и т. д.), *поясную* (укрепляется на поясе — штаны, юбки), *набедренную* (укрепляется на бёдрах; характерна как единственная форма одежды в тропических странах, например, набедренная повязка, пояса стыдливости, передники).

Покрой одежды зависит от материала, а при изготовлении из ткани — от ширины её. Выделяется одежда трёх видов покроя — *цельнокроеная* (из одной шкуры или целого куска материи), *туникообразная* (узкое полотно, перекинутое через плечо и рукава вшиты у плеча) и *кимонообразная* (широкое полотно, дающее возможность кроить плечо вместе с рукавом или частью рукава).

Несомненно этническую специфику может нести и запах одежды — расположение полков относительно друг друга в распашном виде. Полы могут сходиться посредине, такую одежду называют либо *прямозастёжной*, либо — с прямым разрезом; левая пола может находить на правую — *левополая*, правая на левую — *правополая* одежда, или одежда с правым запахом. Например, в каменных тюркских изваяниях подчёркнута такая специфика расположения полков, отличающая тюрков от монголов и китайцев.

Образ жизни человека, форма его тела определили начальные примитивные виды одежды:

- шкуры зверей;
- растительные материалы.

Появляется необходимость в креплении одежды. Типы одежды по месту крепления:

- поясная,
- плечевая.

Основные формы одежды:

1. *драпированная* – наиболее древняя форма одежды, окутывающая тело и удерживающая посредством поясов, повязок, застёжек (Др. Греция, Др. Рим).

2. *накладная* – более сложная форма одежды, где полотнища ткани перегибались вдоль основы и сшивались по бокам, оставляя прорезы для рук и вырезая горловину (Византия).

3. *распашная* – форма одежды имеющая разрез сверху и донизу (Московская Русь).

Первобытному человеку была необходима свобода рук для орудий труда, чтобы держать орудие труда и просто для совершения движения. Первооснова одежды – *пояс*¹⁹.

В последствии на пояс стали что – либо надевать; так появились передники, юбки, брюки. Предметы одежды издавна возникли из отдельных элементов. Так в древние времена рукава первоначально играли самостоятельную роль. Брюки надевались на каждую ногу отдельно и не сшивались. Кроме домашнего сукна для одежды использовались привозные ткани. Через территорию нынешней Карачаево-Черкесии в средние века пролегали торговые пути из Китая в Византию. Кавказ являлся как бы мостом между Востоком и Западом, Югом и Севером. Множество тканей из Китая, Центральной Азии, Персии, Египта, Византии, Турции, России, Крыма и Закавказья оседали у наших предков в виде платы за то, что они становились проводниками караванов через перевалы Главного Кавказского хребта.

Народный костюм карачаевцев, как и всех горцев Кавказа является очень красочным и своеобразным. В народном костюме карачаевцев видны следы влияния местных кавказских традиций и элементы древнетюркского костюма, орнамента, украшений. Вышивки и украшения одежды прошлых столетий доносят до нас первозданный колорит и архаику традиционного орнаментального искусства. В солярных мотивах (изображение Солнца, звёзд), зооморфных – кручёные «*бараньи рога*», растительный – «*трилистник*», геометрический орнамент идущий ещё с *майкопской и кубанской культур*, в вышивке и аппликации нашли отражение древние воззрения и языческие верования карачаевцев. Не только эстетические идеалы, но и сложное восприятие полного противоречий и загадок мира лежат в

основе использования для украшения из серебра, сердолика, бирюзы, золота, рубина и других материалов, которые выполняли в костюме, помимо декоративной, охранную функцию – играли роль *оберегов*²⁰, эти камни имели охранную роль не только у карачаевцев, но у многих тюркских и дагестанских народов²¹.

Большое значение в выяснении ранних форм одежды карачаевцев, как и у других народов мира, имеет знакомство с археологическими памятниками культуры тюркского мира. По каменным статуям, находимых в большом количестве в степном Предкавказье, можно составить определенное мнение об одежде кочевых древнетюркских племён. В истории известно например, что именно от древних тюрков идёт обычай ношения штанов как мужчинами так и женщинами. Это было связано с необходимостью езды верхом, так же прирученной тюрками лошади. Н. И. Веселовский подчёркивает прямую линию преемственности, связывающую одежду ряда кавказских народов, с одеждой изображённых на *«каменных бабах»*²². Многие археологи и этнографы обращали внимание на проработанные детали костюма как на женских, так и на мужских статуях. Археолог, графиня П. С. Уварова в своих исследованиях отмечает *«... совершенно особый тип каменных фигур, встречаемых на Кубани, вдоль Кавказского предгорья...»*, в одежде которых она видит *« тонкие черкески, перетянутые поясом и отделанные галунным орнаментом..., что напоминает нынешние костюмы.»*²³.

На богатых археологических материалах накопленных с могильников БАЙРЫМ, ВЕРХНИЙ ЧЕГЕМ, КУРНОЯТ, ТАШЛЫ – ТАЛА, КАРТ – ДЖУРТ, ХУРЗУК и многих других мы имеем обширную информацию для возможности восстановления народной одежды карачаевцев, которая складывалась веками. По фрагментам одежды найденных при раскопках установлено, что они изготовлялись из кожи, шерсти, войлока, дмотканой и привозной тканей. Карачаевцы и балкарцы с древнейших времён занимались скотоводством и имели богатую сырьевую базу для изготовления одежды не только для своей семьи, но и для обмена, продажи. Из привозных тканей в особом почёте у горцев были бархат, парча, шелка и полущелка. Шелка и полущелка в сочетании с сукном и другими дмоткаными материалами определяли стиль одежды кочевничьей знати ещё в древнетюркском обществе. Археологические раскопки позволяют заключить, что население Тюркского каганата предпочитало

«носить шёлковую одежду, а также крытые шёлком тёплые войлочные халаты и шубы»²⁴.

Такая же одежда сохранилась и носилась карачаевцами вплоть до конца XIX века. Народную одежду карачаевцы, как и другие народы делили на нательную и верхнюю, а также на праздничную и обрядовую, т.е. свадебную или траурную. Также делилась на половозрастное и социальное, имела яркую цветовую окраску, как у всех народов мира. Очень выразительным и красивым являлся национальный костюм карачаевки.

После Октябрьской революции молодая советская власть повела яростную борьбу не только с «врагами народа», кулаками и религиозными деятелями, но и с национальной культурой, традициями и обрядами горцев. Веками создававшаяся и отшлифовывавшаяся от поколения к поколению народная культура по велению Советской власти мгновенно стала «пережитком прошлого».

Традиционно – бытовая культура, горский этикет, народная педагогика столетиями складывалась в тесном контакте с религией и вместе с ней попала в опалу новой власти. Дело дошло до того, что в национальных регионах Северного Кавказа началась агитация против национальной одежды, которая стала считаться пережитком прошлого и его ношение стало показывать «отсталость горца». Так в «Положении о бытовых секциях» при сельских Советах, в которые входили женщины – члены сельсоветов и представители общественности, указывалось, что в функции секции входит: «Разработка вопросов по раскрепощению женщин от рабских пережитков семейного быта (уничтожение взглядов на женщину, как на рабыню, борьба с ношением металлических нагрудников и поясов, т.д.)». Как пишет в своей книге «Одежда народов Северного Кавказа XVIII- XIXвв.» Е. Н. Студенецкая, «борьбу против нагрудников и поясов объясняли тем, что они слишком дорого стоят».

В рамках данной политики проводилась и кампания *«Пальто – горянке»*. Начиная с 1928 года эту кампанию новая власть проводила в течении ряда лет по всем национальным областям Кавказа. Вот текст этого постановления:

«1. Как результат векового бесправия горской женщины существует обычай, что девушки и пожилые женщины не носят тёплой одежды. Этот обычай при наличии суровых зимних месяцев лишает девочек возможности посещать школы, а взрослым женщинам принимать участие в общественной ра-

боте и тем самым является тормозом приобщения горянок к общественно — культурной жизни.

Обычай этот влечёт также массовые заболевания и калечение женской бедняцкой массы, в силу экономического положения вынужденной выполнять работу вне дома (ношение воды Уход за скотом) без тёплой одежды.

2. Первое краевое совещание комиссии по улучшению труда и быта горянок считает, что искоренение этого обычая является насущной потребностью в национальных областях. Организованное проведение длительной кампании за тёплую одежду горянок должно явиться наступлением дела искоренения старых обычаев, оставляющих горянку в неравноправном положении. Эта кампания даёт возможность провести в широких массах горцев и горянок разъяснение существующих законодательств Советской власти о равноправии горянки и борьбе с бытовыми преступлениями».

Читая директиву новой власти мы видим, что ношение удобной для местных условий национальной одежды «стало» признаком отсталости, а затем и в бытового преступления. Бедным слоям населения тяжелое ватное пальто раздавалось бесплатно, а остальному населению — продавалось. Как это похоже на нынешние времена, когда государство любыми путями, включая и уничтожение национальной культуры народов, «выколачивает» деньги со своих граждан. Но как горянке в таком ватном пальто доить корову или сесть на коня, чтобы поехать в соседнее селение к родственникам. И как объяснить, приехавшим из городов уклад горской жизни. Горцы находились на отгонных пастбищах со скотом, где они доили и коров и барашек и коз, заготавливая на зиму семье и для продажи отменный сыр и масло, стригли шерсть, валяли мясо. А дома оставляли слабый скот или несколько коров для того, чтобы в семье было молоко и кисло — молочные продукты. И за ними смотрели естественно женщины в семье. Читая всё это задаёшься вопросом, неужели горцы, так высоко вознесшие культ матери, не подумали о её здоровье? В Карачае культ женщины был высок. С рождения девушку оберегали и охраняли все мужчины рода, молодую невестку трепетно оберегали родные мужа. А авторитет и почёт матери был и остаётся священным на Кавказе. И как у женщины, которая делала всю одежду для членов семьи сама, не было тёплой одежды? Ведь она вязала тёплые носки, штаны из шерсти, шила из кожи тулупы, штаны, обувь для

членов семьи. И читая труды исследователей Кавказа мы находим, описание тёплой одежды женщин.

Тип тёплой одежды горянок определялся природными условиями, сословной принадлежностью и благосостоянием семьи. В номенклатуру типов тёплой одежды горянки входили:

1. **ШУБЫ**, изготовлявшиеся из шкуры овцы или другого меха, они были нагольные или крытые.

2. **КЪАПТАЛ** – одежда сшитая из ткани, стёганая на шерсти или вате, а также подбитая или отороченная шкурками диких животных.

3. **ПАЛТОН ДЖАУЛУКЪ** – *плед* – наплечная шаль, из толстого сукна или шерсти.

4. **ВОЙЛОЧНЫЕ САПОГИ** – обшитые галунами или аппликацией из кожи.

Женские шубы в Карачае считались престижной одеждой. Шились они аналогично мужским шубам. Шубы входили в приданное девушек и материал для них подбирался очень тщательно. Шубы шились отрезными в талии, прилегающим в верхней части и расширяющимся вниз от талии. Воротника обычно не было. Застёгивали от ворота до талии встык, на мелкие и круглые серебряные или шнуровые пуговицы. Такие шубы были очень удобны в носке и эффектны, подчёркивая красоту и стройность горянки. В сильные холода горянки носили шубы – «джыйгыч тон», приталенные с оборками сзади и боков. В основном шубы шились из овечьей шкуры, длинный мех остригали, чтобы шуба была лёгкой. Очень ценились шубы из шкурок новорожденных ягнят – *кёрпе* тон, а также из шкурок мертворожденных ягнят – *ажгель* тон. Ажгель тон шили обычно для маленьких детей, так как она была очень мягкой. Шили шубы также из шкур диких животных; куницы, белки, лисы, зайца, даже молодого турёнка. В древности шубы шили нагольные, но со второй половины XIX в. Стали шить шубы крытые. Социальные верхи и зажиточные горцы шили крытые шубы из однотонных и дорогих шерстяных тканей, также парчи, бархата, шёлка. Основная масса населения носила шубы крытые из чёрного сукна или нагольные. Молодые женщины и девушки праздничные шубки обшивали бархатом, украшали золотой или серебряной вышивкой и галунами, подбивали беличьими шкурками – *тийин* тон, мерлушкой – *эльтир* тон. Часто ворот, борта и подол окаймляли мехом.

Но главной одеждой замужней и пожилой женщин был – *къаптал*. В прохладное время в суровых высокогорных ус-

ловиях женщины носили «кѡпталы» – платье, стѣганное шерстью или подбитое шкурками диких животных. Оно было универсальной одеждой, как праздничной, так и повседневной, и в соответствии с этим разделялся по покрою и материалу. Носили кѡпталы в основном замужние женщины. Кѡптал имел покрой черкески: длинный, с раскрытой грудью, распашная, с цельными передками и спинкой, с боковыми клиньями. Плечи перекидные, рукав вшит по прямой линии с переходом к боковому шву, без ластовиц. Длина рукава на кѡпталах пожилых женщин было до запястья. У более молодых, на праздничных кѡпталах, рукав делали иногда до локтя. Застѣжка у пожилых женщин шла от ворота до талии из маленьких металлических или нитяных головок. У молодых женщин кѡптал шилась с открытой грудью и с несколькими пуговицами у талии. Длина кѡптала у карачаевок доходила до щиколотки. Кѡптал шился из плотных тканей; шелка, атласа, кашемира, сатина, бархата.

Пожилые женщины носили кѡпталы черного, тѣмно – синего, серого, зеленого цветов. Девушки кѡптал не носили. Кѡптал – это возрастная одежда и только замужняя женщина носила его.

Молодые женщины носили кѡпталы ярких, однотонных, но не броских цветов. Украшали галунами и вышивкой из серебряных и золотых нитей. Из под открытого на груди кѡптала виднелись серебряные застѣжки – тюйме, а талию опоясывали серебряным поясом.

Утеплѣнный кѡптал снизу подбивали шерстью, беличьими шкурками или мерлушкой. Иногда ворот, борта и подол кѡптала окаймляли также мехом. Сверху такого утеплѣнного кѡптала или шубы пожилые женщины носили «палтон джаулукъ» – шерстяной плед. К суперпрестижным головным уборам у карачаевок относились также и «палтон джаулукъ» – шерстяные пледы. Выше всего ценились шерстяные пледы особой выделки, напоминавшие карачаево – балкарское «кѣрпе» и называвшиеся «кѣрпе палтон джаулукъ». Их носили накинув на плечи. Такие пледы были очень популярны и среди русского населения на Кавказе. Они были одеждой, в основном, женщин, девушки носили их довольно редко. «Кѣрпе палтон джаулукъ» балкарки называли ещё и «гранча джаулукъ». «Кѣрпе джаулукъ» были разного цвета, самыми престижными считались зеленое и бордо. Но главным в

этом изделия был не цвет, а качество изделия. Имеющая «кёрпе палтон джаурукъ» считалась богато одетой. По данным Е. Н. Студенецкой были у карачаевцев известны и пледы — платки под названием «палтон джаурукъ». Они представляли собой большие клетчатые платки из чистошерстяной ткани с кистями, квадратной формы, различной расцветки. Как и мужской, женский головной убор являлся одной из главных деталей костюма. И этот высокий статус головного убора женщин не только не упал, но, наоборот, повысился с появлением в Карачае большого количества разнообразных платков. Хороший, по эстетическим понятиям карачаевцев и балкарцев, платок стал самым престижным головным убором. На ноги молодые женщины одевали мягкие войлочные носки, сверху «сахтыан» — сафьяновые сапожки шитые золотом или с аппликацией. В Карачае и Балкарии коз было так же очень много, как и овец. Ещё женщины шили сафьяновые месси. Женские месси в отличие от мужских украшались вышивкой. Месси одевали с чарыками. Пожилые женщины внутри месси носили ещё и «уюки», которые были короче чем месси, чтобы не выглядывали. Для холодного времени года изготавливали в Карачае «уюки» войлочные, обшитые сафьяном — «сахтиян уюкъ». Они плотно облевали ногу. Их старались как можно лучше украсить всевозможными узорами. Войлок для них делали из шерсти разных цветов, среди которых преобладали чёрный и серый, сафьян же употреблялся чёрный или коричневый. Позже стали носить «уюки» — мягкие валенки, с калошами.

Всё это описывали путешественники побывавшие на Кавказе в разное время. Во время проведения археологических раскопок найдено большое количество хорошо сохранившихся типов одежды, которое носили наши предки в далёком прошлом. Просто прежде чем вводить что — то новое в материальную культуру горцев надо было выяснить, а нужно ли оно им. Горянки далеко из дому не отлучались. Разве что летом на кош, а осенью на базар или в соседний аул за невестой. К тому же карачаевки, как и мужчины большую часть пути проводили на лошади верхом. Даже горянки в возрасте легко и долго держались на лошади; национальный костюм веками шлифовался и стал таким удобным, она была приспособлена к среде в которой она жила. А попробуйте в русском пальто на вате сесть верхом на лошадь или

управляться по хозяйству. В горах как нигде сохранился патриархальный уклад жизни.

С седой древности основным занятием карачаевцев было скотоводство и имея сырьё в виде шкур и шерсти, как могли не иметь карачаевки тёплой одежды. Каждый народ в силу географических условий и среды обитания носит свою одежду, удобную в быту. Даже царские чиновники в прошлые века обратили внимание в каких больших количествах продают карачаевцы изделия из шерсти: бурки, шубы из овчины, домотканное полотно для черкесок, башлыки, разнообразную обувь из кожи.

Идущие из глубины веков народные промыслы сохранились и в наши дни. Как бы материально не были обеспечены карачаевки, и в настоящее время «заложённая в генах» привычка к труду берет вверх. С малолетства и до глубокой старости вяжут карачаевки для дома и продажи шерстяные изделия. Более трёхсот видов одежды вяжут и сейчас мастерицы в каждом карачаевском ауле. Это и трудовое воспитание девочек и хороший доход в бюджет семьи. Всё больше внимания надо уделять народным промыслам и ремёслам и возрождать их в школах и сельских домах культуры.

Б.Х. Кучмезов

К истории политических отношений между балкарцами и кабардинцами

История балкаро-кабардинских отношений в Центральном Кавказе насчитывает более 600 лет. Этот период берёт начало с конца XIV вв. когда после нашествия азиатского завоевателя Тимура, население Центрального Кавказа было частью уничтожено а частью скрылось в горах.¹ После него здесь появляются кабардинцы, которые жили до этого вокруг Азовского моря и в Нижней Кубани.² Однако, взаимопроникновение культур этих народов имеет значительно более древнюю историю, если иметь в виду что одни из предков балкарцев – аланы и болгары длительное время, как минимум, с IV по XIII вв., мирно жили по соседству с предками адыгов на Северо-Западном Кавказе. Кроме того, и болгары и аланы, также участвовали в формировании этнических сообществ Прикубанья. О том, что часть аланов была ассимилирована синдами, писали многие исследователи. Продвижение адыгских групп на Восток произошло неодномоментно и не всегда мирным путём. Рассматривая Этокский памятник – Дука-бек как свидетельство по-

явление адыгов в районе Пятигорья, видный кавказовед Гадло А. В. отмечает, что первые инфильтрации адыгов на Центральный Кавказ могли происходить в XI-XII вв.⁴ Впрочем, с ним не согласны другие исследователи⁵ которые не допускают подобной возможности т.к. в это, время, здесь жили аланы, болгары и половцы. Другой исследователь, Бетров Р.Ж. отмечает, что миграция кабардинцев в значительной степени изменила этническую карту Центрального Кавказа, и сначала им пришлось с оружием в руках отвоевать эти новые земли.⁶ Согласно кабардинскому фольклору, при появлении кабардинцев на нынешних местах во главе с Кабардом Тамбиевым они обнаружили здесь тюркутов (видимо торков русских летописей, - Б.К.), которые вели полукочевой образ жизни и располагали развитой военной инфраструктурой, и на первых порах, подчинили себе тамбиевцев.⁷ Однако, вследствие своего кочевого образа жизни, тюркюты вынуждены были покинуть эти места.

Любопытные документы XVIII века обнаруженные нами в РГВИА, приводят следующие сведения: «Кабардинцы утверждают, что балкарцы жили на этих местах и тогда когда кабардинцы здесь не поселились и что они, балкарцы, вместе с чегемцами (неясное слово...) вышед из Моджар и ими (этими землями - Б.К.) овладели⁸. С этого времени и начинается соседство балкарцев и кабардинцев на территории современной КБР. Однако – это было лишь начало движения адыгов на восток – в более поздние времена, вплоть до XVIII в., большие и малые группы адыгов продолжали миграцию на восток. Причиной тому могли быть образование в Крыму сильного и агрессивного государства – Крымского ханства, которое сразу начало экспансию на Кубань или появление ногайских орд в этом районе. То, что генеалогии многих современных кабардинских фамилий возводят себя в Закубанье,⁹ так же, на наш взгляд, свидетельствует, в пользу этого. Видимо, кабардинцы ещё некоторое время продолжали жить вместе с жившим здесь до них, тюркоязычным населением этого региона.

В пользу этого говорит тот факт, что многие местности на территории Большой Кабарды кабардинцы называли тюркскими топонимами - Кызылбурун, Акбаш, Карагач, Кашхатау, Герменчик и т.д. Вероятнее всего, это тюркоязычное население Центрального Кавказа позже перебралось в горы, где влилось в состав балкарцев. Последние, с приходом на предкавказскую равнину оседлого населения в лице кабардинцев, теряют возможность свободного выпаса своего скота на зимних пастбищах и становятся зависимыми от кабардинцев. В то же время экономическая зависимость балкарцев не сразу и не у всех обществ перешла в политическую зависимость от

Кабарды, которая наиболее отчётливо наблюдалась со второй половине XVIII века, т.е. с фактическим вхождением Кабарды в состав Российского государства.

Что касается собственно Балкарского общества, то оно, как отмечалось во многих документах,¹⁰ сохраняло свою относительную независимость.¹¹ Что касается Чегемского общества, кабардинские князья в конце XVIII века сообщали Буткову что «...на вершине р. Чегем проживает племя Чегемцев, которые некогда были сильным племенем.¹² Возможно, период о котором упоминали кабардинские князья, относился к временам, когда в Чегеме правили владетельные князья Рачыкѡаулары, и по легенде были истреблены восставшим населением Чегема во главе с потомками Анфако. Человек с этим именем является весьма известной личностью и нередко встречается в документах пер пол. XVII века, как первый узденъ и помощник небезызвестного кабардинского князя Алегуки Шеганукова который был одной из самых известных фигур на Северном Кавказе. Перед Кабардой в этот период стояли задачи освобождения Баксанского ущелья от сванов и карачаевцев, истребление не-лояльных, а подчас и агрессивных по отношению к Кабарде чегемских князей Рачыкауовых. Согласно фольклору это удалось выполнить правнукам Анфако, которые устроив переворот с «варфоломеевской ночью» в Чегеме, захватили власть и открыли путь сюда кабардинским князьям и кумыкским шамхалам, которые объединившись, по сути превратили Чегем в подвластную себе территорию, обложив его население податью.

Примечательно, что потомки Анфако – Балкаруковы, Барасбиевы, Кучуковы и Келеметовы, нередко с оружием в руках, до XIX века выполняли свои союзнические обязанности перед кабардинскими князьями, в их борьбе с карачаевцами и Урусбиевыми. В последствие многие из людей гвардии Анфако остались в Чегеме. Подтверждением этому факту являются генеалогии некоторых чегемских фамилий. Согласно генеалогии Мирзоевых, Курмановых, Элекуевых, их родоначальником являлся некий Гимыш. В рассказе Алимьрзы Балкарокова упоминается помощник Анфако с таким же именем Гимишри. Вероятно, здесь речь идёт об одном и том же человеке. Другого помощника Анфако звали Адурхай. Согласно генеалогии чегемских фамилии Газаевых и Жазаевых – их общего предка звали так же Адурхай. Таким образом, нельзя исключить вероятность того, что они и есть потомки кабардинской гвардии Анфако обосновавшиеся в Чегеме, которым его потомки пожаловали узденство. Полевые исследования показывают, что этнокультурное

взаимовлияние Кабарды и Чегема всегда ощущалось более отчетливо, чем в других местах Балкарии.¹³

Историю взаимоотношений Балкарии с Кабардой в XVI-XVII в.в. раскрывает документ обнаруженный в фондах РГВИА, в котором отмечается, что «чегемы обитают в тыл, Большой Кабарды в вершинах соименной себе речке Чегем, который в вершинах называется Шаудан и по впадающей в Баксан реке Гёнденелен. Они имеют до 1000 домов»¹⁴. Исходя из этих данных, чегемцев во второй половине XVIII в. насчитывалось около 8-10 тыс. человек. «Чегемы поселились на настоящих местах в древности из Мажар, были некогда народ сильный, – отмечается далее в этом документе. Черкесы, заняв землю хазар – кабардинцев в XV веке, долго вели с чегемами войну. В оную войну было побито много кабардинских узденей... и тут на помощь к ним (кабардинцам – Б.К.) пришел со своим войском Шамхал Тарковский – владелец Дагестана. Тогда чегемцы лишились своих природных владельцев и, по воле Шамхала сделались принадлежащими Большой Кабарде владельцам рода Атажуки и которые полагают на них повинность по своему произволению, и чегемцы считаются совершенно соединенными с Большой Кабардой, исповедуя веру магометанскую...»¹⁵.

В другом месте упоминается, что Шамхал Тарковский «вспомоществовавший в сем трудном предприятии (войне в Чегемом – Б.К.) владельцам Казыева рода, получив победу над Чегемами отдал их сему поколению в зависимость. Больше половины их дают повинность фамилии Кайтуки владельцам, а остальные Бекмурзиным, Мисостовым и Атажукиным»¹⁶. Документы эти интересны по нескольким позициям. Во-первых, указывается время появления кабардинцев на этой территории – XV век. Во-вторых, документ проливает свет на ряд событий происходивших в Чегеме примерно в XV-XVII вв. В-третьих, появляется крупный субъект в региональной геополитике – дагестанский Шамхал Тарковский, который, судя по документам, играл здесь не последнюю роль. Фольклор балкарцев также зафиксировал упоминаемые в этих документах события. Здесь мы хотим привести краткое содержание чегемской легенды. Как мы уже отмечали, Миллер В.Ф. и Ковалевский М.М. посетив Чегем в нач. 80-х гг. XIX в. записали у старшины чегемского общества Али Мурзы Балкарокова эту легенду об истреблении князей Рачыкаовых и о появлении здесь новой княжеской династии, абадзехского по происхождению – Анфако¹⁷. Согласно этой легенде, в Чегем из Абаза прибыл некий Анфоко из княжеского рода Болотуковых. Он после себя оставил двух сыновей Бай-Мурзу и Жан-Мурзу, которые были предками рассказчика Али-Мурзы Балкарова

в десятом поколении. Следовательно братья Баймурза и Жанмурза жили, по предположению Ковалевского М.М. в первой половине XVI века. Братья прибыли в Чегем, а их принял на жительство князь Бердыбий Рачыкау-ов. Династия последнего, по легенде, была жестокой и деспотичной, что вызывало глухое недовольство чегемцев. Потомки братьев, использовав это недовольство устроили упоминаемое выше убийство всего рода Рачыкауовых и сами стали князьями. Балкарская историческая песня «Рачыкъаулары» также приводит сведения о смерти этого древнего рода, и, причем, народ жалеет об убитых, и она является, по сути, песней-плачем. Упоминаемые в документах природные владельцы Чегема, которые погибли в войне с кабардинцами и Шамхалом Тарковским видимо и были теми самыми Рачыкауовыми из фольклора балкарцев. Следовательно, «варфоломеевская ночь Чегема»¹⁸ была не чем иным, как завоевание Чегема кабардино-дагестанскими войсками. Остается загадкой теперь личность Анфоко. Ясно одно, что абадзех Анфоко не мог попасть в Чегем обойдя Кабарду. Хан-Гирей, перечисляя владетельные дворянские роды абадзехов называет народ Анфокью¹⁹. Представитель этого рода видимо и прибыл в Кабарду, и документы XVII века упоминают именно этого Анфоку – «узденя мурз Казыевой Кабарды»²⁰.

Как видим, документ из кабардино-русских отношений, также упоминает Анфоку в связи с мурзами Казыевой Кабарды, как и документы ЦГВИА, которые отмечают, что именно им и сделались зависимыми по повелению Дагестанского Шамхала чегемцы. Последний не раз упоминается в документах XVII века в связи с его нападениями на Кабарду. Так в 1635 году Шамхал Мурза кумыцкий Айдемир убил кабардинского мурзу Клыча Саусланова «на его сабанах. А что было на сабанах его людей и лошадей и животины, и он де многих его людей побил, а иных в ясырство поймал, а лошадей и животину отогнал». Далее в документе отмечается: «А как он Айдемир-Мурза, на Клычевы сабаны пошел, а нам холопом твоим, про тот его поход в ач поры было неведомо, для того, что он ходил тайно, и тое у них мысли никто не ведал, а чаяли он государь, того его походу в Кабарду для ясаку на своих ясачных людей»²¹. Из документа ясно, что в Кабарде имелись ясачные люди кумыкского шамхала. Выше упомянутые документы из РГВИА также сообщают что Чегем сделался зависимым от Кабарды по повелению Шамхала Тарковского (разрядка наша – Б. К.). Вероятно, на первых порах, завоеванный Чегем платил дань и дагестанскому шамхалу, о чем свидетельствует письмо чегемских таубиев Балкаровых, Кучуковых, Барасбиевых и Келеметовых датированных

1794 г. – в котором сообщается: «Мы издавна платили подати дагестанскому Шамхалу»²².

Фольклор чегемцев следующим образом объясняет появление в Чегеме дагестанских шамхалов – когда потомки Анфоко захватили власть в Чегеме, один из них по имени Акътуган с целью возвыситься на глазах местных элит, выкрал из Дагестана дочь шамхала по имени Карима-хан. Вернувшись в Чегем он, опасаясь преследования со стороны дагестанского шамхала, построил башню с крепостными укреплениями. Преследовавший беглецов шамхал с боями прорвался в чегемское ущелье, увидев крепостные сооружения, решил смириться с новым зятем.

Возможно, в фольклоре произошло хронологическое смещение фактов. Боевые действия со штурмом чегемского ущелья в которых идет речь, происходили перед уничтожением «природных владельцев Чегема», о котором упоминается в документе XVIII века, т.е. Рачыкауовых и, уже после установления чегемским шамхалом над Чегемом, произошел факт умыкания Актуганом Балкароковым дочери шамхала Тарковского. «Чегем, – отмечает известная исследовательница Дагестана С. Гаджиева, – неоднократно упоминается в кумыкском фольклоре – в сказаниях и исторических песнях²⁴. Остается добавить, что среди кумыков часто встречаются фамилии с формантом «Рачык» – Рачкаевы и Рачыкауовы. Отсутствие других документов о событиях в Чегеме, когда это балкарское общество было захвачено дагестанско-кабардинскими войсками, не позволяет установить точную хронологию этих событий. Однако, имеющиеся факты косвенно доказывают, что они происходили до 30-х гг. XVIII в. В 1736 г. Алексей Тузов побывав в Чегеме нашел здесь кабардинского князя Нетшу Кургокина, сына Кургоко Атажукина²⁵.

Из всего вышеприведенного можно сделать вывод о том, что Чегемом до Анфаковичей правили древний балкарский род князей Рачыкауовых происходящим, по всем косвенным данным, из рода Басията. В пользу этого говорит документ, упоминаемый выше, о том, что «болхарцы вместе с чегемами вышел из моджар». Другой документ XVIII в., также гласит что «по преданиям кабардинцев и балкарцев, сей народ (балкарцы – Б. К.) еще до XV века вышел из маджар, совокупно с чегемами, расположил в нынешних местах свои жилища. Владельцы Басият из Маджар же последними вышли и сделались их господами»²⁶. Этот ход событий подтверждает и балкарский фольклор. Согласно нему из Маджар первым вышел и пришел в Балкарское ущелье уздень Басията Мисака и лишь после того, как тот здесь обосновался, дрибыл Басият²⁷. Естественно, каждый из них прибывал сюда со своими подвластными. Если иметь

в виду что еще в середине XIX века некоторые князья из рода Басията насчитывали 20 поколений от родоначальника Басията²⁸, простой подсчет приводит нас к тому, что Басият пришел в Балкарию примерно в конце XIII века.

Первые документы, где упоминаются балкарцы, содержат довольно скудные сведения. В документе от 1629 года в разведке серебряных руд приводятся сведения, что балкарские князья Апши да Абдаулла, «Тазримовы дети» которые Пшимаху Канбулатовичу Черкасскому доводятся племянниками, «государю не послушны, живут о себе, и закладов их в Терском городе нет, а слушают они черкасского Алегука-Мурзы Шеганукова. А люди с ними живут небольшие, только де по сторонам около их в горах людей много иных мурз... И только де Алегук-Мурза пошлет к ним о том, и чают того они /авторы письма – БК/ что, они в том ево послушают., а подлинно того сказать не умеют, послушают ли те мурзы Алегука-Мурзы (который государю русскому «послушен и имеет заклады в Терском городе» – Б.К.), и дадут ли в том месте руды искать или нет, того они не ведают и ... – без ратных людей быть нельзя и людей послать (следует) больше и лутче»²⁹. Судя по документу, балкарцы еще не входили в состав Российского государства и пользовались независимостью. Русские послы в Имеретию стольник Толочанов и дьяк Иевлев также отмечали что они «отправясь от Зазарук-Мурзы в четвертый день прибыли в Балкарию. Тамошние мурзы приняли их с честью, хоть и не под государевой рукой (разрядка наша – Б.К.)». Далее приводится замечание, что этот факт «ведет нас к удивлению – что кабардинцы находились под государевой рукой»³⁰. Документы XVII века дают нам основание предполагать, что несмотря на экономическую зависимость от кабардинцев Балкария сохраняла свою относительную политическую независимость. Даже, несмотря на то, что Алегук Мурза, имел влияние на балкарских князей, черкесы докладывали, что без войска в Балкарию «ходить нельзя». Пшимах Муцалович, кому балкарские владельцы Апши Тазретов и Абдаула Тазретов доводились племянниками, сообщал что «серебро делати можно только с твоими государевыми со многими ратными людьми, сперва острастя кабардинских и горских князей и людей Да постояв годы с два до деньмочно то серебряная и рудя делать»³¹. Таким образом, из документов следует, что балкарские владельцы тогда были довольны сильными в военном отношении. В тех же документах отмечается, что они бьются с дагестанскими шамхалами – Айдемиром и с кабардинскими князьями Илдаром и Сурхаем. Эти мурзы принесли шерть русскому царю еще в 1610-1613 гг. и служили Москве. Из

статейных списков Толочанова мы узнаем что «у Болхар есть владельцы Алибек Чепелов и Айбал (правильно Айдебол – Б.К.) дядька Канбулата Муцаловича Черкасского. У Балхар есть город на реке Суенсу и оные мурзы не под государевой рукой, а сами о себе...» В том городке послы ночевали, затем пошли в Балхары вверх по реке Суенсу и второй день туда прибыли³².

В другом месте отмечается, что «балкарцы имеют собственных своих владельцев – Басият, которые у кабардинцев, подобно брагунским владельцам в сем достоинстве почитаются так, что кабардинские владельцы вступают с ними в родственные связи. Балкарцы богаче всех горцев, живут спокойно, не воруют, ни с кем не воюют, поддерживают торги с Грузией и Имеретией, имеют обильные хлебопашества и скотоводства³³. Если иметь ввиду, что кабардинские князья не вступали в родственные союзы с владельцами зависимых от себя народов, то можно сделать вывод что в XVII-XVIII вв.: балкарские владельцы рода Басията, а это – князья балкарские Айдеболы, Абаевы, а также чегемские Рачыкаовы сохраняли свою независимость от Кабарды. Рассматривая сословные отношения в Балкарии заслуживает внимания документ XVIII в. в котором отмечается что «Управление их (т.е. балкарцев – Б.К.) во многом подобно кабардинскому³⁴. Те же документы отмечают, что осетинские и карачаевские владельцы, хотя и были раньше княжескими фамилиями, но были унижены кабардинскими владельцами до уровня их узденей и что они рождаются только между собой и с кабардинскими узденями³⁵.

Таким образом, документы выделяют статус балкарских владельцев от статуса других горских владельцев приравнивая фамилию Басиятов кабардинским князьям. Гильденштетд³⁶ отмечал, что вплоть до конца XVIII века «Семейство Басият в округе почитается княжеской, каковым признается оно и черкесами».

Известный балкарский историк начала XX века Мисост Абаев отмечал, что от отношений с Кабардой напрямую зависело экономическое положение балкарцев. Имея обширные пастбищные угодья на равнинах, и контролируя выходы из ущелья, кабардинские князья стремились подчинить себе всю Балкарию³⁷. Не довольствуясь контролем над Чегемским обществом, кабардинские князья всё время пытались распространить своё влияние на соседние Урусбиевское и Балкарское общества. Согласно преданиям, на первых порах урусбиевцам, благодаря военному союзу со сванами, и балкарцам, благодаря своей многочисленности и труднодоступности, удалось сохранить свою независимость вплоть до конца XVIII в.

Характер балкаро-кабардинских экономических отношении раскрывает документ конца XVIII века. «Так как они (балкарцы – Б.К.) непосредственно граничащие к северу с Большою Кабардою и не имеют другого прохода из своих ущельев в линию Кавказскую, особливо за солью, как только через Кабарду или мимо неё, то сколько по сей причине и менее быть тревожными от воинственных кабардинцев балкарцы дают с давних времен в виде дани или калыма Большой Кабарды владельцам по одному барану со двора, каковую дань сию кабардинские владельцы делят между собой по известной им соразмерности. Однако по беспокойному нраву кабардинцев они нередко далее притязания свои на балкарцев, о чем особенно говорили приносящие жалобу свою Российскому Правительству в 1787-1794, предавая себя в Российское подданство и прося дать им от кабардинцев защиту, но дело обошлось потом без сей меры³⁹. Во многом эта зависимость обуславливалась не столько военным фактором, сколько экономическим. Жизненная необходимость в зимних пастбищах на кабардинской плоскости и нехватка земель в горах делали балкарцев зависимыми от перипетий внутри-кабардинских противоречий и междоусобиц. Интересный документ 1811 г. – письмо ген-м. Дельпоццо ин. Тормасову содержится в сборнике документов по истории кабардино-русских отношений. «Они – кабардинцы, ищут власти владеть всеми горскими народами, покорившимся предкам их неправильно, потому что сия часть покорности оных им относится к силе и действий войска (российского – авт..) в тогдашнее время и покровительства им от Всероссийских государей; народы же сии суть осетинцы, балкарцы, карачаевцы, абазинцы, ингушевцы, карабулаки и есть люди вольные, и хотя они с некоторых времён и платили им подати, но сии единственно последовало от вышеписанного предмета силы оружия Российского и покровительство им, кабардинцам... Этот документ, как видим, увязывает усиление Кабарды, с появлением Российского государства на Северном Кавказе и его поддержкой Кабарды, в его попытках подчинить себе других народов - горцев⁴⁰. Балкарцы подчас оказывались втянутыми в межфеодалные войны в Кабарде, когда побеждённые группы князей или тлелотлешей, находили приют в Балкарском обществе⁴¹. Во время крупномасштабных агрессий на Кабарду Крымского ханства, закубанских татар или калмыков, кабардинцы часто скрывались в «крепких» местах в Балкарии⁴². Об этом же отмечается в фольклоре. Согласно кабардинской народной песне о Кара-кашхатауской битве между кабардинцами и крымцами, исход «этой битвы предопределили

двести горцев (балкарцев – Б. К), которые пришли на помощь к кабардинцам и совместными усилиями агрессор был изгнан.

Таким образом история военно-союзнических отношений между кабардинцами и карачаево-балкарцами насчитывает не одно столетие. Тому свидетельство историко-героические песни «Хасука», «Мисирбий», «Уллу Хож», где отражаются наиболее яркие страницы боевого содружества этих народов.

Литература и источники

- ¹ Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры карачаевцев и балкарцев. Нальчик 1986.
- ² И. Барбаро в кн.: Адыги, балкарцы, карачавцы в известиях европейских авторов. Нальчик 1974 с. 34.
- ³ Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время //Советская археология. XXVIII. 1958. с. 71.
- ⁴ Гадло А.В. «Этническая история народов Северного Кавказа» Л. 1994с. 101.
- ⁵ Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в позднем средневековье. Нальчик 1978. Бутков П.Г. \ О имени «КОЗАК» журнал «Вестник Европы», №21. 1822. Ноябрь-декабрь 41. с. 191.
- ⁶ Бетров Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов Нальчик 1991. с. 141-143.
- ⁷ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СП(б). с. 1994 с. 151 -156.
- ⁸ РГВИА, ф.414с.434п.465.
- ¹⁰ Правовые нормы адыгов и балкарцев в прошлом. Сб. док. Авт.-сост. Думанов Х.М. Ф.Х. Думанова. – Майкоп,1997. - С.75.
- ¹¹ Полевые записи в с. Яникой.
- ¹² Абаев М.К. «Балкария». Историч. очерк //Азаматов К.Г. Хутуев Х.И. «Мисост Абаев» Нальчик. 1980.
- ¹³ Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа. Приложение к книге Битовой Е.Г. Социальная история Балкарии в XIX в.: сельская община». Нальчик 2000.
- ¹⁴ РГВИА Ф.482, ед. хр. 192, с. 143.
- ¹⁵ Там же. С. 143-144, а также ф. 414, ед. хр. 434 (8) 121.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 482, ед. хр. 434, л. 13,5.
- ¹⁷ Калоев Б.А., Ковалевский М.М. и его исследования по народам Кавказа М., 1979 (приложение). С. 173-174.
- ¹⁸ Малкондуев Х.Х. Указ, раб. с. 75.
- ¹⁹ Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1978. С. 101. ЦГВИА. Ф. 414, д. 434, л. 175. ²¹ Кабардино-русские отношения. Т.1. М, 1957. С. 221-223.
- ²¹ Там же. С. 161.
- ²² ЦГА РСО – Алания. Ф.32, оп.1, дел. 542 (передан московским ученым д.и.н. Каракетовым М.Дж.).
- ²³ Карачаево-балкарский фольклор. М., 1983. С. 178.
- ²⁴ Выступление Гаджиевой С.Ш. на конференции по происхождению балкарцев и карачаевцев. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960. С.120. В Кумыкской исторической песне «Заруш» подтверждается факт замужества дочери шамхала за чегемским князем Балкароковым. См. Аджиев

А.М. О кумыкско-кабардинских взаимосвязях, отраженных в эпосе кумыков. Актуальные вопросы в кабардино-балкарской фольклористике. Нальчик, 1986.

с. 111.

²⁵ Давров Л.И. Указ. соч. С. 103.

²⁶ РГВИА. Ф.482, ед.хр. 192, с. 141.

²⁹ КРО. Т. I. е. 126.

³⁰ РГВИА. Д.434, т.9, с.486.

³¹ КРО. ТЛ. с.125

³² РГВИАф. 414 ед. хр. 434 д. 1, с. 135.

³³ РГВИАт.414. ф. 434 с.136.

³⁴ Там же. ф.484, ед.хр. 192, с. 140 (об).

³⁵ РГВИА. Ф. 492, д. 199, с. 198.

³⁶ «Адыги, балкарцы, карачаевцы...». С.207.

³⁷ Азаматов К.Г. Хутуев Х. И. Мисост Абаев Нальчик 1980. с. 36

³⁸ Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв., С.319.

³⁹ РГВИА ф. 482 ср. хр 482, с 141.

⁴⁰ Там же

⁴¹ Абаев М.К. Балкария... с. 58

⁴² Хан-Гирей Записки о Черкессии с. 102.

А.Ю. Узденова

Управление аграрной отраслью Карачаево-Черкесии в 1980 – нач. 1990-х гг.

Аграрное управление – «то звено, где организуются, трансформируются и реализуются экономические законы общества, определяются формы организационно-экономических отношений, пропорции развития отраслей народного хозяйства, его региональные аспекты, вырабатываются формы и методы функционирования предприятий и организаций». Содержанием управления выступают планирование, организация, контроль, координация, регулирование²⁵.

Вплоть до распада СССР действовали две линии реализации аграрной политики – советская (государственная) и партийная.

Согласно закону РСФСР «О Карачаево-Черкесской автономной области» от 1981 г., высшим региональным органом власти, осуществляющим руководство хозяйственным строительством на территории КЧАО выступал *областной Совет народных депутатов*. В его компетенцию входило обеспечение государственного руководства «колхозами, иными кооперативными организациями и их объединениями», за Советом закреплялось также руководство всеми предприятиями и организациями областного подчинения (ст.13). Данным актом определялась компетенция облсовета в планировании и отчетности хозяйственных структур областного подчинения (ст.18), ценообразования (ст.20). Отдельно выделялась ста-

тья 23-я «Полномочия в области сельского хозяйства и заготовок». Здесь было прямо указано, что облсовет «руководит сельскохозяйственным производством» (п.1), «руководит мелиоративным строительством» (п.6), «руководит ветеринарной службой» (п.9), «утверждает плановые задания по государственным закупкам» сельскохозяйственных продуктов районам, сельскохозяйственным предприятиям, объединениям и организациям областного подчинения (п.2), осуществляет контроль за работой заготовительных организаций (п.4), за соблюдением колхозных уставов (п.7). Были прописаны и полномочия в области управления и контроля над земельными ресурсами (ст.24), предоставления и изъятия земельных участков, изменения границ и размеров землепользований колхозов, совхозов, других сельхозпредприятий (ст.24)²⁶.

Непосредственно исполнение аграрной политики возлагалось на *исполнительный комитет областного Совета народных депутатов (облисполком)*.

Профильным ведомством выступало *управление сельского хозяйства (УСХ) Карачаево-Черкесского облисполкома*. В начале 1960-х гг. оно было сравнительно небольшим, компактным органом, где управленческие позиции занимали преимущественно молодые специалисты в возрасте менее сорока лет. Так, по состоянию на начало 1964 г. здесь работали: начальник управления 37-летний *Дмитрий Николаевич Онежко* (по специальности инженер-механик), его заместитель 39-летний *Михаил Николаевич Эфрос* (по специальности ученый-зоотехник), главный агроном области 39-летний *Иван Дмитриевич Юрьев* (по специальности ученый-агроном). Все они имели высшее образование, что в управленческой среде аграрной отрасли КЧАО еще не носило массового характера. Впоследствии данную структуру также возглавляли профессионалы с опытом хозяйственного управления. В 1965 г. ОСХУ возглавил 42-летний *Магомед Сарыбиевич Токов* (выпускник Ташкентского СХИ), а в 1968 г. – 37-летний *Борис Михайлович Володин*, Герой Социалистического Труда (выпускник зоотехнического факультета ССХИ).

Деятельность всех хозяйств аграрного сектора в рамках района курировал *отдел сельского хозяйства /ОСХ/ райисполкома*, или исполнительного комитета районного совета депутатов. ОСХ имел двойное подчинение – по линии территориальной (подчиняясь решению райисполкома и райсовета) и по линии ведомственной (будучи подотчетным УСХ).

Районный ОСХ и областное УСХ дублировались соответствующими подразделениями и должностными лицами партийных

структур. В частности, имелась должность секретаря обкома КПСС по сельскому хозяйству, который по партийной линии был подотчетен секретарю крайкома КПСС и секретарю ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

Установка руководства страны на ограничение вмешательства партийных структур в дела оперативного управления сельхозпредприятий более-менее действовало на уровне самих колхозов и совхозов. Здесь партийные лидеры (секретари парткомов) выступали при решении кадровых вопросов основными помощниками председателя колхоза (директора совхоза), которые реально и обладали «наибольшей властью в селе». На селе председатель сельсовета уступал им по влиянию, а партийная власть «не играла той большой роли, как в городе»²⁷.

В 1960-1970-е гг. функционировал областной трест совхозов²⁸, что, видимо, указывает на поиски оптимизации организационно-управленческих форм государственной части агропредприятий.

После майского (1982 г.) пленума ЦК партии в стране была создана система Госагропрома СССР, в состав которой входил и *Агропромышленный комитет КЧАО*. Руководство страны считало «принципиальным шагом» создание в центре и на местах единых органов управления АПК, которые были призваны «обеспечить реальную и эффективную интеграцию сельского хозяйства и связанных с ним отраслей промышленности»²⁹.

Областной Агропромкомитет возглавлял председатель в ранге первого заместителя председателя облисполкома.

Судя по ведомственным источникам, это было довольно крупное ведомство со штатом в 165 ответработников. У председателя Комитета было восемь заместителей, один из них – первый; почти 30 штатных единиц составляли руководители подразделений – отделов и подотделов. Кроме того, здесь трудились 125 специалистов четырех градаций (главные, ведущие, старшие и «просто» специалисты)³⁰.

На уровне районов функционировали *районные агропромышленные объединения* (РАПО). Каждое из них возглавлял председатель, у которого было до 3-х заместителей (по экономике, по производству, по механизации, по животноводству). В каждом РАПО функционировали, как правило, гл. агроном, гл. ветврач, гл. зоотехник, гл. экономист.

В 1986 г. аппарат головной конторы аграрного хозяйства состоял из председателя (директора), 1-2 заместителей, 3-4 выглядел отраслевых руководителей (гл. агроном, гл. зоотехник, гл. ветврач,

нач. участка, цеха), 2-х функциональных руководителей (гл. бухгалтер, гл. экономист), – в среднем восемь руководителей³¹.

После образования КЧР (1991 г.) управление экономическими рычагами региона перешло к республиканскому руководству. Согласно местному закону «О Совете министров Карачаево-Черкесской Республики», в его ведении находились «управление экономическими и социально-культурными процессами», создание условий «для свободного предпринимательства на основе рационального сочетания всех форм собственности, демонополизации экономики, реализации правового механизма рыночной экономики»; правительство составляло прогнозы экономического развития (ст.21)³².

Позднее компетенция этого органа власти была обозначена в новом законе «О Правительстве Карачаево-Черкесской Республики» (1997 г.), откуда исчезли положения об управлении экономическими процессами, демонополизации, прогнозах. Здесь упоминается об определении форм и методов государственного воздействия на экономические процессы о разработке и представлении на утверждение республиканскому парламенту программы социально-экономического развития, обеспечении его исполнения (ст.18)³³.

Правительство во главе с председателем подчинялось Главе КЧР, который выступал главой исполнительной власти республики³⁴ и, таким образом, выступает высшей инстанцией в осуществлении региональной аграрной политики.

Была создана государственная инспекция по закупкам, реализации, сертификации и контролю за качеством безопасностью сельхозпродукции, сырья и продовольствия (*Госпродинспекция*) КЧР, функции которой были определены республиканским законом «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» (1999). В этом акте были определены и полномочия правительства КЧР в данной сфере³⁵.

Научное обеспечение управленческих органов, ответственных за проведение аграрной политики, осуществлялось за счет нескольких местных, а также краевых исследовательских структур. В первую очередь это был *Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (КЧНИИСХ)*, помимо которого в регионе действовал *Карачаево-Черкесский проектно-изыскательский отдел Ставропольского филиала Кубаньгипрозем*; последний проводил ряд исследований, в т.ч. луговых трав для рационального использования пастбищ³⁶.

Кроме того государственные и партийные органы опирались на деятельность ученых-аграриев *отдела экономики Карачаево-Черкесского НИИ экономики, истории, языка и литературы*. Еще в 1950-е гг. были созданы три *сортоиспытательных научных учреждения* Черкесское, Усть-Джегутинское и Зеленчукское, которые проводили совместно с хозяйствами исследовательскую работу по сортоиспытанию и выращиванию гибридных семян³⁷. Кроме того в области проводилась работа научными сотрудниками *Ставропольского НИИ сельского хозяйства (СНИИСХ) и Ставропольского НИИ гидротехники и мелиорации*.

Их функционирование стимулировалось политикой центральных органов власти. 26 августа 1976 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством».

В 1978 г. Минсельхоз СССР издал «Положение о порядке внедрения достижений науки, техники и передового опыта в сельскохозяйственное производство», согласно которому в составе краевых и областных управлений сельского хозяйства предусматривалось создание специальных подразделений, основной задачей которых являлось «составление сводных планов внедрения, контроль и координация работ по их осуществлению, постоянное совершенствование системы внедрения во всех звеньях сельхозпроизводства и подготовка по этим вопросам соответствующих нормативных и инструктивных документов».

11 августа 1978 г. было издано совместное постановление Госкомитета по науке и технике СССР и президиума ВЦСПС «Об утверждении общих методических указаний о порядке изучения и внедрения передового опыта»³⁸.

По распоряжению Совета министров РСФСР от 11 апреля 1984 г. за №423-р на базе специализированного на производстве семян многолетних трав совхоза «Таллык» (Прикубанский район КЧАО) было образовано одноименное опытно-производственное хозяйство.

Оно входило в структуру Карачаево-Черкесского филиала СНИИСХ, а после выделения автономии из состава края – непосредственно подчинялось КЧНИИСХ. Хозяйство имело земельную площадь свыше 2,8 тыс. га (в т.ч. пашни 2,4 тыс. га)³⁹.

В постсоветское время реализация решений правительства и главы КЧР, а также непосредственное управление аграрной политикой осуществляется министерством сельского хозяйства и продовольствия КЧР.

О некоторых функциях органов милиции Карачаево-Черкесии в начале 1920-х гг.

В ведении окружных, волостных органов советской власти уже с 1920 г. находились вопросы «охраны порядка в пределах волости, предупреждение и борьба с контрреволюционными выступлениями и уголовными преступлениями». Реализация данных задач производилась через органы внутренних дел.

В ноябре 1920 г. численность милиции Баталпашинского отдела составляла 512 чел., включая начальствующий состав (24 чел.), милиционеров (420 чел.) и других сотрудников – 68 чел. Из них горцы составляли – 110 чел., казаки – 58 чел., остальные принадлежали к выходцам из «иногородних».

Первоочередной задачей милиции являлась борьба с вооруженными бандитскими группировками, активно действовавшими на территории Верхней Кубани после окончания Гражданской войны. В документах того времени отмечается, что «спокойствию населения горных станиц мешают бело-зеленые банды, скрывающиеся в горах». Признаётся и «враждебное настроение» местного населения «в смысле выполнения хлебной разверстки».

Учредительный съезд Горской АССР (ноябрь 1920 г.) принял постановление, в котором было предписано «реорганизовать существующую милицию, снабдив всем необходимым и создать более способную как в качественном, так и в количественном отношении», чтобы она способна была «вести решительную борьбу с разбоями и грабежами и вообще с преступным элементом». Решено было создать «необходимый резерв милиции, комплектовав ее из вполне надежных элементов по рекомендации /сельских, аульных/ обществ и под их ответственностью». Указывалось на необходимость улучшить «следственный аппарат по разбору материалов, связанных с разбоями и грабежами».

В особых случаях намечалось обращаться к центральному органам власти (во ВЦИК), «для более успешной борьбы с грабежами» разрешить «использовать силы Красной Армии РСФСР», расположенные на территории Горской АССР.

В нэповские годы на милицию возлагались функции, связанные с контролем над частнособственническим сектором. В те годы важным считалось наблюдение за наличием в частных руках лошадей – единственного тогда вида транспорта.

Вопросами управления органами милиции в тот период ведал *административный отдел* (АО) исполнительного комитета Карачаево-Черкесского областного Совета внутренних дел (облиспол-

кома). В 1924 г. начальник этого отдела направил начальникам милиции округов, а также исполкомам округов, Баталпашинскому совету, председателям сельсоветов уведомление об инструкции, введенной приказом Административного Управления НКВД РСФСР (по отделу милиции) от 1 марта 1924 года за № 60. В ней рассматривались вопросы регуляции учета гужевого транспорта, а точнее – вопросы содействию со стороны милиции «учреждениям, ведающим конским учетом и военно-повозочной переписью». Документ ужесточал требования к надзору за ведением владельцами лошадей так называемой учетно-конской книжки (УКК) и предписывал вести строгий контроль «за выводом и предъявлением на осмотр всех подлежащих переучету и переписи лошадей, повозок и упряжи, и исполнением правил текущего учета лошадей» (п.3). Милиционерам предоставлялось право задерживать лошадей, на которых владелец не предъявляет УКК – «до выяснения причины неимения документа» (п.10). Делалось это «путем обхода дворов, ярмарок и базаров» (п.12).

В соответствии с этим АО предписал подчиненным структурам милиции «строго руководствоваться указанной инструкцией, вменив в обязанность подчиненным им органам точное ее исполнение».

В ведении органов внутренних дел находился и контроль над советской системой связи, которая в Карачаевском округе была учреждена 10 декабря 1920 г. (именно тогда окружной революционный комитет принял решение «об открытии немедленно почтовой связи по округу, установить телеграфную и телефонную связь»).

Милиционеры выполняли и ряд других функций, непосредственно не связанных с делами криминального характера.

Р.Т. Хатуев

К социальной маркировке одежды у северокавказских горцев: статусные позиции материала

Роль социального маркера у народов рассматриваемого региона устойчиво играл и «престижный» материал (сырье), из которого изготовлялась одежда.

Народы региона были знакомы с шелком, высоко ценившемся здесь издавна, в особенности – с началом функционирования северокавказской ветви Великого Шелкового пути (рубеж VI-VII вв.). К местной знати попадали шелковые ткани самого высокого качества. В Мощевой Балке был обнаружен полностью сохранившийся кафтан, который был шит «из такой шелковой ткани, которую в Иране использовали только для одежды шаха»⁴⁰.

Впоследствии роль социального маркера стали играть и другие дорогие ткани (парча, бархат и т.п.).

В абазинских сказках шелк упоминается как принадлежность туалета девушки княжеского сана, материал одежды героев, наряду с такими дорогими тканями как бархат и парча (упоминаются и непереведенные на русский язык или не идентифицированные наименования ценных тканей – *атлес* /видимо, атлас/, *кутыс*, *брамбух*, *канауат* /видимо, канаус/) ⁴¹.

Говоря явно об адыгской знати, Аль-Масуди (X в.) пишет, что у «кашаков» (касогов) женщины одеваются «в римскую *парчу*.., в различные *парчовые ткани, затканые золотом*» ⁴².

В Белореченских курганах XIV-XV вв., связываемых с адыгами, обнаружен халат, изготовленного из золотного акасмитного итальянского *бархата* лилового цвета с подкладкой из зеленого *шелка* западного происхождения ⁴³.

Приведенные данные относительно шелковых одеяний знати подтверждаются и фольклорными материалами. В карачаево-балкарской исторической песне «Княгиня Даум», посвященный драматическим событиям первой половины XVIII в., говорится, что у убитого кабардинского князя Алисултана Шогенукова «намокли кровью *красные шелковые одежды*» ⁴⁴.

В песне о кабардинском князе Джамболате Атажукине, который был воспитанником карачаевца Чотчаева из Учкулана, имеются такие строки: «У Джамболата одежды из *красного шелка*» (*Джаммолатны кийимлери кызыл дарийди*) ⁴⁵. (О красном цвете как социальной маркировке адыгов мы выскажемся чуть ниже).

У карачаевцев и балкарцев одежды из дорогих тканей как непременный атрибут знати также проявляется достаточно четко. Например, *чилле джаурукъ* – большие шелковые платки с кистями, расшитые по всему полю шелковыми нитками того же цвета (в основном белого, бордового), в будние дни носила «лишь самая высшая социальная верхушка» ⁴⁶.

Мужские легкие бешметы (*къантал*), которые шили «из дорогих восточных шелков», с нагрудными карманами (*кёкрек хурджун*), обрамленными позументом «носили представители высших сословий». Низ таких бешметов бокам имел треугольные вырезы длиной 25-30 и у оснований 20-25 см, искусно разукрашенные плетенкой из шелковых ниток – *чилле халы* ⁴⁷.

Маркировка правителя шелком (*камка*) проявляется в описании быта правителей и у ногайцев ⁴⁸.

Исследователями отмечалось, что инвентарь позднесредневековых склепов языческого времени у вайнахов четко отражает соци-

альное положение погребенных. Как указывает Т.Д. Равдоникас, в склепах, принадлежащих знати, не обнаруживается ни войлочных изделий, ни кафтанов из серого или черного сукна и т.д. Знать, пишет она, «надевала кафтаны из дорогих шелковых импортных материй ярких расцветок и часто другого покроя», чем рядовые обшнники. Вайнахская знать из числа женщин носила шелковые платья синего, зеленого, оранжевого и красного цветов⁴⁹.

В осетинском фольклоре дочь князя Сайнага (Сайнаг-алдар) княжна Агунда (Агунда-хан) носит одежды из шелка – *дари*, особого вида плотной шелковой материи с гляncем, канауса⁵⁰. Фольклорные данные получают археологическое подтверждение (например, шелковая одежда из Махчесского погребения); в целом же следует отметить, что сведения об одежде осетин XVI-XVII «почти полностью отсутствуют»⁵¹.

Сафьян издавна у многих народов также содержала элементы социальной атрибуции. Не были здесь исключением и народы Северного Кавказа. Здесь маркой княжеского достоинства и знати вообще выступала обувь, изготовленная из сафьяна.

Сафьяновая обувь *месты* в XVII в. упоминается как социальный признак – обувь черкесских князей («мурз») ⁵².

О мотиве борьбы сыромятных (знак «низов») и сафьяновых (знак знати) чувяков в кабардинском фольклоре исследователями уже отмечалось⁵³.

Этнолог К.М. Текеев отмечает, что обувь типа *чарыкъ*, которую в Карачае и Балкарии изготовляли «только из крашеного сафьяна», носила «только социальная знать». Другой тип обуви, поголенки, обшитые снаружи сафьяном (*сахтиян уюкъ*) также носили «в основном социальные верхи». Отмечается также, что серебряные или золотые пояски для повязывания ноговиц (*ышым бау*) «были характерны лишь для социальных верхов». В отношении обуви типа *чабырла* (чувяки) указанный автор полагает, что они «были обувью непрестижной» и их «в основном носили социальные низы»⁵⁴.

Но данные фольклора сообщают, что чувяки, сшитые из сафьяна, составляли знак княжеского сана. Так, в старинной песне «Татаркан», упоминая князя Иммолату Крымшамхалова, говорится, что он «показал сафьяновыми чувяками свой княжеский сан» (*бийлигин сахтиян чабырла бла танытды*)⁵⁵.

Маркировка вайнахских князей сафьяновой обувью находит отражение в эпических источниках. У нарт-орстойцев упоминается «князь их, могучий Солса», которому перед смертью оказывает помощь благодарная птица: «добрый голубь принес ему воды в крас-

ном сафьяновом чувяке и освежил уста умирающего. Не было уже слов у князя нартов»⁵⁶.

У осетин чувяки из свиной кожи выступают маркой «черных людей» (*саулаг*), а сафьяна – социальных «верхов», что получило отражение и в фольклоре⁵⁷.

В связи с упоминанием обуви *цырых* (ср. с кар.-балк.: *чарыкъ*), которые обували эпические герои, Г.Шанаев (1876) указывает, что это – сапоги с уменьшенным голенищем из красного сафьяна с острыми подковами⁵⁸.

Одной из характерных марок высокого статуса правителя выступали золото и золотой цвет, реже – серебро. Они призваны были демонстрировать не только богатство, состоятельность социального лидера. Нами уже отмечалось, что драгоценные металлы в архаичных представлениях многих народов своим происхождением связаны с «иным миром». Образ золота, серебра и иных драгоценностей, доступ к которым оберегает змей (самая яркая марка «инога мира») – мировая универсалия. В осетинском эпосе отражен «потусторонний» характер золота и серебра, не случайно в одном из сказании гроб – *серебряный*, а в него укладывают покойников «в одежде, шитой золотом»⁵⁹.

Таким образом, драгоценные аксессуары княжеского сана могут выражать не только его социальный, но и сакральный статус.

В абазинском фольклоре при описании одежды княжны упоминаются «позолоченная шапочка», ожерелье с драгоценными камнями⁶⁰.

В ногайской эпике социальная марка наиболее ярко выражена золотом и предметами золотого цвета. Обратимся к эпической поэме «Эдиге», где даются характерные детали одежды ханов. Так, золотоордынский хан Джанибек (1343-1357) носит «бурку из золота» (*ямшысы яйма алтын*), «золотое все, чем он покрывался» (*ябынганы баъри алтын*). У хана Тохтамыша шуба «с золотыми подолами и рукавами» (*этеги алтын, енъи алтын*). Хан Алшангир носил «шапку с золотой макушкой» (*тоъбеси алтын боърк киийген*)⁶¹.

Золочеными тканями (парча – *кис*), золотым или серебряным позументом (*ока*) маркированы и детали ханского транспорта. Так описывается в «Эдиге» кибитка хана Тохтамыша:

Каслы, каслы, каслы орда,

Он эки табан боз орда,

Босагасы болаттан, болатка алтын ялаткан

Туьнълигининъ иши камка,

Тысы кис,

Орта бавы арайыс

Ялынлары ярма ока,

Тувыйрлиги сувьме ока.

Большая кибитка с орнаментом,

Красивая кибитка с двенадцатью углами,

Порог ее из стали с *золотым покрывалом*,

Крышка ее дымохода – *изнутри шелковая*,

Снаружи *парчовая*,

Боковые подпорки покрыты *позументом*,

Накидка же крыши из лепесткового *позумента*⁶².

На нормы бытовой жизни осетинских князей указывает высказывание одного из эпических героев: «Если бы он был тебе братом, то держал бы тебя, подобно старому алдару, на *золотой кровати с резными украшениями*»⁶³.

В осетинских сказаниях сообщается, что князь (*алдар*) Сайнаг «величаво сел в *золотое кресло*», держит в руке «*серебряную палку*» (посох), перед гостями расставлены «с *серебряными ножками точеные столы*», свадебная колесница, в которой везут его дочь – «с *серебряными оглоблями*»⁶⁴.

Пользуясь случаем, хотелось бы отметить образ Сайнага, который практически во всех сказаниях с его упоминанием наделен титулом алдара, заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. Фигуру этого персонажа рассматривал В.И. Абаев, который пришел к выводу: «Имя Сайнаг-алдар – это осетинская передача монгольского Саин-хан – «славный хан»; таково было почетное имя Батыя»⁶⁵.

Не исключено, что в осетинском эпосе таким образом отражен образ не конкретно Батыя, а ордынского хана вообще, маркированный известным монгольским почетным эпитетом. Учитывая, что предки нынешних осетин прожили в составе Золотой Орды около 150 лет, фиксации в их фольклоре обобщенного образа ордынского владетеля удивляться не стоит.

В «Эдиге» – богатырском эпосе ногайцев, исторически соседствовавших с осетинами (что, кстати, хорошо иллюстрируется в осетинском фольклоре), Батый упоминается именно под эпитетом Сайын-хан (один из героев эпоса говорит: *Сайын ханлар келгенде, аны кьорип мен озьим* – «Когда появился Саин-хан, видел его я сам») ⁶⁶.

Но в нашем случае существенен не вопрос о соотносимости эпического Сайнаг-алдара с историческим Батыем. Для нас важно то, что именно в фигуре Сайнаг-алдара находит *наибольшее* эпическое воплощение традиционного образа осетинского князя, владетеля, вождя. К такому выводу нас приводит тщательный анализ маркирующих позиций этого персонажа.

Социальной маркой знати в Карачае и Балкарии выступал женский головной убор (*окъа бёрк*), который у княгинь и княжон был богато украшен. В одной из версий предания о Басхануке (предок князей Суншевых и Урусбиевых) говорится, что *окъа-бёрк* княгини Сарай, жены Басханука, был украшен «сверкающими драгоценными камнями» (*накъут-налмас ташла джылтырайдыла*)⁶⁷.

Представительницы княжеского сословия носили расшитый золотыми и серебряными нитями *окъа-бёрк* с острым, конусовидным верхом, увенчанным шишаком, а в налобной части украшенным венчиком. По мнению исследователей женский головной убор сохранил аланские и кипчакские элементы. Так, венчик связывается с аланами, а шишак – с кипчаками⁶⁸. Необходимо отметить, что островерхие головные уборы бытовали не только у кипчаков, но и у алан.

Археолог Х.Х. Биджиев выдвинул предположение, что один из женских головных уборов, фрагменты которого им найдены у сел. Карт-Джурт, возможно, принадлежал представительнице карачаевского княжеского рода Крымшамхаловых (предположение исходит из сходства изображенного на венчике знака с родовой тамгой Крымшамхаловых; Крымшамхаловы же проживали именно в Карт-Джурте).

В мужском костюме горской знати использование *меха* в одежде, как представляется, не несло социальной маркировки. Она проявлена, на наш взгляд, в использовании ценных меховых головных уборов степной аристократией, в частности – ногайскими князьями. В одном из эпических произведений живописное описание одеяния ногайского мурзы Мамаю вряд ли случайно упоминается, что он носит черную кунью шапку (*кара сувсар бьорк*)⁶⁹.

В целом материал, из которого изготавливалась одежда, у горской элиты нёс выраженные знаковые черты.

Ф.А. Чекунова

Об основных компонентах карачаево-балкарской пищевой культуры

Существенным элементом материальной культуры любого народа является его традиционная пища, в которой находят отражение такие важнейшие стороны жизни и деятельности народа, как хозяйство, культура, исторические взаимосвязи, контакты и торговые отношения с соседними народами на различных этапах развития. Важное значение в сложении всего комплекса традиционной пищи играют физико-географическая среда, фауна и флора исторической

территории народа, так как все это накладывает существенный отпечаток на хозяйство, являющееся основным источником пищи.

Устойчивы и рецепты приготовления блюд, выработанные иногда в далеком прошлом и сохраняющиеся донныне, а также многочисленные обычаи и обряды, различные формы общения людей, связанные с приемом пищи.

Карачаево-балкарцы издавна живут в высокогорных ущельях Центрального и Северо-Западного Кавказа. Каменистый грунт, короткое лето с ранней осенью и суровой зимой в совокупности обусловили преимущественно скотоводческий характер их хозяйства. Ничтожное количество пригодных для обработки земель и затрата колоссальных усилий для очистки, вспашки, ирригации крохотных полей отодвигало земледелие и огородничество на второй план.

Древнейшей земледельческой культурой, известной карачаево-балкарцам, является ячмень (*арпа*), издавна культивировавшийся тюркскими племенами Алтая, Средней Азии и Поволжья. У южных алтайцев эта культура известна еще с эпохи пазырыкских курганов VI-V вв. до н. э.

В первой половине XVIII в. наравне с ячменем этим народам была известна и пшеница, а во второй половине того же столетия источники фиксируют у них наличие и проса. В XVIII-XIX вв. подсобную роль в хозяйстве изучаемых народов играло пчеловодство и выращивание некоторых огородных культур – лука, редьки, огурцов и пр.

С древнейших времен в пищу шла добыча охотников. Сцены и объекты охоты также нашли отражение в их героических нартских сказаниях и других жанрах устного народного творчества.

Издавна сложившийся скотоводческий характер хозяйства балкарцев и карачаевцев требовал большого количества соли, которой на их территории не было. Необходимое количество соли для заготовок впрок масла, мяса и молочных продуктов они постоянно выменивали на шерсть, войлок, скот и проч. у соседних народов – сванов, кабардинцев, ездили за солью к маджарским соленым озерам.

Мясо являлось традиционной пищей балкарцев и карачаевцев. Оно употреблялось в различных видах. Очень распространено было употребление вареного мяса. Особо почитаемо было баранье мясо, о древности употребления которого свидетельствует сложный и древний обычай разделения туши на определенные порции, что свойственно и другим тюркским народам. Самыми почетными долями считались голова (*баш*), лопатки (*джауурун*), тазовые кости (*джансюек*), локтевые кости (*базук*), бедренные кости (*орта джи-*

лик), коленные кости (*ашыкь илик*) и пр. К каждой из этих порций полагалось по два ребра. При подаче этих порций учитывались ранг и половозрастные особенности участников трапезы.

Практиковалась заготовка мяса впрок. С этой целью мясо вялили, сушили на солнце, коптили над очагом, готовя таким образом вяленое мясо – *къакь эт*. Известно было консервирование мяса. Разрезав мясо на мелкие куски, слегка поджаривали на внутреннем жире, затем собирали эту поджарку (*къууурма*) в кожаный мешок (*гыбыт*) или деревянные кадки (*джыккыр*) и заливали жиром. В таком виде мясо долго хранилось. При необходимости приготовить мясную пищу использовали эти заготовки. Кроме того, впрок практиковали засолку головы, ног, внутренностей – легких, почек, печени и пр. Хранили их в кадках, в рассоле (*тузлукь*). Из заготовок впрок широко практиковались различные колбасы (*къыйма*). После мяса и мясных блюд, как правило, необходимо было подавать к столу бульон – *шорпа*.

Широко употреблялось и жареное мясо – *тишлик*, название которого происходит от слова *тиш*, т.е. вертел. Одним из лакомых тишликов был *джалбауур* из свежей печени, зажаренной на внутреннем: жире только что разделанной туши барана или овцы.

Перечисленные мясные блюда и порядок разделения туши на порции являются традиционными для многих тюркских народов Алтая, Средней Азии, Поволжья и Кавказа. Особенная близость наблюдается в способе приготовления и специальной терминологии таких общетюркских блюд, как *джёрме* (*дьорме*), *къыйма*, *шорпа*, *къазы*, *къакь эт*, *сохта*, *тишлик*, *къууурма*. Ценную историческую и этнокультурную информацию несет в себе особый пастушеский способ варки мяса. По словам опытных чабанов и пастухов-старожилов, у них широко практикуются следующие способы варки мяса на высокогорных пастбищах и кошарах. «Пока разделяют тушу животного, разводится большой костер, а в тщательно промытую брюшину складывали очищенное от костей мясо, нарубленное небольшими кусками, наливали воды, завязывали брюшину кусочками тонкой кишки. Когда все это было готово, разгребали огонь костра и в раскаленный центр костра клали эту брюшину, а вокруг, продолжали разводить огонь. Таким образом варили мясо. Если же под руками не оказывалось дров, то кости, очищенные от мяса, особенно если животное было хорошо упитанным, горели «как каменный уголь первого сорта», рассказывает Эбзеев Хаджимурза Келишбиевич (1934 г.р.). Был и другой способ, рассчитанный на более долгое время. «Огонь разводили в небольшой ямке и, когда яма была уже раскалена, а брюшина с мясом готовы, огонь из

ямы расчищался и на раскаленное место – дно ямы – клали брюшину», сообщает Тохтаулов Аскербий Текеевич (1930 г.р.).

По сравнению с мясо-молочными продуктами, удельный вес мучной пищи балкарцев и карачаевцев был довольно небольшим. Это объясняется преимущественно скотоводческим характером их хозяйства.

Из ячменной муки они пекли в золе хлеб – *арна гырджын*, в нартских сказаниях и легендах часто фигурируют напитки из ячменя, например, *арна боза*. Всякий напиток, приготавливаемый ими из ячменя или молочных продуктов, карачаево-балкарцы называют *ичги*; кроме бозы, готовили и другие, менее, опьяняющие напитки – *гумул* и *сыра*.

Из жидких мучных блюд можно назвать *биямукъ* – похлебку из ячменной, а позже из пшеничной муки. Из ячменной, а позднее из овсяной муки готовили различные виды киселя – *бегене*.

Широко популярным блюдом балкарцев и карачаевцев были различные пироги, начиненные мясом, картофелем, сыром, свекольными листьями и другими растительными начинками, – *хычын* (с мясной начинкой – *эт хычын*, с картофельной начинкой – *гардош хычын*, с сыром – *бышлакъ хычын* и т.д.). Варили в воде и жарили в масле различные пирожки – *бёрек*. Из ячменной, пшеничной, кукурузной муки готовили различные кашицы – *талкъан*.

Ежегодно, перед выходом на весенне-полевые работы, устраивались большие празднества, на которых готовили ритуальную кашницу из семи видов злаковых, соли и воды (всего девять компонентов) – *гёже*, которая у других тюркских народов известна как *кочо*. Своёобразно готовили впрок муку из ячменя, кукурузы и др. Зерна жарили, а потом их мололи, полученная мука – *къууут* – была готова к употреблению. Ели ее, примешивая к ней молоко, айран, сливки и другие-молочные продукты. Жареные зерна, из которых потом получали муку – *къууут*, называются *къурмач*.

Таковы основные мучные блюда балкарцев и карачаевцев, имеющие значительные историко-культурные параллели со многими тюркскими народами и соседними народами Кавказа.

Продукты скотоводства шли на внешний рынок в обмен на хлеб, соль, фабричные изделия. Молочная пища также отличалась большим разнообразием, с ней связаны ряд древних суеверий и обрядов, что свидетельствует о ее традиционности в быту карачаево-балкарцев.

Ведущее место среди молочных продуктов занимает кислое молоко – *айран*, издавна входивший в повседневную пищу. Айран, как повседневный напиток, утоляющий жажду и голод, часто упомина-

ется в тюркских сказаниях о Деде Коркуте, а также зафиксирован средневековыми авторами, карачаевобалкарским фольклором.

Широко практиковались и всевозможные сыры – *бышлакъ*, изготавливаемые из коровьего и овечьего молока. Сыры хранились в копченном виде и в рассоле из сыворотки – *хуптеги*. В последнем хранились впрок и мясо, особенно внутренности, голова, ноги животного.

В пищу балкарцев и карачаевцев входили и различные дикие растения и плоды. Прежде всего, это дикие яблоки и груши (*агъач алма*, *агъач кертме*), лесные орехи (*къоз*), различные корнеплоды и травы.

Со временем в пищу входят огородные культуры – капуста, огурцы, помидоры, морковь, лук, чеснок и др.

Таков вкратце обзор компонентов традиционной карачаевобалкарской пищевой культуры, формировавшейся на протяжении многих столетий.

- ПРАВО -

А.Р. Каитова

Судебная власть как вид государственной власти: основные понятия и признаки

Стройная система законов и эффективное правосудие – важнейшие предпосылки перехода к правовому демократическому государству.

В настоящее время приходит понимание, что без эффективно работающей правовой системы невозможны ни изменение инвестиционного климата, ни дальнейшая модернизация экономической и социальной сферы страны.

Суд непременно должен стать авангардом социальных и государственных преобразований. Реформировать в одночасье многомиллионную и зачастую инертную армию чиновников невозможно, но надо начинать с чего-то, причем с приоритетного.

Из комплекса факторов, влияющих на реформирование суда, и комплекса факторов, благодаря которым суд формирует эффективный инвестиционный климат и надежно защищает права и законные интересы человека, следует выделить:

- идеологический фактор;
- экономический, в том числе инвестиционный, фактор (деньги никогда не пойдут в страну судебного произвола и правовой незащищенности юридических и физических лиц, которые тоже крайне осторожно будут инвестировать собственные средства в свое государство, игнорирующее их права и не создающее механизмов для их защиты);

- фактор международного права;
- факторы, затрагивающие комплексный механизм функционирования суда и деятельности судей, в том числе социальный статус суда и судей, их престиж, материальное стимулирование, личную безопасность, контроль и ответственность, подготовку и образование.

Теоретическое исследование судебной власти, включая вопрос о ее наличии или отсутствии, затрудняется необходимостью избежать отождествления этой ветви власти с судебной системой.

Система судебных органов и судебная власть – понятия не тождественные. Судебная власть невозможна без судебной системы, однако наличие судебных органов еще не говорит о том, что в данном государстве есть судебная власть.

Судебная система становится судебной властью тогда, когда она наделяется определенными возможностями воздействия на другие ветви власти, включающиеся в систему сдержек и противовесов, препятствуя узурпации всей государственной власти какой-либо из ее ветвей.

Поскольку принцип разделения властей в нашей стране был впервые признан Конституцией 1993 г., а сам термин «судебная власть» появился только в п. 13 Декларации «О государственном суверенитете РСФСР» от 12 июня 1990 г., то вполне объяснима недостаточная теоретическая разработанность понятия судебной власти, ее функций, компонентов, границ и т.п. Отсутствует даже единый подход к самому определению судебной власти.

По утверждению Е.Б. Абросимовой, термин «судебная власть» впервые употреблен на конституционном уровне в Конституции США 1787 г. (разд. 1. ст.3)⁷⁰. Но в России примерно в то же время, в конце XVIII в., С.Е. Десницкий писал «Законы делать, судить по законам и производить суд – во исполнение сие три должности составляют три власти, т. Е. законодательную, судительную и наказательную»⁷¹.

Конституция РФ 1993 г. кладет его в основу государственной власти и устанавливает, что судебная власть как вид государственной власти принадлежит специальным органам государства – судам, входящим в судебную систему Российской Федерации. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства⁷².

Интересным представляется определение судебной власти министром юстиции Российской империи Н.В. Муравьевым в 1866 г. «Непосредственное и исключительное назначение судебной власти

состоит в охране и ненарушимости существующих законов, в ограждении как личных, имущественных прав каждого подданного в отдельности, так и в составе общества, сословий и установлений и в положении взысканий на нарушителей законов и правительственных распоряжений. Судебная власть, составляя твердый оплот государственного устройства, должна поддерживать то уважение к верховной власти и установленным его судебным и правительственным властям и лицам, без которого невозможно государственное благосостояние⁷³. Сам же термин «судебная власть» был в России законодательно закреплен в ходе реформ 1864 года Судебными Уставами⁷⁴.

В современной юридической литературе уделяется много внимания раскрытию различных аспектов судебной власти, как с содержательной, так и деятельной стороны, что характеризует ее сложность, динамичность и многоаспектность

По мнению председателя Верховного Суда РФ Лебедева В.М. судебная власть – это предоставленные судам как специальным органам государства полномочия по разрешению отнесенных к их компетенции вопросов, возникающих при применении права, и реализации этих полномочий путем конституционного, гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства с соблюдением процессуальных форм, создающих гарантии законности и справедливости принимаемых судами решений⁷⁵.

Судебная власть – самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, созданная для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданами, самими гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан при расследовании преступлений и проведении оперативно-розыскной деятельности; установления наиболее значимых юридических фактов и состояний⁷⁶.

В диссертационных исследованиях под судебной властью как самостоятельной ветвью государственной власти понимают предоставление специально уполномоченным органам – судам в лице судей, присяжных и арбитражных заседателей властных полномочий по осуществлению правосудия и других функций, реализуемых в целях защиты конституционного строя, политической и экономической и экономической системы, прав и законных интересов граждан, физических и юридических лиц⁷⁷».

В учебной литературе говорится, что «судебная власть – это обладание в силу закона правоприменительными полномочиями в правовой сфере жизни общества и осуществление этих полномочий в соответствии с процессуальными законами в формах консти-

туционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства специальными государственными органами – судами, образующими единую судебную систему России, в целях обеспечения законности и правопорядка в стране, охраны от всяких посягательств конституционного строя, политической и экономической систем, прав и законных интересов граждан, государственных органов, предприятий, организаций, учреждений и объединий»⁷⁸.

Рассматривая судебную власть как социальное явление А.В. Цихоцкий отмечает, что она «представляет собой определенным образом организованную деятельность государства, направленную на преодоление противоречий между индивидуальными интересами человека (объединения людей) и волей государства, отраженной в правовой форме»⁷⁹.

По мнению М.И. Клеандрова «судебная власть – третья власть в системе государственных властей, в свою очередь тоже трехсегментна: это судоустройственный, судопроизводственный сегменты и сегмент статуса лиц, непосредственно осуществляющих судебную власть-судей»⁸⁰. При этом автор полагает, что из перечисленных компонентов главным является последний, ибо в основе любого движения общественной жизни – человек, соответственно в судебной системе ее главной движущей силой является судья⁸¹.

Характеризуя судебную власть в России И.Я. Фойницкий различал ее внутреннюю и внешнюю самостоятельность. Внешняя самостоятельность означала независимость судебной власти от всех существующих в государстве властей, а внутренняя зависела от самих судей, их нравственных качеств, верности закону: «она есть плод твердого убеждения и высокой, безупречной нравственности»⁸².

Рассматривая судебную власть в контексте ее основных задач Десятаров С.Л. отмечает, что «Основной задачей, разрешаемой судебной властью, является устранение правовых конфликтов в обществе. Выполнение этой задачи осуществляется всеми судебными органами, осуществляющими правосудие в России. Устранение правового конфликта в дальнейшем ведет к устранению и всех социальных конфликтов либо к их «сглаживанию» в реальной действительности, что соответствует и задачам всего государства, и государственной власти в целом»⁸³.

Изложенные положения позволяют сделать вывод, что судебная власть предназначена:

- для защиты общества от противоправного поведения отдельных лиц и организаций;
- для охраны прав и свобод граждан;

- для контроля за деятельностью других ветвей власти, обеспечивать конституционность и законность их действий и решений;
- для разрешения конфликтов в обществе;
- оказывает управленческое воздействие на общество в целом.

Судебная власть основана на праве и реализуется путем применения правовых норм для разрешения конкретных ситуаций, требующих вмешательства суда.

Судебная власть, как определенная функция суда обладает рядом существенных признаков⁸⁴:

1) судебная власть – вид государственной власти, установленной законодательно. Она осуществляется государственными органами, выражает государственную волю, ее содержание составляют соответствующие государственно-властные полномочия;

2) судебная власть принадлежит только судам – государственным органам, образуемым в установленном законом порядке;

3) исключительность судебной власти – правосудие вправе осуществлять только суды от имени Российской Федерации;

4) независимость, самостоятельность, обособленность судебной власти;

5) процессуальный порядок деятельности, определенный законом;

6) осуществление судебной власти путем судопроизводства: конституционного, гражданского, административного и уголовного;

7) подзаконность судебной власти – компетенция судов, их полномочия определяются Конституцией Российской Федерации и другими федеральными законами.

Одним из факторов, определяющих развитие судебной власти в современной России, является необходимость поиска оптимального соотношения полномочий федерального центра и субъектов Федерации в сфере судебной власти. Данная проблема является принципиально новой для российской юридической науки, так как ни во времена Российской Империи, ни в советский период эти вопросы не являлись предметом специальных исследований.

Л.Б. Коркмазова, И.С.Кипкеев

Роль обычного права как регулятора общественных отношений

В России обычное право стали изучать с XIX в. Связано это было, в первую очередь, с колониальной политикой государства. так как «царское правительство довольно скоро убедилось в том, что распространение своего влияния невозможно без воздействия на обычно - правовую жизнь окраин. Политика приспособления и ис-

пользования в интересах империи внутренних сил и институтов местного населения российских окраин была сопряжена с преодолением барьеров правовых обычаев. Все это вынудило правительственные органы считаться с силой обычного права». ⁸⁵ Другим фактором, повлиявшим на усиление научного изучения роли обычаев и связанных с ними явлений, стало изменение социально-экономической ситуации в стране, в частности, то, что Россия в середине XIX в. пережила ряд прогрессивных реформ, главнейшая из которых освободила от крепостной зависимости большую часть населения страны.

Это стало важнейшей предпосылкой изучения правовых обычаев крестьянского двора и связанных с ним явлений. Не последнюю роль в этом сыграло и то обстоятельство, что в период проведения крестьянской реформы в России законодатель столкнулся с живучестью обычаев крестьянского двора, что было связано с консервативностью традиционных устоев общинного землевладения и землепользования русских крестьян. Реформы в тот же период на окраинах России, а также в среде инородческих народов (Сибирь, Северный Кавказ), заставили обратиться к изучению норм обычаев коренных народов, начинавших входить в административное управление Российской империи. ⁸⁶

Большой интерес исследователей обычного права всего Кавказа был вызван тем, что край этот являлся как бы заповедником различных народностей, живущих каждая по своим обычаям. «Нет другой местности на земном шаре, где бы на сравнительно небольшом пространстве скучивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов. Если когда-нибудь предвидится возможность решить хоть небольшое число запутанных вопросов о национальности разных народов, некогда сменявших друг – друга в древности и средние века в необходимых равнинах южной России, только при условии изучения этнографии Кавказа», ⁸⁷ – указывал академик В.Ф. Миллер.

Адаты – нормы обычного права Северного Кавказа являются ярким примером для характеристики трансформации обычаев в нормы, закрепленные государством. В системе общественных отношений кавказских горцев большое место отводилось нормам обычного права, выступающим средством социализации индивида, передачи опыта следующим поколениям, выполняющим функции социального контроля, регуляции общественных отношений. У народов Северного Кавказа, не имевших в прошлом своей письменности, обычное право – адаты были неписаными правилами поведения, определявшими взаимоотношения сословий, композиционные вы-

платы, взаимоотношения между детьми и родителями, между мужем и женой, закреплявшие сложившиеся общественные связи. В течение веков адаты передаваясь как устное обычное право, регулировали общественные отношения и семейную жизнь.⁸⁸

Нормы обычного права в жизни горцев выполняли определенные функции. К ним можно отнести:

– распределение материальных и духовных благ в соответствии с общественными отношениями. В данном случае феодальные производственные отношения, собственность правящего сословия на средства производства, но при этом тесное переплетение этих отношений с пережитками первобытнообщинного строя.

– закрепление экономических и других общественных отношений. То есть обычное право регулировало экономическую зависимость основных слоев населения от правящей верхушки, поддерживало неукоснительное выполнение предписаний адатов. Большую роль играл суд, наказывающий отступников.⁸⁹

Адатам следовали беспрекословно. Народ не обсуждал, справедливы и разумны ли требования установившегося обычая. Исполнение обычая было обязательным независимо от того, убежден ли исполняющий в его пригодности или нет. Подрастающее поколение, воспитанное в духе полного преклонения перед старшими, поступало по уже установившимся обычаям. «Так поступали отцы наши, так поступаем и мы», – говорили горцы.

Территориальная разобщенность горцев с древнейших времен породила различные обычно-правовые нормы. Почти каждое общество имело свои адаты. «Обычное право возникает не в народе (нации) и даже не в племени, а в каждой группе людей, ведущих совместную жизнь и имеющих возможность «влиять друг на друга своими действиями»,⁹⁰ – справедливо отмечал В. Сергеевич.

Однако в основном схожие для всех горцев Кавказа, условия жизни способствовали образованию более или менее одинаковых обычаев. Так, обычай кровной мести, похищения невесты, гостеприимство, почитание стариков и т.д. существовали у всех горцев, отражая вековые традиции и весь жизненный уклад.

Адаты являлись неписаными правилами поведения, определявшими отношения во всех сферах общественной жизни, отношения в семье. В течение веков адаты передавались как устное обычное право.

Действовали адаты без особых органов принуждения. Пока родовой союз был кровно и экономически един, адаты поддерживались всеми членами рода, которые выступали по сложившемуся правилу: все за одного, один за всех. Обычаи имели религиозную свя-

тость, и исполнение их было обязательным. Каждый род строго охранял свою честь и свое достоинство.

Социально-экономическое развитие общества и начавшийся распад патриархально-родового строя, который можно отнести к концу XVIII – началу XIX в., существенно изменило систему прежних обычаев. Адаты карачаевцев дополняются новыми нормами, выражающими волю «сильных» имущих родов. Если в ранних адатах выражалась воля всего рода, и она добровольно исполнялась подавляющим большинством её членов, то новые адаты закрепляли власть феодализирующейся верхушки общества.

Обычай видоизменялись, адат оставался неподвижным. По мере того, как народ развивался, появлялись новые потребности, новые интересы, которые усложняли отношения между людьми.

Так, выкуп крови, выплачиваемый прежде всем родом сообща, в полной мере стал перекладываться на семью убийцы. Доля, вносимая сородичами, определялась степенью родственных отношений с кровником. Плата за кровь члена «знатного» имущего рода была выше, чем кровь представителя бедного «слабого» рода. Неравенство отражалось на сословных ограничениях брака. Люди из состоятельных родов брали жен только из равных себе.

Постепенно обычаи карачаевцев приобрели классовый характер. Таким образом, адаты (обычаи) карачаевцев в исследуемый период отражали соответствующий социальный и политический строй края.

Одним из основных источников образования адатов являлись решения, которые устанавливались третейским судом посредников, сведущих в народных обычаях. Претензии, споры и иски увеличивались; в адате не всегда находились установления на новые случаи и судьи, по необходимости, должны были, применяясь к общему духу адата, постановлять новые решения.

Источником права выступали и постановления народных собраний. Каждое общество имело свои сходы стариков и почтенных жителей для совещания по общественным делам. На таких собраниях совет старейшин при отсутствии адатов по тому или иному вопросу принимал новые решения. Эти решения объявлялись народу и с этого времени входили в постоянный адат общины.⁹¹

Таким образом, новые решения, повторявшиеся потом в других подобных случаях, упрочивались в массе народных обычаев, присоединялись к адату, расширяя его, подвигали его вперед или совершенствовали сам обычай.

К источникам обычного права карачаевцев можно отнести и этические нормы, которые существовали параллельно с обычаями

Рассматривая основные правовые институты горцев Северного Кавказа в XIX в., можно сделать вывод о том, что, несмотря на влияние исламской традиции и российского законодательства, большую роль здесь все же играли нормы обычного права. Так, например, при заключении брака, нормы адата являлись преобладающими. Это касалось препятствий к заключению брака, в частности экзогамных запретов (до седьмого поколения включительно, в то время как по нормам мусульманского права ограничения шли до третьего колена), брачного возраста. Калым по обычному праву, в отличие от норм шариата, рассматривался не как одна из форм обеспечения жены на случай развода и других непредвиденных обстоятельств, а как плата за невесту, после чего она считалась собственностью мужа. В связи с этим были развиты такие специфические формы брака, как сорорат и левират. Наследование также осуществлялось по нормам обычного права.

Несмотря на то, что нормы мусульманского права в конце рассматриваемого периода стали несколько оттеснять адатные, последние все же продолжали играть довольно значительную роль, особенно на бытовом уровне. Российское законодательство также не смогло существенно изменить традиционное правосознание горцев, несмотря на то, что колониальная администрация прилагала огромные усилия для того, чтобы постепенно трансформировать традиционные установки. Все это показывает, насколько живучи обычаи, в том числе и правовые, и основанные на них нормы обычного права.

В период становления раннеклассовых государств правящие элиты санкционировали те обычаи, которые удовлетворяли их интересы и интересы общества в регулировании процессов производства, распределения и обмена. Возникновение централизованных государств и развитие законодательства вело к постепенному «вытеснению» обычаев нормативно-правовыми актами. В период феодальной раздробленности и развала государства удельные князья принимали свои законы, санкционировали местные и иные обычаи, противоречащие законодательству центральной власти. После 1917 г. большевики, желая привлечь на свою сторону нерусское население России, искусственно образовывали национально-территориальные республики, разрешали принимать устоявшиеся обычаи. 1920 г. И.В. Сталин, выступая перед горцами заявлял: «Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию».⁹² Однако с усилением советской власти регулирующая роль право-

вых обычаев начала сводиться к минимуму, так как государство устанавливало единые законы для всей страны. Но, несмотря на это, в ряде регионов наряду с законами действовало и обычное право, которое государство не поддерживало и карало в уголовном порядке за его применение. Те из обычаев, которые невозможно было исполнять, изменяли форму своей реализации. В условиях системного кризиса в России во второй половине 1980-1990-х гг. ослабла деятельность государства в лице его органов и должностных лиц по защите прав человека на жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущество, жилище и других. Слабая правовая защищенность личности подорвала веру в закон, в способность государства обеспечить правопорядок и спокойствие в обществе, защитить людей от преступных посягательств.

Участились случаи разрешения конфликтов посредством самосудов, кровной мести и т. д. Обычное право начало действовать вместе с законами. С усилением «войны законов» и сепаратизма местные политические элиты бывших союзных республик и автономий превратили обычное право в самостоятельный источник (форму) права. Законодательство все больше стало пополняться нормами, заимствованными из обычного права.⁹³

Усиление роли обычного права в регулировании общественных отношений – это следствие децентрализации государства и ослабление верховной власти. Если правовая культура – это выражение правового опыта в духовных продуктах, в навыках и ценностях, которые влияют на юридически значимое поведение людей, то некультурное поведение – это негативное отношение к правовым нормам (обычаям) и их нарушение.⁹⁴ Обычное право – это народное представление о праве и справедливости. Государство, претендующее на вытеснение правовых обычаев законодательством, должно стремиться делать свои нормативно-правовые акты более справедливыми по сравнению с правовыми обычаями, а иначе оно составит им слабую конкуренцию.⁹⁵

«Вредные», невыгодные с точки зрения власти, обычаи должны искореняться, но полностью игнорировать признанные и желаемые народом обычаи нельзя. Государство должно поддерживать прогрессивные обычаи, придавать им форму правовых. В целом же реанимация многих обычаев, без их критической оценки в современных условиях – это шаг назад, к средневековью. В развитых обществах, имеющих развитую правовую систему, как правило, обычное право не играет существенной роли. В нестабильных обществах вопрос об учете обычно-правовых норм встает значительно чаще.

Исходя из всего вышеизложенного, можно выделить следующие специфические признаки обычного права. Во-первых, его позитивный консерватизм, который позволяет обычному праву наиболее гармонично и объективно закреплять в своих системных элементах и сохранять на протяжении всей истории развития народа веками накопленный позитивный опыт правовой жизни народа. Однако консервативный характер обычного права не означает, что оно остается неизменным, напротив, обычное право наиболее адекватно и незамедлительно на все происходящие в обществе процессы, способствуя стабильности его развития. Таким образом, консерватизм обычного права карачаевцев обеспечивает лишь сохранение ценностей, выработанных в процессе длительного развития данного народа, и передачу их от поколения к поколению на основе принципа преемственности.

История развития карачаевцев свидетельствует о том, что позитивный консерватизм, его устойчивость наиболее ярко проявляются в те моменты жизни этого народа, когда на него осуществляется воздействие каких-либо внешних факторов. В период полного игнорирования, а зачастую и прямого запрета применения адатов, именно позитивный консерватизм позволил не только сохранить большинство институтов обычного права карачаевцев, но и значительно обогатить его составляющие с учетом изменений потребностей и культурно-правовых ценностей карачаевского народа.

Следующим признаком обычного права карачаевцев, имеющим не менее фундаментальное значение, выступает его обязательный характер. При этом, такая обязательность определяется двумя факторами, внутренним, обусловленным опорой на личную совесть, культуру стыда, и внешним, то есть опорой на авторитет, который не допускает сомнений в его верности.⁹⁶

Карачаевцы поступали и поступают так, а не иначе в конкретных жизненных ситуациях в силу убежденности в правильности и справедливости их поступков. В сознании горца с раннего детства под воздействием общего убеждения формируется чувство необходимости соблюдения закрепленных за ним прав и обязанностей как представителя той или иной семьи, фамилии рода и карачаевского народа в целом. Это убеждение настолько глубоко проникает в сознание карачаевца, что он даже не представляет себе иного варианта поведения. Кроме того, он осознает, что ответственность за совершение того или иного проступка будет лежать не только на нем, но и в определенной степени на всех членах его коллектива.

Не следует обделять вниманием и фактор внешней обязательности обычного права. Именно взаимопроникающее и взаимообуславливающее значение внутреннего и внешнего факторов придает

обычному праву его обязательный характер.⁹⁷ В качестве внешнего фактора в карачаевском обществе выступает какой-либо человек либо группа людей, наиболее осведомленных и почитаемых в данном народе. Более того, на определенном этапе развития карачаевцев только эти люди и могли выполнять функции судей.

Говоря об обязательности обычного права, следует отметить, что оно устойчиво применяется и функционирует в силу того, что вырабатывается самим же этим обществом в процессе совместной жизнедеятельности, а член общества наделяется теми или иными правами и обязанностями лишь в силу принадлежности к данному коллективу.

Таким образом, в системе общественных отношений карачаевцев большое место отводилось нормам обычного права, выступающим средством социализации индивида, передачи опыта следующим поколениям, выполняющим функции социального контроля, регуляции общественных отношений. У народа Карачая обычное право регулировало общественные отношения и семейную жизнь. Адаты были неписаными правилами поведения, определявшими взаимоотношения сословий, композиционные выплаты, взаимоотношения между детьми и родителями, между мужем и женой, закреплявшими сложившиеся общественные связи. В течение веков адаты передавались как устное обычное право, регулируя все стороны общественной, хозяйственной и семейной жизни народа.

О силе адатных норм говорит тот факт, что даже утверждение здесь ислама не привело к полной замене их шариатом. В XVIII – первой половине XIX века правовая практика карачаевцев основывалась на нормах обычного права (адата) и шариата. По нормам адата регулировались уголовные и большинство гражданских дел, по нормам шариата – частично семейные дела, связанные с разводом и разделом имущества или наследства.

- ЯЗЫКОЗНАНИЕ -

Катчиев А.Х.-А.

Некоторые осетино-тюркские лексические параллели (по материалам Историко-этимологического словаря осетинского языка)

В современном языкознании одним из наиболее известных и значительных трудов по этимологии современных иранских языков является Историко-этимологический словарь осетинского языка, вышедший под авторством известного отечественного ученого, доктора филологических наук Василия Ивановича Абаева. С мо-

мента выхода его первого тома прошло пятьдесят лет, но значимость этой работы столь велика, что ни одно этимологическое исследование языков Евразии не обходится без использования фундаментальной монографии В.И. Абаева. Однако, нисколько не умаляя достоинств данной научной работы, следовало бы сказать и о небезупречных и достаточно произвольных, в некоторых случаях, толкованиях и суждениях, имеющих место на его страницах. При составлении вошедших в данное издание научных статей, автор недостаточно, на мой взгляд, полноценно использовал источники по тюркским языкам, которые, как известно, оказали немалое влияние на формирование осетинского языка. Достаточно часты попытки автора свести наличествующие в осетинском и карачаево-балкарском языках изоглоссы к влиянию первого языка на последний, без подробного анализа происхождения тех или иных лексических единиц. Тогда как влияние карачаево-балкарского языка на осетинский очень часто оставлялось автором без должного внимания. При составлении данной статьи, мною не ставится задача в полной мере вскрыть недостатки этой работы. Сделана лишь попытка более полного анализа его отдельных статей на предмет выявления незамеченных автором лексических параллелей в тюркских языках, что позволило бы по-новому взглянуть на этимологический анализ некоторых осетинских (а, следовательно, и карачаево-балкарских) лексических единиц, этимологические решения которых, к большому сожалению, давно уже признаны устоявшимися и аксиоматичными. Здесь имеется еще ряд неверных этимологических толкований, продиктованных отсутствием у автора (во всяком случае, при составлении первого тома) информации о родстве ряда языковых семей Евразии и Африки, появившейся после опубликования монографии В.М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков». В этой связи я не стал критически оценивать позицию автора исследуемой монографии в отношении некоторых лексических параллелей, имеющих место в различных языковых семьях в соответствии с обоснованной В.М. Илlichem-Свитычем теорией «Ностратического родства», и не стал опровергать позицию о наличии в ряде «неродственных» языков особой группы звукоизобразительных слов (идеофонов), в которых определенный круг значений выражается определенными звуковыми комплексами (Абаев III, 331), кроме отдельных случаев, использовавшихся мною в качестве показателя, поскольку объем настоящей статьи не позволяет провести глубокий анализ «ностратических» лексических па-

раллелей, и это не входит в задачи настоящей работы. В данной статье мною исследовано лишь около трех десятков ошибочных этимологических решений составителя Историко-этимологического словаря осетинского языка*.

*Лексические единицы и морфемы приводятся в транскрипции, в которой они отражены в Историко-этимологическом словаре осетинского языка.

ajwan д. 'насмешка', 'издевка', 'глумление'. Автор сопоставляет с каб. awan 'издевка', 'глумление' (Абаев, I, 42). Тюркское происхождение данной лексики совершенно проигнорировано, несмотря на: кар.-балк. оюн [ojuŋ] 'игра', 'веселье', 'забава'; 'трюк', 'зрелище'; 'выходка', 'проделка', 'шутка' (КБРС, 508). В аналогичных значениях имеется в большинстве современных и древних тюркских языков (ЭСТЯ I, 435). Кроме того, кабардинское awan само является тюркским заимствованием (ЭСАЯ I, 65; Шагиров, 83). Заимствование тюркской лексики посредством кабардинского языка здесь тоже исключено, поскольку в кабардинской форме употребляется дифтонг aw, в отличие от осетинской и карачаево-балкарской форм.

æfsin и. | æfsinæ д. 'хозяйка дома, распорядительница хозяйства, припасами, стряпней, угощением'; также 'свекровь' по мнению Абаева восходит к *abi-šaiŋni- от šay- 'обитать', ср. ав. aibišaetan- 'обитатель'. По его утверждению, кар.-балк. апсын [apsən] 'жена деверя' (у Абаева неверно – 'золовка') (КБРС, 70) примыкает к осетинскому æfsin (Абаев I, 110 - 111). Не отрицая, что кар.-балк. и осетинская формы фонетически близки, стоит, тем не менее, говорить не об иранизме в карачаево-балкарском языке, а о тюркизме в осетинском. В отличие от изолированной в современных иранских языках осетинской формы, в тюркских языках кар.-балк. apsən имеет достаточно широкие параллели: в тел. абызын 'сноха' (Радлов I, 630), каз. абысын 'жена старшего брата мужа', в том же значении в иных тюркских языках: апа, абула, абла (там же, 629). Во всех диалектах ногайского языка содержится термин апсын 'жены двух братьев' (Айбазова, 67). В татар. абыстай 'супруга духовного лица'; 'тётя'; «обращение к женщине старшей по возрасту» (ТРС), 'старшая сестра', 'родственница' (Радлов I, 629). В куманд. абыча 'тетка по отцу' (там же, 630). В уйг., леб. äпчи 'женщина, хозяйка', в куманском äпчи 'супруга', в алт., тел. äпчи jan [äpçi jan] 'левая сторона', 'север' (букв. «женская сторона») (Радлов I, 923). Вероятно, другое исконно осетинское (иранское) xsin / æxsinæ 'госпожа', 'ба-

рыня' (Абаев IV, 236) приобрело современную фонетическую форму и некоторый семантический сдвиг – отношение к женскому полу, в результате контаминации с заимствованным из тюркских æfsin / æfsinæ .

ærgaj 'лосось'. Автор полагает наличие непосредственной связи с каб. argej 'акула'. Приводит также чеч. irgho : irghonaš 'порода рыбы', и указывает, что дальнейшие связи ведут к тюркским языкам: тюрк. arğan (Абаев I, 176). К сожалению, автор не обратил внимания на наличие в карачаево-балкарском языке слова ыргъай [ærgaj], имеющего значение 'щука' (КБРС, 759) и 'всякая крупная рыба'. Соответствие осетинского æ и тюркского (карачаево-балкарского) э стабильно как в случае заимствования из осетинского в карачаево-балкарский, так и наоборот. Чеченское irgho свидетельствует о наличии в языке-источнике начальной э вместо а .

bæx 'лошадь'. Данное слово В.И. Абаев относит к субстратному (кавказскому) слою осетинского языка вследствие наличия фонетически сходного термина в нахских языках: чеч. beqhi , инг. bagh 'жеребенок' (Абаев I, 255). Не учтено, тем не менее, наличие в русском языке бахмать, в польском bachmat 'низкорослая лошадь' (Фасмер I, 136 - 137), а также в татарском – бахбай 'лошадь' (ТРС). По мнению М. Фасмера бахмат следует возводить к тюркской форме имени Mähmäd 'Магомед' (Фасмер I, 136 - 137). Этому, однако, противоречит татарская форма бахбай [bahbaj]. Тезис В.И. Абаева о «кавказском» происхождении данного слова находится в существенном противоречии с изложенными фактами. Возможна попытка связать с данными из киргизского языка: бакпайак 'надкопытная часть ноги (между щёткой и копытом)', бакай 'бабка, козон (надкопытная косточка лошади или рогатого скота)', либо предположить образование в результате метатезы $\text{bahbaj} < \text{bajbaq}$ общетюркское 'кривоногий', 'косолапый', 'неуклюжий' (ЭСТЯ II, 33; VII, 17) с часто встречающимся в тюркских языках в середине слова оглушением заднеязычного q (например кар.-балк. qoşxar / qoşxar вместо общетюркского qoşqar - (ЭСТЯ VI, 86; КБРС, 416). Речь, судя по всему, шла о лошадях беспородных с невысокими скаковыми качествами, возможно, использовавшимися в качестве тягловой силы и гужевого транспорта. На это косвенно указывает как приведенное выше польское bachmat 'низкорослая лошадь', так и грузинское (имерский диалект) baxi 'невзрачная, негодная лошадь', 'кляча' (Абаев I, 255).

boqquw и. | boqquг д. ‘зоб’, ‘двойной подбородок’. Абаев утверждает о происхождении этого слова из boğ-qwug ‘подбородок’ (qwug), отвислый, как у бугая (boğ). И полагает, что балкарская форма boqquг примыкает к осетинской (Абаев I, 268). С данным мнением согласиться нельзя, поскольку балкарская форма напрямую исходит из общетюркского boqurdaq / boqurtlaq / boğurdaq ‘горло’, ‘гортань’, ‘кадык’, ‘шея’ и др., только с геминацией q и редукцией ныне непродуктивного аффикса -daq. Не исключен в балкарской (хуламской) форме ротацирующий (булгарский) вариант общетюркского boğuz ‘горло’ (Хабичев, 77 - 79). По мнению Э.В. Севортыяна, речь (в балкарском – А.К.) может идти о звукоподражательном происхождении (имитации крика) по аналогии с узб. букир < бу-кир ‘орать’, ‘реветь’, ‘плакать навзрыд’, ‘реветь (о животных)’ (ЭСТЯ II, 184). Помимо этого в карачаево-балкарском языке имеется существительное богъакъ ‘второй подбородок’ (КБРС, 154), который, по-видимому, является стяженной формой с некоторым семантическим сдвигом от также существующей в карачаево-балкарском языке формы богъурдакъ ‘трахея’, ‘дыхательное горло’, ‘гортань’ (там же). Этой лексеме имеется прямая параллель в киргизском – богок [boğoq] ‘зоб (болезнь)’ (КРС) и других тюркских языках (ЭСТЯ II, 168). Здесь налицо тюркский корень boğ- ‘душить’ (ЭСТЯ II, 164) Таким образом, есть все основания говорить о заимствовании осетинской формы из карачаево-балкарской, а не наоборот. Тем более что осетинская форма не имеет иранских параллелей, а приводимое для этимологического обоснования boğ ‘бугай’ самим же автором словаря признано тюркизмом (Абаев I, 264).

būk и. | bok д. ‘сгорбленный’. Абаев считал данное слово основанным на звуковой символике, обозначающих круглое, выпуклое, но не мог привести аналогии из иранских языков (Абаев I, 269). Не разделяя теорию Абаева о существовании в неродственных языках звукоизобразительных слов (идеофонов), следует отметить наличие подобных изоглосс в подавляющем большинстве случаев в языковых семьях, входящих в «ностратическую» языковую макросемью, а значит, фактически они являются еще одним доказательством родства этих языков. В отношении же приведенной выше лексемы следует отметить отсутствие каких-либо параллелей в родственных осетинскому языках, а значит следует обратить внимание на общетюркский глагол būk- ‘гнуть’, ‘согнуть’, имеющийся и в карачаево-балкарском языке: бюк (с тем же значением). Э.В. Севортыян высказал обоснованное сомнение в «звукосимволическом» характере

осетинского *būk / bok* и предположил наличие тюркского источника для этого слова (ЭСТЯ II, 292). С данным мнением следует полностью согласиться.

sægat 'северный склон горы', 'тыльная сторона ножа, топора и пр.', 'дом родителей для замужней'. Абаев полагает, что в основе лежит понятие «тыла», «тыльной стороны», отсюда северный, «тыльный» склон в противоположность южному, солнечному; тыльная сторона оружия в противоположность острой; дом родителей, который является для замужней «тылом», и фонетически пытается сблизить с согд. **čakāt* 'лоб', перс. *čakād* 'темя', 'верхушка', пехл. *čakāt*, арм. (из перс.) *č'ak'at* 'лоб', др.-инд. *kakātikā* 'часть лобной кости'. По его мнению кар.-балк. *čeget* 'северный склон' (балк.) и 'лес' (карач.) имеют осетинское происхождение (Абаев I, 296). С данными тезисами согласиться вряд ли возможно по целому ряду причин. Имеет место несовпадение, и даже противоречие значений 'лоб', 'верхушка' и 'тыл'. Данное семантическое отклонение позволяет говорить о гетерогенности осетинской и индоиранских форм. По мнению А.В. Дыбо «балкарская форма (*čeget* – А.К.) - не заимствование из осетинского, ее общетюркский характер подтверждается тувинским *šet* 'молодая хвойная поросль', шорским *čet aǵaš* то же, ногайским *šege-g* 'кустарник'; так что топоним (Чегет – А.К.) скорее из балкарского, а развитие значения 'северный склон' одинаково вероятно и из 'обух' (на осетинской основе), и из 'хвойный лес' (на тюркской основе)» (Дыбо, 344 - 345). Туда же следует добавить алтайскую и телеутскую форму *čat* 'молодой «хвойный» лес', 'молодая роща', 'кусты' (Радлов III, 1982), кирг. чегедек 'ветка ели' (КРС). В монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка», изданной под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо, помимо изложенных форм, в значении 'хвойные поросли', помимо приведенной тувинской и шорской форм, еще имеются крх.-уйг. *šeki-r-tük*, тур. *čeki-r-dek*, гаг. *čekerdek*, азерб. *čäkil*, чагат. *čeke-r-dek*, *čekide*, *čeke*; узб. *čakanda* 'облепиха крушиновидная'; уйг. *čäkändä*, *čakanda*, караимское *čegirdek*, *čekirdek*, *čeger* 'лес', татар. *čiki* (диал.), кирг. *čege-dek*, *čege-l-dek*, южнокиргизское *čekende* 'хвойник', алт. *čet aǵaš*; восстановленные праалтайская форма **č'aki* 'вид хвойного дерева': пратюркская форма **čeket*, прамонгольская форма **čigōr-* и пратунгусо-маньчжурская **čäk-* (СИГТЯ, 134). Следует отметить, что в карачаевском говоре карачаево-балкарского языка чегет [*čeget*] имеет однозначный смысл 'лес', в балкарских же говорах чегет носит смысл 'тенева

сторона', которую обычно принято считать северной стороной (КБРС, 730), хотя фактически она не всегда совпадает с севером. В отличие от данных карачаевского говора, в котором слово сохранило свой первоначальный смысл 'лес' (чему, по всей видимости, способствовала богатая лесная растительность на всей исторической территории Карачая) в балкарском семантический сдвиг 'лес' > 'северная, теневая сторона' произошел, по-видимому, вследствие отсутствия на территории балкарских ущелий обширных лесов, и те незначительные участки лесной растительности, имеющиеся на территории балкарских ущелий, находятся в тенистой стороне горных склонов, что и повлекло за собой изменение первоначального значения 'лес' на 'северная, теневая сторона'. В таком виде слово вошло и в осетинский язык. О семантическом переходе *seget* в значении 'лес' (карачаевская форма) к *seget* в значении 'теневая сторона' (балкарская форма) свидетельствует наличие в карачаевском говоре *чегет бауур* в значении 'теневая (лесистая) сторона'.

sævæg 'коса' (орудие). Абаев полагает образование от глагола *sævup* 'бить', собственно "бьющее" или "секущее" орудие. По аналогичному признаку, по его мнению, образовано и шорское (тюркское) *šalgə* 'коса', буквально "бьющее (орудие)" от *šal* 'бить', 'ударять', а также немецкий глагол *hauen*, означающий 'бить' и 'косить (траву)'. (Абаев I, 305). Вероятней всего, В.И. Абаев заблуждался по поводу происхождения *sævæg*. Осетинский глагол «косить» образован из тюркского глагола *чап-*, имеющего то же самое значение. Производные от этого глагола имеют достаточно широкое распространение в тюркских языках: каз. *шабу* 'рассечение', 'полоть', 'рубить', 'косить'; *шабын* 'покос', *шабынды* 'сенокос' (Каз.РС, 473 - 474). Кирг. *чабык* 'покос', *чабынды* 'покос', 'сенокос (место)', татар. *чапкыч* 'косилка', 'сенокосилка', *чабынлык* 'покос', 'место косьбы', 'покосный'. Осетинское существительное *sævæg* 'коса' само по себе имеет изолированный характер, поскольку не связано с осетинскими глаголами, означающими «косить сено» - *кæрдын*, *дасын*, как и с существительными, имеющими отношение к косьбе: *кæрдæг* 'косарь', 'жнец'; *хосгæрдæн* 'сенокос', 'покос'; 'сенокосный'; *хосгæрдæн машинæ* 'сенокосилка', *хосгæрст* 'сенокос (место)' (ОРС). Такая изолированность лексемы *sævæg* в осетинском языке является косвенным подтверждением ее заимствованного характера. Следует также отметить семантическую дивергенцию осетинского глагола *sævup* 'бить', который сам по себе среди иранских языков не имеет близких параллелей (перс. *šāpīdan* 'грабить', язг. *saft-* 'воровать', мундж. *səvd-* 'щипать', вахан. *šavd-* 'собирать'), то-

гда как в тюркских и финно-угорских языках такие параллели весьма очевидны (алт. *сар-* ‘бить’, узб. *сар-* ‘рубить’, уйг. *сар-* ‘бить’, удм., коми чапыны, чапкины ‘ударить’, морд. эрзя чавомс ‘бить’ удм. чабыны ‘хлопать в ладоши’; в карачаево-балкарском чабук / чауук / чауукъ ‘хлопать в ладоши’ (“детское” слово)) (Абаев I, 306; КБРС, 719, 728). Более того, в осетинском языке имеются синонимы этого глагола, также имеющие значение «бить» - *нæмын*, *хойын* (ОРС), что может являться косвенным свидетельством изменения глаголом *сæвун* своего значения, возможно, вследствие контаминации тюркского и иранского корней.

сӕх и. | *сох* д. ‘недостача’, ‘недостающий’, ‘лишенный’. Возведено без объяснений и толкования к иранскому **сика*, а в качестве неиранских соответствий приведено русское диалектное *чукаво* ‘в обрез’, *чукавый* ‘еле достающий’. Приведены также возможные связи на угро-финской почве: венг. *csok* ‘уменьшаться’, коми чуктыны ‘отпасть’ (Абаев I, 317). Следует, однако, заметить, что М. Фасмером русские *чукавый* и *чукаво* не этимологизированы вследствие неясности происхождения этих слов (Фасмер IV, 380). В отношении же угро-финских основ можно предположить тюркское влияние, вследствие ограниченности их распространения среди родственных языков. Наиболее верным, в данном случае, было бы предположение о тюркском влиянии на осетинскую лексику. Так, в тюркских языках *зюк* / *зюк* / *юк* / *сюк* обозначает «отсутствие», ‘нет’ (ЭСТЯ IV, 211 - 213). Начальная аффриката с осетинского слова *сӕх* / *сох* предполагает также начальную аффрикату в языке, послужившем источником для заимствования. Чаще всего, в карачаево-балкарском языке осетинской аффрикате с соответствует аффриката *щ*. Но, учитывая достаточно древний характер заимствования данного слова в осетинский язык, не следует также исключать аффрикату *з*, вследствие ее фонетической близости к *щ*. Предположение о серьезном взаимовлиянии осетинского и финно-угорских языков является заблуждением, и «обширные» лексические параллели, на самом деле, вырваны из контекста общих индоевропейско-уральских связей и ностратических лексических параллелей.

сухсуг, *сухсугаег* и. | *сисхиг* д. ‘вода, падающая с жёлоба’. Абаев полагает, что в основе лежит слово **схиг* ‘вода’ южнокавказского (картвельского) происхождения. Он в этой связи считает, что грузинскому *с’qal-* ‘вода’ должна соответствовать мегрело-чанская *с’qog-*, *с’qig-*. (Абаев I, 327) Однако данной формы (а это признается и самим Абаевым!) в мегрельском и чанском нет (там же). Кроме

того, нет удовлетворительного объяснения наращения в начале су-
 Полагаю более обоснованным выводить этимологию данного осе-
 тинского слова из кар.-балк. существительного *си́схиг* / *сисхиг* 'во-
 допад' (оно же отложилось так же и в чеченском – *сахсаг* 'водо-
 пад'). В свою очередь существительное *си́схиг* образовано от кар.-
 балк. (тюрк.) глагола *си́схи-* 'ковырять' (КБРС, 739), 'ворошить'.
 Здесь нет никакого семантического сдвига, поскольку сам бурный
 поток или водопад характеризуются тем, что расковыривают зем-
 лю, камни, растительность, деревья в отличие от спокойного водно-
 го потока. С точки зрения кар.-бал. речи здесь никаких семантиче-
 ских сложностей нет. О тюркском характере глагола *си́схи-* свиде-
 тельствует хакас. форма *чухчыла-* 'ковырять', 'выковыривать что-
 л.'. (ХРС, 324), татар. *чоку* 'долбить', 'выдалбливать'; 'ковырять';
 'копать', 'вырыть'; *чокчыну* 'доискиваться', 'допытываться'; 'тща-
 тельно исследовать'. Кроме того, следовало бы обратить внимание
 на киргизские формы *шаркыра-* 'бурлить', 'грохотать камнями' (ко-
 гда бурный поток катит по дну камни), *шаркырак* 'грохот' (напр.
 водопада или бурной реки), *шаркырама* (о воде) 'бурлящий', 'бур-
 ный', *шаркыратма* 'водопад'. И казах. *саркырама* 'водопад' (КазРС,
 522.), которые вряд ли идут из формы *сарқ-* 'течь', иначе в киргиз-
 ском мы тоже имели бы основу *сарқ-*. Правда, существует высокая
 вероятность того, что здесь в кирг. и каз. формах имеет место зву-
 коподражание.

domбай 'зубр'; в новейшем употреблении также 'лев'. Абаев счи-
 тает его общекавказским. (Абаев I, 365). Ни в коей мере не вступая
 в дискуссию по поводу общекавказского характера данного слова
 как термина для обозначения такого животного как зубр, следует,
 тем не менее, отметить его тюркское происхождение: кар.-балк.
доммай 'зубр', тур. *dombay* 'самка буйвола, буйволица', ног. *дом-*
бай 'толстый', 'полный', азерб. *домба* 'выпуклый', кирг. *домпой*,
томпой 'быть выпуклым', 'выдаваться выпуклостью' (ЭСАЯ I, 151 -
 152), а также *домбай* (каз.) 'стог' (Радлов III, 1728), *томбай* (тур.)
 'морская корова' (там же, 1240). Для кар.-балк. формы характерна
 поздняя ассимиляция согласного *b* в соответствии с правилами кар.-
 балк. фонетики: *dommaj* < *dombay*.

dorbun д. 'пещера'. Сам В.И. Абаев по поводу происхождения
 этого слова показывает следующее: «В изданных дигорских текстах
 не встречается, равно и в наших записях. Тем не менее с уверенно-
 стью восстанавливается на основании балкарского заимствованного
dorbun 'пещера'. Представляет сложение из *dor* и *bun*, где *dor* 'ка-

мень', а бун употреблено здесь в значении 'пол': «с каменным полом». Обычное слово для пещеры в современном осетинском – лаегает» (Абаев I, 370). То есть, самого слова дорбун в осетинском языке нет. Абаев, всего лишь, «восстановил» его из карачаево-балкарского дорбун, означающего 'пещера'. Но, надо заметить, что семантически слово 'пещера' мало соответствует значению 'каменный пол', приводимый Абаевым в качестве возможно бытовавшего в прошлом осетинского термина. Ведь в пещере не только пол каменный, она характеризуется как раз тем, что представляет собой своего рода каменный мешок. В самом осетинском, как отметил Абаев, для обозначения пещеры существует другое слово – лаегает, фонетически никак не связанное с дорбун. Полагаю, что кар.-балк. и осет. *dorbuŋ* происходят из тюркского слова, имеющего значение 'мешок', поскольку по своей форме пещера напоминает мешок, только каменный. В тюркских языках распространены фонетически близкие *dorbuŋ* слова, обозначающие 'мешок', ранец, опухоль на теле: тур., крм., азерб. *torba* 'мешок, котомка' (Радлов III, 1189), кирг. *торбо* 'небольшой мешок для зерна', *дорбо* 'торба (небольшой мешок надеваемый лошади на морду для кормления зерном)', каз. *дорба* 'ранец', 'саквояж', 'сумка', 'торба', 'мешочек'. *дорбадай* 'мешкообразный'. *дорбалау* 'брать мешочком', 'складывать в мешочки'. Не стал бы совершенно исключать тув. *дөмбүң* 'бидон'; 'деревянный сосуд с узким голышком'. Очень интересны татар. и тур. формы: *төрбә* [törbä] 'склеп', 'усыпальница' (татар.) (ТРС), *türbä* 'мавзолей на могиле', 'простая могила' (тур.) (Радлов III, 1566). Думаю, что не следует полностью исключать и возможность происхождения отсюда же общетюркского *türmä* 'тюрьма', 'темница' (там же).

Зотмаæ, зотмæ 'колбаса (из тонких кишок)'. Автором приведены груз. (рачин.) форма *ჭიტა* 'кушанье из потрохов', каб. *žerimä*, убух. *žerme* 'колбаса', и совершенно не упоминаются тюркские параллели (Абаев I, 398). Об общетюркском характере лексемы свидетельствуют: кар.-балк. *дžөрме* [žörme], баш. *йүртә*, тув. *чөреме*, кирг. *жөргөм* и многие другие с общим значением 'разновидность домашней колбасы' (ЭСТЯ IV, 235 - 236). В приведенных же Абаевым языках данная лексема является безусловным заимствованием из карачаево-балкарского языка.

Zubandi д. 'разговор', 'беседа'. Автор этимологизирует из арабского *sohbat* 'общение', 'разговор', 'беседа' (Абаев I, 399). Данная точка зрения ошибочна. Слово этимологизируется из тюркского (в

том числе и кар.-балк.) глагола *ziban-*, имеющего значение 'утешать(ся)', 'забавлять(ся)', 'развлекать'; 'успокаивать(ся)'. Параллели в тюркских языках обширны (ЭСТЯ IV, 240).

zūg □ *ug* и. | *zügür* д. 'пестрый', 'полосатый', 'пятнистый', 'конопчатый'. Здесь, несмотря на очевидные тюркские параллели: кар.-балк. *zügür* 'пестрый', 'веснушчатый' (КБРЯ, с. 255), кирг. чаар 'пестрый', татар. чуар 'пестрый', 'пегий', 'рябой', 'разноцветный'; в переносном смысле 'разношерстный', 'пестрый' (ТРС), тув. шокар 'пестрый', 'рябой', 'пятнистый' (Тув.РС) и др., замечено это не было, и В.И. Абаев вновь отнес данное слово к несуществующим идеофонам (Абаев I, 402), тогда как заимствование из кар.-балк. языка очевидно.

g'eben и. | *gebena* д., в ир. 'саван', в диг. 'короткая верхняя одежда из грубого материала' (Абаев, т. 1, с. 517). Здесь автор, на наш взгляд, ошибочно объединил две, возможно, не связанные между собой лексемы: иронская форма идет из араб. *kafan* 'саван' через тюркское посредство, а дигорская - из кар.-балк. *gebenek* 'пальто из войлока', тур. *kāpānāk* 'дождевой плащ', *kebāpānāk* 'кафтан из кошмы' (там же). Происхождение тюркской формы из кер 'форма', 'модель', 'колодка', 'образец' (Абаев, т. 1, с. 519).

ing'up и. | *ingün* д. 'творог', 'масса свернувшегося молока после введения сычужной закваски'. Высказано предположение по поводу возможной местной кавказской этимологии в связи с наличием несколько схожих лексических единиц в мегрельском (*ingiri* 'холодная сыворотка') и хиналугском (*eng* 'сыр') языках (Абаев I, 544 - 545). Полагаем более обоснованным тюркское происхождение данной лексемы. Кар.-балк. ингирчек [*injirček*] 'творожная масса', 'створоженный осадок (в прокисшем молоке)' (КБРС, 304), татар. эремчек 'творог', 'творожный', тув. эжегей 'творог (из кислого молока)' (ТувРС), кирг. иримчик 'сыр домашнего приготовления (из кипяченого молока)' (КРС), каз. *irimşik* 'творог', 'сыр' (КазРС, 655), тел. *irigān* 'творог, остающийся на дне котла после выкуривания вина из молока' (Радлов III, 1461). Полагаем, что тюркские формы явились источником для всех кавказских вариантов данного слова.

kadavar и. 'скудный'. Автором не обнаружена этимология этимологии данного слова (Абаев I, 566). Возможно, здесь имеет место происхождение из тюркского *qat* [qət] 'недостаточный', 'скудный',

‘дефицитный’, ‘малочисленный’; ‘нехватка’, ‘недостаток’ (ЭСТЯ VI, 253).

kærz | kærzæ ‘яшень’ Абаев осетинскую форму считает неотделимой от чуваш. kavrəs̄, karaš ‘яшень’, находит также соответствие в монгольском küjgüs ‘яшень’, и в этой связи делает вывод о заимствовании из старочувашского (булгарского) в староосетинский (аланский) (Абаев, I, 587 – 588), не замечая при этом обширных параллелей в других тюркских языках (СИГТЯ, 427), в том числе и кар.-балк. формы kürč / küjgüč / küjgüs ‘яшень’, которая и была, судя по всему, источником для осетинской.

qærræl д. ‘одежда’ отнесено Абаевым к группе «звукоизобразительных» слов (Абаев, т. 2, с. 292), несмотря на очевидное совпадение с карачаево-балкарской (общетюркской) формой къаптал [qaptal] ‘бешмет’. Следует заметить, что тюркское qaptal получило широкое распространение среди народов Северного Кавказа (кабард. къэптал, чеч., инг. ɣовтал и др.) (Студенецкая, приложение: таб. 1). В тюркских языках къаптал имеет исконное происхождение (ЭСТЯ V, 269).

sandæraɣ д. хороводный танец, исполнялся в старину в некоторых районах Дигории. Автор точно подметил происхождение названия танца от тюрк. sandæraɣ ‘бред’, ‘бредящий в жару’, отметил также наличие этого танца в прошлом у кабардинцев (Абаев III, 29), но не смог указать источник, откуда этот танец проник к адыгам и осетинам, тогда как известно наличие старинного танца «Сандыракъ» у карачаево-балкарцев (КБРС, 540), у которых он и был заимствован вышеуказанными народами вместе с названием.

sont ‘неразумный’, ‘безрассудный’, ‘необдуманный’, ‘сумасбродный’, ‘взбалмошный’; иногда также ‘юный’, ‘молодой’ (‘неразумный’, ‘не достигший зрелого ума’). В статье высказано сомнение в тюркском происхождении слова (от сандыра- ‘бредить’) и сделана попытка поиска индоевропейской этимологии, которая, надо заметить, к большому успеху автора не привела (Абаев III, 136). Следовало бы обратить более пристальное внимание на тюркскую этимологию данного слова, в частности, кар.-балк. форму слова сонт [sant] ‘равнодушный’, ‘нечувствительный’; ‘глуповатый’, ‘дурашливый’; ‘рассеянный’, а также санча [sança] ‘дурашливый’, ‘глуповатый’ и т.п., только в пренебрежительной форме (КБРС, 541), а

также татар. форму сантый 'дурачок', 'дуралей', сантыйлану 'дуреть', 'одуреть', сантыйлык 'дурость', 'дурачество' (ТРС).

sūryn : syrd и. | sorun : surd д. 'гнать', 'прогонять', 'гнаться', 'преследовать'. Абаев сближает с «сакским» hasura 'добыча', 'дичь', тохар. šaru и šerwe 'охотник', арм. sour 'быстрый', др.-инд. śurudh- 'добыча', белудж. sur- 'двигаться', ишкаш. sur-:surd 'красться', 'подкрадываться', бартанг., рушан. sōr-, тадж. soridan 'выслеживать' (Абаев III, 171). В связи с отсутствием в индо-иранских языках близких аналогий, Абаевым сделано предположение о контаминации с тюркским sūr 'гнать', 'прогонять' (там же). Однако, безусловно признавая родственный «ностратический» характер индоевропейского и тюркского корня sur, следует, вместе с тем, отметить абсолютную семантическую идентичность исследуемых осетинского и тюркского глаголов, при почти таком же фонетическом сходстве: кар.-балк. (тюрк.) сюр- 'гнать', 'выгонять'; 'гнаться за кем-либо', 'догонять кого-либо'; 'угонять что'; 'гоняться за кем-либо' (КБРС, 592). Подобная близость, полагаем, может свидетельствовать не о контаминации осетинского глагола с тюркским, а о прямом заимствовании тюркской формы в осетинский язык, поскольку никаких заметных признаков иранского корня в исследуемом осетинском глаголе нет, а некоторое созвучие с индоиранскими формами имеет место лишь в связи с общностью происхождения индоевропейского и тюркского корня sur.

sybyrtt и. | sibirtt д. 'звук', 'звук речи', '(короткий) шепот' сопоставляя с тюркским səbər, šəbər 'шепот', 'шорох', səbərda, šəbəra 'шептать', автор делает вывод об их звукоподражательной природе (Абаев III, 181 - 182), с чем, разумеется, нельзя не согласиться. Однако также нельзя не согласиться с тем, что в осетинском языке данная лексема является заимствованием из тюркского языка, поскольку иранских параллелей нет. Близкое фонетическое сходство с кар.-балк. šəbərt 'шорох', 'шум' (КБРС, 755), позволяет сделать однозначный вывод о заимствовании осетинской формы из карачаево-балкарского языка.

syntæg и. 'кровать' выводя из осетинского (иранского) существительного synt / syntæ 'носилки', автор делает вывод о том, что с осетинским syntæg следует сближать кар.-балк. шиндик [šindik] 'стул', 'табуретка'. (Абаев III, 204). Что, однако, необоснованно, поскольку параллели кар.-балк. шиндик обнаруживаются в иных тюркских языках: тув. сандай 'стул', 'приспособление для сидения

(общее название)'; борбак сандай 'табуретка'; узун сандай 'скамейка' (ТувРС).

Syrdon и. | Sirdon д. имя одного из популярнейших героев осетинского («нартовского») эпоса. Отличался хитростью, находчивостью и остроумием, но также злоязычием и склонностью ко всяким козням. Абаев производит его имя от syrd | sird 'зверь' (Абаев III, 207). Данный герой бытует и в карачаево-балкарском нартском эпосе под именем Шырдан [Šərdan]. Сталкиваясь с безусловной трудностью этимологии имени этого героя, следует отметить наличие в киргизском языке слова сырдан 'хитрый' (КРС), которое можно вывести из кирг. глагола сыртта- 'уходить в сторону', 'сторониться' (там же). Возможно также применить татарский глагол сырпалану 'ласкаться', 'льститься' (ТРС). Значение киргизского сырдан 'хитрый' полностью совпадает с характеристиками осетинского нартского героя Сырдана / Сирдана.

tæbæg 'тарелка', 'блюдо' Абаев считает арабизмом (Абаев III, 243), однако в ряде тюркских языков имеет место значение данного слова кирг. табак 'лист (бумаги)', татар. табак 'лист', табаклы 'листовой'; каз., тур., алт., тел., леб., шор., тарач. табак / табах / табака помимо значений 'чашка', 'блюдо', 'миска' имеет также значение 'лист' (КазРС, 431, Радлов III, 961, 962, 963). То есть, значение тюркского слова *tabaq* не просто шире арабского, оно еще представляет собой то значение, которое было, скорее всего, характерно для этого предмета первоначально, то есть, 'широкий лист, на который можно класть пищу', которое впоследствии приобрело смысл 'чашка', 'блюдо'.

tusk'a д. 'кабан' Абаевым ошибочно названо скифо-германской изоглоссой в связи с наличием в германских языках слова *tusk* 'клык', *tusky* 'клыкастый' (Абаев III, 320 - 321)). Ни в одном из известных германских языков 'кабан' не носит наименования, связанного со звукорядом *tusk*. В то же время, в тюркских языках очень распространено слово *ṣiṣqa* / *ṣoṣqa* / *ṣuṣqa* / *ṣoṣxa* для обозначения 'свиньи'. В отношении возможности замены начальной *ṣ* на *t*, следует обратить внимание на изменение начального *ṣ* на *t* в фонетически сходном тюркском слове, обозначающем 'мышь' в казахском языке – тышқан [təʃqan] (КазРС, 455), тогда как в близком казахскому киргизском языке 'мышь' носит название чычкан [čəčqan]. Так же обстоит дело и в татарском языке, где также вместо

обшетьюркской *ṣāṣqan* употребляется тычкан [tāṣqan] (Радлов III, 1336).

tuɫ и. | tuɫæ д. анат. ‘родничок’ (мягкое место на темени новорожденного, где кости черепа еще не срослись). Автор полагает, что осетинская форма относится к дериватам индоевропейской базы *tu- ‘пухнуть’ и приводит близкие соответствия в значениях ‘мясо без костей’ (алб.), ‘мягкая подкладка’, ‘подушка’, ‘мозоль’, ‘вздутие’, ‘шишка’ (греч.). Имеется в единственном числе и иранское соответствие в гурани *tilā* ‘лоб’. Автор полагает, что кар.-балк. тулу ‘мягкое темя у ребенка’ идет из аланского (под которым имеет в виду древнеосетинский) (Абаев III, 329). С данной точкой зрения невозможно согласиться в связи с наличием широких параллелей в иных тюркских языках: каз. тұлым ‘вихор’, ‘чуб’ (КазРС, 449), а также ‘пучки волос над висками, которые остаются не выбритыми у любимых сыновей богатых людей’ (Радлов III, 1470), тулум / тулуң в казахском, барабинском, алтайском, телеутском, шорском, лебединском, чулымском, сагайском, койбалском и качинском языках и наречиях означает ‘коса (у женщины)’ (там же, 1469), то же самое и в киргизском языке, где тулум (в эпосе) ‘коса (женская и мужская)’ (КРС). Каз. тулумшак ‘маленькие косички, носимые девочками по обеим сторонам лба’ (Радлов III, 1271). В чагатайском *tuɫuḡuṣt* ‘виски’ (там же, 1469). Имеется также связь и со значением ‘кожаный мешок’. Кар.-балк. тулуць ‘мешок (из снятой чулком шкуры)’ (КБРС, 651). Тулуп / тулум (тел., алт., кумад., шор., крм., тур., азерб.) – ‘мешок без швов из целой выделанной кожи’ (Радлов III, 1469 – 1470).

tumbyl и. | tumbul д. ‘круглый’, ‘круглая масса чего-либо’ Абаев включает в группу так называемых звукоизобразительных слов (идеофонов), в которых определенный круг значений («круглое», «выпуклое», «вздутое», «выступающее», «торчащее» и т.п.) выражается определенными звуковыми комплексами (Абаев III, с. 330 – 335). Данная точка зрения мне представляется ошибочной в связи с наличием между языками, в которых фигурируют данные формы, древнего «ностратического» родства, доказанного В.В. Илличем-Свитычем. Наличие в абсолютном большинстве тюркских языков корня топ / том, обозначающего «круглое», «шарообразное» и производных от этого корня слов томалак (каз., чагат.) ‘круглый’, ‘шарообразный’, ‘шар’, ‘мячик’, ‘ком’, ‘клубок’, ‘толстый’, томбала (тур.) ‘шар фокусника’ (Радлов III, 1236, 1241), кирг. томпок ‘выпуклый’ (КРС), татар. тумпау ‘вздуться’, ‘вздуваться’ (ТРС) и мно-

гих других фонетически близких осетинской форме *tumbyl / tumbul* (а эта близость признана и самим Абаевым со ссылкой на Радлова – см.: (Абаев III, 331)), и отсутствие фонетически близких форм в других иранских языках позволяет сделать вывод о гомогенности осетинской и тюркских форм и заимствовании осетинской формы *tumbyl / tumbul* из тюркских языков.

xatt ‘раз’ (в значении: «один раз», «несколько раз» и т.п.) Абаевым не этимологизировано однозначно, приведены лишь вероятные источники происхождения данной лексемы. Наиболее обоснованным с его точки зрения является происхождение от глагола *xætyn* ‘путешествовать’, ‘странствовать’, ‘бродить’ и означает собственно ‘путешествие’, ‘voyage’ (Абаев IV, 144 – 145). К сожалению, автор недостаточно обоснованно объясняет причину столь существенных семантических расхождений: «раз» и «путешествие». Фактически, здесь можно говорить об однозначном заимствовании из тюркских языков, в которых слово *qat*, помимо значений ‘слой’, ‘пласт’, ‘складка’, ‘ряд’, ‘ярус’ имеет еще и значение ‘раз’ в целом ряде тюркских языков (кар.-балк., тур., кар.т.г., кумык., тат., баш., чув. и др.) (ЭСТЯ V, 335; КБРС, 399).

Принятые сокращения. Источники и литература

Абаев I-V – Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958 – 1995. Т. I – V.

Айбазова – Айбазова Е.С. Термины родства в ногайском языке. // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков / Отв. ред. М.А. Хабичев. Ставрополь, 1981, с. 56 - 68.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дыбо – Дыбо А.В. Рецензия на: Расторгуева В.С., Эдельман. Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000, Т. II. М., 2003 // Этимология 2003 – 2005 / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2007, с. 338 - 348.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. М. 1971.

КазРС – Бекгаев Калдыбай Казахско-русский словарь. Алматы, 2002.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Темишева и Х.И. Суюнчева, М., 1989.

КРС – Киргизско-русский словарь:

[http://janyzak.narod.ru/dic/kr_b.htm]

Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат-Турк. – Алматы, 2005.

ОРС – Осетинско-русский словарь. 3-е дополненное издание / Составители: Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева. - Орджоникидзе, 1970. [<http://ironau.ru/lingvo-abbyu.html>]

Радлов I-IV – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. СПб., 1899 – 1911.

Русско-карачаево-балкарский словарь / Под ред. Х.И. Суюнчева, И.Х. Урусбиева. М., 1965.

РТС – Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. М., 1991.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М., 2006.

Студенецкая – Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII - XX вв. – М., 1989.

ТРС – Татарско-русский большой словарь: [<http://www.balkaria.info/dictionaries/tatar/trbs/index.html>]

ТувРС – Тувинско-русский словарь: [http://www.franklang.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=956&Itemid=888]

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964 – 1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. Чебоксары, 1996.

Хабичев – Хабичев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М., 1989.

Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1971.

ХРС – Хакасско-русский словарь / составители Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова-Грекул. – М., 1953.

Шагиров – Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков / Отв. ред. В.И. Абаев. М., 1989.

ЭСАЯ I-II – Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В 2-х томах. М., 1977.

ЭСТЯ I-VII – Севортыян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974 . Севортыян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978 [II]. Севортыян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980 [III]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э.В. Севортыян, Л.С. Левитская. М., 1989 [Т. IV]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 1997 [Т. V]. Этимологиче-

ский словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 2000 [Т. VI]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. М., 2003 [Т. VII].

Языки и диалекты

- ав. – авестийский
- азерб. – азербайджанский
- алб. – албанский
- алт. – алтайский
- араб. – арабский
- арм. – армянский
- балк. – балкарские говоры карачаево-балкарского языка
- баш. – башкирский
- бартанг. – бартангский
- белудж. – белуджский
- вах. – ваханский
- венг. – венгерский
- гаг. – гагаузский
- греч. – греческий
- груз. – грузинский
- д. – дигорский диалект осетинского языка
- др.-инд. – древнеиндийский
- др.-уйг. – древнеуйгурский
- и. – иронский диалект осетинского языка
- инг. – ингушский
- ишкаш. – ишкашимский
- каб. – кабардинский
- каз. – казахский
- карах.-уйг. – караханидско-уйгурский
- карач. – карачаевский говор карачаево-балкарского языка
- кар.-балк. – карачаево-балкарский
- кар. г. – галицкий диалект караимского языка
- кар.т. – трокайский диалект караимского языка
- кирг. – киргизский
- кrm. – крымскотатарский
- кум. – кумыкский

куманд. – кумандинский диалект алтайского языка
 леб. – лебединский диалект алтайского языка
 морд. – мордовский
 мундж. – мунджанский
 ног. – ногайский
 перс. – персидский
 пехл. – пехлеви
 рачин. – рачинский говор грузинского языка
 рушан. – рушанский
 согд. – согдийский
 тадж. – таджикский
 тарач. – тарачинский (таранчи)
 татар. – татарский
 тел. – телеутский диалект алтайского языка
 тохар. – тохарский
 тув. – тувинский
 тур. – турецкий
 тюрк. – тюркский
 убых. – убыхский
 удм. – удмуртский
 узб. – узбекский
 уйг. – уйгурский
 хакас. – хакасский
 чагат. – чагатайский
 чеч. – чеченский
 чуваш. – чувашский
 шор. – шорский
 язг. – язгулямский

А.Б. Семенова

**Из карачаево-балкарской лексики: наименования
 лекарственных растений и их структурно-
 семантическая характеристика**

Известно, что человек с самого своего зарождения подвергался различным заболеваниям. Чтобы лечить болезни люди обращались к природным явлениям к растительному и животному миру. В результате длительного общения с природой стали замечать лечебные свойства растений и животных. Лекарственные растения стали употреблять «в неизменном или переработанном виде для лечения болезни и в целях профилактики, санитарии и гигиены» [Хайрутдинова 2004:73]. Таким образом, лекарственными называются расте-

ния, которые используются для лечения различных заболеваний. Карачаевцы и балкарцы, как и все другие народы, широко применяли лечение различными травами. Сведения о лекарственных растениях и их применении передавались устно из поколения в поколения. А с появлением и развитием письменности накопленные веками практические сведения были зафиксированы в рукописи различного содержания. Медицина в своей практике широко использовала и использует опыт народного лечения различными травами и мазями и было известно с древнейших времен. [Дроздов 2008:82]

Ещё в 1620 году в Москве был организован специальный Аптекарский приказ, который поручал сбор лекарственного сырья знающим людям [Лекарственные растения 1976:8]. Растения собирались по месту произрастания и затем продавались в травяных лавках. В дальнейшем появилась и литература по лекарственным растениям. Стали печататься статьи в различных журналах, посвященных лекарственным растениям, которые применялись и применяются в народной медицине. [Кадаев 1963:6]. Каждый народ, в том числе карачаевцы и балкарцы, имеет свои названия лекарственных и других растений. Как отмечает К. М. Мусаев, «тюркоязычные народы с древнейших времен хорошо знали лес, его растительность и животный мир» [Мусаев 1975:158]. Это в полной мере относится к карачаевцам и балкарцам, среда обитания которых связана с горами и лесами Северного Кавказа.

Исследователи карачаево-балкарского языка в своих работах приводят отдельные названия флоры, ноне дают системного анализа фитонимической лексики карачаево-балкарского языка. Так, Х.-М.И. Хаджилаев в своих «Очерках карачаево-балкарской лексикологии» отмечает слова, связанные с анатомией растений и названия нескольких деревьев [Хаджилаев 1970: 82-83, 103-105]. М.И. Отаров тоже только перечисляет названия растений без всякого анализа [Отаров 1996:48].

Названия лекарственных растений в карачаево-балкарском языке следует рассматривать, как подгруппу в большой тематической группе «Растения». Тематическую группу «Растения» можно рассматривать и сточки зрения полевого членения лексики, отражающей «определенный участок фрагмента действительности» [Челяева 2002:26]. Особенности полевой структуры лексики были исследованы составителями тезаурусов. [Р. Халеиг, В. Фон Ваптбург, Ф. Дорнзайф, П. Ропсе; Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин и др.].

Как отмечает Г.С. Щур: «Поле является отражением инвариантного принципа группировки элементов и способом их существова-

ния» [Щур 1974: 206]. Таким общим инвариантным значением здесь выступает значение «лекарственные растения».

Рассмотрим названия ряда лекарственных растений, которые употребляются в карачаево-балкарском языке.

Балдыргъан – борщевик сибирский, анис [ТСКБЯ т.1.; 325].

Расцветает в июне. Используют корни, листья и семена. Корни собирают в сентябре-октябре, листья – в июне-июле, семена – в сентябре. Используют так: воду, сделанную из листьев или корней используют при болезни желудка, кишок, при аллергии, особенно при судорогах и припадках.

Пьют четыре раза в день до еды. Спиртовую настойку из корней используют при зубных болях. Вода из корней и листьев используют при чесотке и нарывах.

Изготавливают так: три чайные ложки измельченных листьев заливают двумя стаканами кипяченной холодной воды, накрывают и оставляют в течение двух часов, затем процеживают и пьют одну четвертую часть четыре раза в день перед едой.

Семантическая расчлененность слова представляется так: бал – «мед» + дыр аффикс имяобразования + гъан аффикс причастия = балдыргъан «сладковатый». (Хабичев 1971:194).

Джабышмакъ – боярышник колючий [ТСКБЯ т.1.; 757]. Расцветает в мае-июне месяцах. Плоды созревают в сентябре. Используют плоды и цветы. Плоды собирают в сентябре, цветы – в мае, июне. Боярышник бывает красный или черный. Черный боярышник считается лучшим, он бывает кисловатым, чем красный. Боярышник помогает от сердечных заболеваний, используют от бессонницы, от головокружений, от астмы. При давлении, при затрудненном дыхании, используют воду боярышника. Она очищает кровеносные сосуды, кровь в головной мозг, в сердце прогоняет в очищенном виде. Лекарство изготавливается так: 1) Одну столовую ложку цветов боярышника всыпают в стакан с кипяченой водой, закрывают его на два часа, затем процеживают его. Четвертую часть пьют в день 3-4 раза перед едой. 2) Столовую ложку цветов или плоды боярышника бросают в стакан с водкой, накрывают его и оставляют на семь суток. Затем процеживают, смешивают с водой пьют перед одной чайную ложку в день три-четыре раза.

Семантическая структура слова выглядит так: «Джаб» «шакрой + -ыш аффикс глаголообразования + -макъ аффикс имяобразования = джабышмакъ «липкий, приклеивающийся»». (Хабичев 1971:220).

Тюекъарын – «верблюжья колючка». Расцветает в мае – августе. Используют листья и корни. Листья собирают в мае – августе, корни – в сентябре-октябре. Верблюжья колючка помогает от кашля,

при аллергии. Это растение излечивает раны, заставляет потеть, очищает кровь.

Семантическая структура выглядит так: тюе «верблюд»+ «къярын» живот = тюекъярын (букв. Верблюд+живот) «предназначенный для живота верблюда». Это название не отмечено ни в одном словаре карачаево-балкарского языка.

Чырмауукъ ханс – «вьюнок полевой» [ТСКБЯ т.3: 955]. Расцветает в мае-августе. Используют корни, листья, цветы и само растение в целом. Корни собирают осенью или весной, а само растение – в июле-августе. Его лекарственные свойства известны издревле. Он излечивает от лихорадки. Лечит раны. Корни помогают от запоров. Измельченные листья прикладывают к змеиному укусу. Сок листьев, смешанный с коровьем маслом, излечивает воспаление легких, ушные заболевания. На севере в его воде купались, излечивал от чесотки, при сыпях кожи. Следует соблюдать осторожность при употреблении во внутрь, а то может навредить здоровью.

Семантическая структура слова строится так: чырма «обвиваться»+ -у аффикс от глагольного имени + -укъ суффикс имяобразования. [Хабичев 1971:260].

Къарампил – гвоздика пышная [ТСКБЯ 2 т.: 575]. Расцветает в июне-июле. Используется растение в целом, цветы и точки. Собирают в июне-июле как само растение, так и семена. Это растение заставляет потеть, останавливает кровотечение, действует успокаивающе. Гвоздика помогает при обмороке, при различных слабостях кладут в чай два-три зернышка и пьют.

Изготавливают питье таким образом: берут две чайные ложки сушеных зерен и спускают в стакан с кипяченой водой на двадцать минут, затем процеживают. Пьют 1-2 раза в день.

Семантическая структура слова состоит из: къяра «смотреть»+ -м аффикс имяобразования + -пил, видимо тоже какой-то аффикс= къарампил «благоприятносмотрящий». Из тюркских языков это слово отмечено только в кумыкском языке в форме «къаранпил». [И РКС:103].

Дугъума – мята. Используется в медицине, в кондитерских изделиях, изготавливают различные мази для лица, рук, дома заваривают чай. [ТСКБЯ 1 т.: 687].

Расцветает в июне-июле месяце. Используется всё растение. Мята используется в лечебных целях. Она развивает аппетит, помогает переваривать пищу, активизирует работу кишечника. Помогает при рвотах, при головных болях. Она заставляет потеть, помогает при судорогах.

Можно предположить, что семантическая структура слов состоит из дугъу - основа что-то обозначает, + -ма аффикс = дугъума орудия, средства [Хабичев 1971:263-264]. Корневая морф дугъу встречается в ряде слов: дугъу –м «смородина», дугъу –джаш «кровник», дугъу-ра «шишка, бугърок». Возможно, у этих слов один и тот же корень, который в современном карачаево-балкарском языке самостоятельного значения не имеет, а употребляется только связанном виде.

Чыкъырмакъ – горошек. Ни в одном словаре карачаево-балкарского языка не зафиксирован. Расцветает в июне-августе. Используют все растение целиком. Собирают в июне-августе. Используют в измельченном виде или сухие крошки. Прикладывают к нарывам с целью быстрого созревания. Затем используют чтобы убрать бородавки, смягчает и убирает различные наросты.

Семантическая структура слова строится так: чыкъырт «треск, хруст» [ТСКБЯ 3 т.: 947]. + -макъ аффикс имяобразования [Хабичев 1971: 220]= чыкъырмакъ. Образовано от звукоподражательного слова чыкъырт. «треск, хруст». С помощью суффикса –макъ.

Таким образом, карачаевцы и балкарцы издревле знали лекарственные свойства различных растений и использовали их в лечебных целях. При этом различные травы получали различные названия в соответствии со свойствами трав, строением, запахом, звукоподражанием и др.

Литература

1. Хайрутдинова Т.Х. Народные названия растений в татарском языке. Казань, 2004.
2. Лекарственные растения. М. 1976.
3. Кадаев Г.Н. Лекарственные растения Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1963.
4. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
5. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1996.
6. Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
7. Щур Г.С. Теория в лингвистике. М., 1974.
8. Геляева А.И. Человек в языковой картине мира. Нальчик, 2002.
9. Толковый словарь карачаево-балкарского языка.
10. Школьный русско-кумыкский словарь. Махачкала, 2008.
11. Дроздов Ю.Н. Тюркская этнонимия древне-европейских народов. М., 2008.
12. Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразования. – Черкеске, 1971.

И.А. Лайпанов

Тарикаты у Джучидов и Хулагуидов
(по материалам арабских источников)

В книге А. Аль-Хатиба «Аль-Бутуляту уа-ль-фида'у гинда-с-суфийати» («Героизм и освобождение у суфиев»), изданной в Дамаске в 2000 г., приводятся данные относительно тех суфийских тарикатов (орденов), которые получили распространение у правящего класса Золотой Орды.

К числу первых суфийских наставников, проповедовавших ислам у монголо-татар в 652 г.х., отнесены шейх Сайфуддин ал-Бахарзи и Саидуддин б. Хаммуайн. Сообщается, что в книге «Сияющие звёзды» о втором из этих наставников говорится: «Он был аскетом (*заһид*), усердно поклоняющимся ('*абид*) Аллаху, говорящим об истине. И он боролся за дело Ислама физически и духовно. Он встречался с правителем татар и изменил его в лучшую сторону. И он строил там свои обители (*ханакатун*). Там его принимали с почётом. Татары продолжали толпами входить в ислам. И произошло вхождение правителя Казана, потомка Хулагу в истинную религию от рук Ибрахима Джувайни, который являлся суфием (722 г.х.)... Присоединились к Казану его войска, находившиеся в Иране и в большинстве стран Мавераннахра. И перешли татары из мрака неверия в свет веры (*нур-уль-ислам*)».

В рассматриваемой книге («Аль-Бутуляту...») говорится, что внук Чингисхана, Берке-хан, «считавшийся одним из великих царей в странах кипчаков и лучший из них образом жизни, принял Ислам из рук суфийского шейха Кубравийского тариката Сафийуддина Бахаризи, которого встретил во время возвращения из Бухары. И соратники Берке-хана утвердились в Исламе вместе с ним».

Приведенные данные излагаются на С.131-132 упомянутого труда.

Добавим, что Казан (Газан)-хан (1271-1304), принявший мусульманское имя Махмуд, принадлежал к ветви Чингизидов – династии Хулагуидов, являлся правителем Ирана в 1295-1304 гг.

По сообщению Ибн Батутты (XIV в.), могила упоминавшегося выше «благочестивого отшельника Сайф ад-Дина ад-Бахарзи, одного из величайших святых» находилась в предместье Бухары – Фатхабаде.

Об ариях. И не только...

Исход

Некоторые авторы, в т.ч. и близкие к эзотерическим учениям Л.Ю.Кнорозов, Ю.Березкин, Е.Елизаренкова, М. Галич, Е. Блаватская и др./, утверждают, что арии – древнейшая цивилизация на Земле, возникновение которой относят к 40-50 тысячелетиям до н.э. Считается, что примерно 30 000 тыс. лет до н.э., когда еще не было Берингова пролива, они проникли из Восточной Сибири, вернее – района нынешней Чукотки и в Америку.

В 2007 г. президент РФ В.Путин посетил проводимые четверть века профессором Челябинского Университета Здановичем археологические раскопки столицы ариев в местности, называемой башкирами Аркаим. Всероссийское ТВ дважды показало по этому поводу работу археологов, кажется, до этого засекреченной.

Как отмечал петербургский исследователь истории ариев Тибета М.И.Демиденко в книге: «В Тибет по следам СС», информация об ариях также секретна, как и сведения о создании атомной бомбы. Но и его книга оказалось «под присмотром»: в 1996 г., когда ее издали, весь тираж кроме 5 экземпляров, унесенных им из издательства, исчез, причем автор не получил и договорной гонорар. В том же году в петербургском журнале «НЛО» опубликовали его интервью. На вопрос «Кто же является наиболее чистыми потомками ариев?», Михаил Иванович ответил: «Чеченцы, ингуши и другие сосланные народы Северного Кавказа». А «другими», как представлялось, были, видимо, карачаевцы и балкарцы.

Для того, чтобы убедиться в нашей догадке, мы стали искать г-на М.Демиденко по всей России, имея только листок с интервью., где не было выходных данных. Лишь годы спустя удалось узнать название журнала и адрес Демиденко, с которым на его квартирномузее мы беседовали целый день, смотрели видео, листали книги, разглядывали экспонаты. Демиденко, подобие Геродоту, отлично знал местность и историю исследуемого объекта, он прожил в Китае, Тибете, Камбодже, Цейлоне и в других местах. 40 лет служил военным переводчиком, получив чин полковника. Он отметил, что карачаевцы и балкарцы чеченцы и ингуши были высланы по причине их принадлежности к ариям. Об этом, вероятно, Молотову сообщил Риббентроп. Когда немцы вошли в Карачай, они его жителей иногда называли *арий*...

Но вернемся к изложению древней части истории. 12000 лет назад началось резкое таяние сплошного ледяного покрова северных

морей и океана, толщина которого доходила до 5000 м. Огромный ледяной панцирь таял, вода поднималось, разламывая его, после чего пошла на сушу двигая глыбы льда. Начался циклический /через 20000 лет/ катаклизм. Сибирские арии стали отступать к югу и юго-западу – на Алтай, Саяны, Кавказ, азиатские степи, Европу. Кавказ и его вершина Эльбрус /пер. с тюрк. *Страна Барсов*/ становятся их священной обителью.

Кстати, именно поэтому идеологи гитлеровского «ариизма» хотели аккумулировать для Германии энергию великого духа ариев, создав осенью 1942 года у подножья Эльбруса аэродром. На нем приземлился специальный самолет, из которого высадились 20 тибетских монахов, призванные подняться на вершину исполина. Но они не имели альпинистскую подготовку и их акция не удалась. На Эльбрус взойшли военные альпинисты из горнострелковой дивизии «Эдельвейс», которым удалось водрузить на вершине германский флаг...

На Запад

Прожив многие тысячелетия в горно-степной тюркской среде, арии за 2 тыс. до н.э. через Бактрию вторгаются на полуостров Индостан. Его северную часть покорил полководец Орий, нашествие которого положило конец архаичной культуре местного населения. Позже арии прошли до Цейлона. Через века изменился и расовый тип индийцев, облик которых из негроидного стал европеоидным, правда южного типа. Изменился и язык. Арии создали санскрит – литературный язык для эпических произведений, гимнов богам, властителям, труду, ратному делу и т.п. На этом языке были зафиксированы четыре Веды /отсюда - «ведать»/, Махабхараты /два десятка томов/, Упанашиды и др. Некоторые исследователи создание Вед относят к арктическому периоду Ариев, который не раз упоминается в санскритских произведениях.

За 1800 лет до н.э. арии двигаются из Индии на запад. Они завоевывают территории Афганистана, Иранского нагорья, Шумера, Палестины и севера Египта. Есть в ученой среде и мнение, что Завилонскую башню построили они. Южнее Азербайджана арии создали впервые свое этнополитическое образование – *Хурритское* государство. Здесь, видимо, корневое *хур* иран. «солнце», а *ит* – тюрк. лексема в значении «волк». Потомками хурритов считаются зайнахи. Маленькая горная Персида (Парс) становится Ираном /*Ариана*/.

В 17 веке д.н.э. в низовьях Нила арии основали г.Аварис, ставшей столицей колонистов. Северным морским соседям они внедряют имя своего бога северных арктических холодных ветров Бо-

рея, а в Египте – имя верховного бога Ра. У племен северной ветви ариев название «Ра» закрепляется за великой р. Волгой, которую с приходом сюда гуннов переименовали в *Адил/Итиль* (от имени Атиллы).

Таким образом, арии обосновались в Евразии, где победы им приносили конница и колесницы. Армии ариев боевые действия проводили строго по собственным обычаям войны, которые были необычайно гуманны по отношению к противнику: упавшего с коня, лежачих, безоружных не добивать, детей, женщин, пожилых – не трогать, поля – не жечь, не вытаптывать. Нельзя было косить живую траву, рубить зеленые деревья. Это все жизнь. Их воины были сильны луками, копьями, различными мечами. Воинский дух и пыл поддерживали гимны, знамена, которые украшала *свасти* /свастика/.

На Алтай и с Алтая

В 18 в. до н.э. Авраам /Ибрахим/ с частью родственников покидает Шумер, где бытовал язык близкий к пратюркскому (напр., нынешний карачаево-балкарский язык изобилует шумеризмами). В этом же веке часть шумеров уходят в сторону Парса, что, вероятно, было обусловлено природным катаклизмом. Обилие оросительных каналов объективно заболачивало землю, их испарения, вместе с испарением океана и двух больших рек, Тигра /«Стрела»/ и Ефрата /«Счастливая»/ также сильно увлажняли воздух, а тучи насекомых, в особенности комаров, плотно покрывали нивы междуречья. Хотя сбор урожая зерновых был внушительным /120 центнеров с га/, он не удовлетворял потребностей земледельцев. Возрастал забор воды из рек, которые мелели.

В эти времена Персида и Среднеазитские степи были густо заселены арийскими племенами, анклавы которых тянулись до севера Казахстана. А шумеров жаркий климат гнал далее на восток: обживая новые места, затем откочевывая на другие, они продвигались через арио-тюркскую среду к Алтаю. За века скитаний они приняли язык арийской среды. Алтайцы прозвали их *аландан кельген* «пришедшие со степей», а род «аландан кельген» у алтайцев фиксируется до нового времени /Шакарим Кудайбердин. Родословная тюрков. – Оренбург, 1911/. В горах Алтая поселяется часть алан, которые получили чаименование *ас* алт. «горностай».

Предполагается, что предки шумеров некогда ушли в Месопотамию из тесных гор Кавказа, который остался в памяти их потомков в азиатских степях. Алтай, по сведениям купцов, был прохладен, как их кавказская прародина.

Усилившиеся и умножившиеся племена асов-алан к западу до о.Балхаш создают страну Ас. Язык их полностью оторочился в процессе продвижения на запад до р.Ра (Волги). На этом пути к ним примыкали различные племена, а из алано-асской среды, в свою очередь, по ходу движения оседали различные роды, которые в азиатских степях, зачастую сохраняя и свой этноним при ассимиляции другими народами.

Со временем аланские племена, опережая основную массу, в I в.н.э. появляются в Восточной Европе и на Северном Кавказе, где за сотни лет до н.э. уже обитавших их родичи скифы, с арматы, алазоны, роксоланы (белые аланы). Считают, что в том же веке ас-аланы организуют анклав, условно именуемый «Русская Алания», северным соседом выступали балты /см. Е. Галкина, Тайны Русского каганата», С. Перевезенцов, «Россия». – М.,2005/.

В Балтии

Во 2 в.н.э. потеснив балтов, ас-аланы прорываются в Прибалтику. По многочисленным сведениям скандинавских саг, их привел сюда полководец из асов Один. Его полное имя – Ас Один Зиге, где Ас – этноним, ади арийск. «первый», зиг немец. «победитель». Немецкий язык является одним из индо/арио/ - европейских языков. В целом имя асского полководца переводиться как Ас Первый Победитель. Оно, вероятно, является кличкой – титулом, данным почитаемому и позже обожествленному завоевателю. Ас-Один стал первым царем скандинавов, его супруга Аза – первой царевной Норвегии, где и была найдено ее захоронение в судне-драккаре, сверху которого, по обычаю степняков, был насыпан холм. Аланские драккары /от «дракон/ совместно со скандинавами по северным рекам Днепру, Днестру проникали до Византии. Сюда прорывалось с Кавказа и сухопутная армия ас-аланов. Вместе достигали они даже берегов Северной Африки. Ас-аланы оставили в Скандинавии и Центральной Европе заметный и поныне свой этнический след., в том числе и языковой.

Ариизмы уас - алан

Несмотря на отороченность, язык алан сохранял большой процент ариизмов. Этот элемент бытовал в фольклоре, веровании и др. разделах этнокультуры. До недавнего времени карачаево-балкарцы сохраняли расовый тип ариев. Они были высокорослы, длиннолицы, светлы и голубоглазы. После Кавказской войны начался активная смесь балкаро-карачаевцев с соседними народами. Они стали уменьшаться в росте и темнеть. Их прежний расовый тип отмечен миссионерами и путешественниками, посетившими Карачай и Балкарию. Он отмечен и на конференции по проблеме происхождения

их, проходившем в Нальчике в 1958 г. но и теперь среди карачаевцев встречаются немало рослых, снежно-белокожих, голубоглазых арийских типов.

Рис. 1. Сарматы (языги и аланы) в Западной Европе. Известные из исторических источников даты приведены в рамках: I — В 175 году Марк Аврелий нанес поражение языгам и потребовал, чтобы пятитысячный отряд их кавалерии был переброшен в Англию. II — Путь отрядов аланов, отступавших перед гуннами. III — Последняя часть их маршрута: уступив вестготам, аланы присоединились к вандалам и слились с ними. IV — Известные из исторических источников передвижения аланских отрядов на службе у римлян во Франции. (Топонимы, св-я-ЙГньПГс аланами: Алесрн-Орн; Алънь-Од; Аллсн-о-Бсф; Аллеи; Аллснвилль-сн-Друз; Алле и кур; Аллан) (Из кн.: Тадеуш Сулимский. Сарматы. — М., 2007. — С. 159)

На упомянутой конференции армянский ученый Х. Паркшиян привел при выступлении мнения Вс. Миллера и М. Ковалевского о том, что в Балкарии и Карачае наблюдается два расовых типа — арийский и монгольский. Второй образовался от примеси монголоидных степняков. До сих пор, по прошествии двух тысячи лет, как аланы оторвались из азиатского соприкосновения с ариями, в карачаево-балкарской среде сохранилось немало арийского элемента. Приведем примеры. Часть из них встречаются и среди других народов.

Теонимы Арийский бог Борей и карачаево-балкарский Орий. 1922г. около с. Учкекена открывается хозяйство по разведению ка-

рачаевской породы лошадей. Сюда приезжает С.М.Буденный, которому карачаевцы дарят ему карачаевскую лошадь по кличке Борей. Так звали арктического бога буранов, холодных северных ветров арии за многие тысячелетия до н.э. Карачаевцы и балкарцы метель называют боран. В их имениннике имеется производное от имени бога Борей – Бораш, Борена, Борис. Борей приняли в свой пантеон греки и славяне. В 6 в. до н.э. корабли Великого Кира появились в водах Афин. Поднявшийся борей разметал армаду и спас город. Борей упоминает и Гомер.

«Орайда»

Карачаево-балкарские возглас-припев «орийда», вероятно, тоже от ариев. Древние племена часто обожествляли своих полководцев. Считалось, что бесконечные победы в войнах даются за их божественный разум. После их смерти через десятки лет физический облик человека стирался, его талант обрастал легендами и потомки возвеличивали их до небес. Им посвящали песни и гимны. Так поступили арии со своим полководцем Ори. Все свои военные приготовления и празднества они сопровождали песнями и гимнами в его честь. Постоянно упоминалось его имя: «Орий, Орий, Орий!» С его имени начинались трудовые дела, трапезы и т.п.

В старину алано-карачаевцы каждый вид трудовой деятельности начинали с песнопений и породили поговорку: *Джыр ишни къанаты!* – «Песня – крылья работы!» Пахота, сенокос, валяние кошм, изготовление ковров, строительство начинались с хоровых песен и сопровождалась ими. Песни были ритмичны такту труда, они поддерживали тонус работы, глушили ее монотонность. Например, при групповом изготовлении кошм женщины в один голос напевали песню «Инай». Депортация умертвила среди других и этот обычай.

Бога войн скифы и родственные им аланы звали Арей /Орис/. Керченском музее археологии лежит надгробный камень. На нем сохранилась надпись: «... Воин сражен был грозным Ареем скифским» /6 в. до.н.э./. Карачаевцы патрона пахоты называли Эрирей. Карачаевский поэт Касбот Кочкаров во второй половине 19 века в песнях-поэмах «Айджаякъ», «Хорасан» несколько раз упоминает карачаевского божества Ойра. Все эти теонимы имеют одну основу – Орий. У балкарцев и карачаевцев настолько много гимновых песен посвящено Орию, что невозможно их всех упомянуть. Все припевы популярной песни Сымаила Семен улу состоят только из повторений имени бога Ория: «*Орайда-райда! Орайда-райда! Орайда-райда, Орайда!*» Точная копия арийских напевов: «Орий, Орий, Орий!». Певец О.Отаров во многих песнях упоминает настоящее

имя арио-аланского бога – Арий. В Карачае бытовали имена Орей и Орайда.

Алано-карачаевцы бога Ория приравнивали по статусу к боже-ству Чоппа (Шоппа), который в язычестве /меджису/ почитался и как верховный Кёк Тейри. В одной из старинных песен «Чоппа» поётся:

*Арирей, Арирей, Ирей-Арирей,
Арирей айтад, Шоппа джырлайд,
Шоппа, Шоппа – Арирей!*

Карачаевские бии, уздени давали клятвы с упоминанием этих теонимов: «Ант этеме, Чоппа Аререй, Чопа Аререй!» /Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культовой жизни карачаевцев. – М., 1995./.

У карачаевцев сохранился до наших дней интересный обычай – именовать людей топонимами местностей, в которых они некогда жили. За века они вошли в ономастику народа. Так, в Зеленчуке около автовокзала живет Байчораланы Баку, которая родилась в г.Баку. Депортация 1943 г. обогатила карачаевцев такими именами как *Волга*, *Талас* /город в Киргизии/, *Сайрамбек* /Сайрам – райцентр в Казахстане/ и др., еще более 20 имен. При возвращении из ссылки одну из Узденовых, родившуюся в Кизляре нарекли именем этого города. Это очень древняя традиция. Видимо, генная память народа провоцирует некоторых индивидуумов извлекать из нее имена, образованные в местах обитания предков: *Къаджар* /Персия/ - с карачаевского (не путать с араб. *Хаджар* от библ. «Агарь»), *Хорасан* /провинция в Персии/, *Сайида* /араб. «госпожа, повелительница»/, *Индия*. *Индира*, *Тейрикул* /«Божий раб»/ бытовал в 19 в. в фамилиях Оруслары, Чотчалары, Шидаклары (см. «Список свободных сословий в Карачае», 1868-1872 гг., составленный под руководством Н.Г.Петрусевича/, *Шахар* /перс. «город»/, *Кудай* /азиатский бог; в фамилиях Боташлары, Эрикгенлеры, Алгъакълары, Айбазлары, Ёртенлеры, Джуккалары; ныне в Балкарии бытуют фамилии Къудайлары, Къуданетлары и имя Къудай /Дэу/ бог центрально сибирских племен в древности. Известный скотовод Карачая Абайханланы Исхакъ одного из сыновей назвал Дэю /в начале 20 века/.

Антропонимы. Аланы мигрировали по следам Ариев почти по всей Евразии, обитали в их среде, поэтому алано-карачаевская этнокультура богата аризмами. По сообщению Ш. Кудайберди, ещё в 19 в. арии жили в Казахстане. Приведем некоторые элементы карачаево-балкарского именника, соотнося их с арийским миром:

Джатдай ср. *Джатаю* – имя
Алакай: алака – игра

Гапалау – *гопала* «Пастушок», имя помощника Кришны (В.Прёле в нач. XX в. упоминает Салпагарова Гапалау, которому посвящена песня «Гапалау»).

Дадай – у ариев «дядя».

Насу – в Зенд-Авесте имя дэва.

Борена – у ариев бог Борей.

Можно упомянуть и антропонимы, отражающие «расовые признаки»:

– с корнем *сары* «желтый»: имена Сары, Саралыкъ, Саралып, фамилии Сарылары, Сардиянлары, Сарыбашлары, Сарыкъуйлары, Саракъайлары;

– с корнем *акъ* «белый»: имена Акъбийче, Акъбилек, Акъчыкъ, Акъкуш, Акъбоюн, Акъай, Чыммакъ; фамилии Акъбайлары, Акъзеклары, Аккизлары, Акъшаякълары, Аккачылары, Аккулары, Акъкъоллары, Акъкъылары;

– с корнем *орс* «светлый»: Оруслары, Орусбийлары, Руслан

– с корнем *къызыл* «красный»: имя Къызылбек.

Можно упомянуть и имя *Кёккёз* «Голубоглазый». Добавим, что в карачаево-балкарском языке слова «сары» и «къызыл» иногда имели смысл «светлый». Отметим и другие слова, обозначающие антропологические признаки: *алтынчач* – златоволосый, – белорукал, *сарычач* – желто- и светловолосый, *балбет* – «цвет меда, медоволикий», *сазбет* – желтоликий, *сарыбет* – желто- и светлоликий, *зугулбет* – длиннолицый, *зугулбаш* – длинноголовый.

Определения *сары* (желтый), *алтын* (золото, золотой) часто встречаются в фольклоре: княгиня Зурум-бийче была златоволосой (*алтынчач*), дочери Апсаты были желто- или светловолосыми (*сарычач*). Враг нартов Фук был – ярко-рыжим, «красным» (*къызыл*). А вот словосочетания из сказок:

Махайчыкъны сарычачлы къызлары – «Светловолосые дочери Махайчика»; *Манглайында сары кекелинг* – «на твоём лбу светлый хохолок»; *Сары садагъым* – «моя светлая стрела /мой светлый лук/»; *Сары джыланым* – «моя желтая змея»; *Сары Айгъыр* – «Желтый Сириус»; *Сары Огъум* – «моя желтая пуля»; *Сары бий* – «желтый бий» и др.

Был ли арийский язык? В начале 20 в. на территории Турции европейские археологи проводили массу раскопок, где были найдены доказательства его существования. Е. Блаватская отмечала в ТД наличие этого языка. Раз был народ, был и его язык. Санскрит – это литературный язык индоариев.

В карачаево-балкарском сохранились немало слов из языка этих северян. Одно из них *ариу* «красивый», как аланы называли ариев. По человеческим меркам арии были очень красивы – высокорос-

лые, длиннолицые, светловолосые, голубоглазые, светлокожие. На их языке «красивый» – «арюна». Приведем здесь из 160, найденных нами арие-карачаевских параллелей около 60 – ти, часть из них бытует в общетюркском и арабском лексиконах.

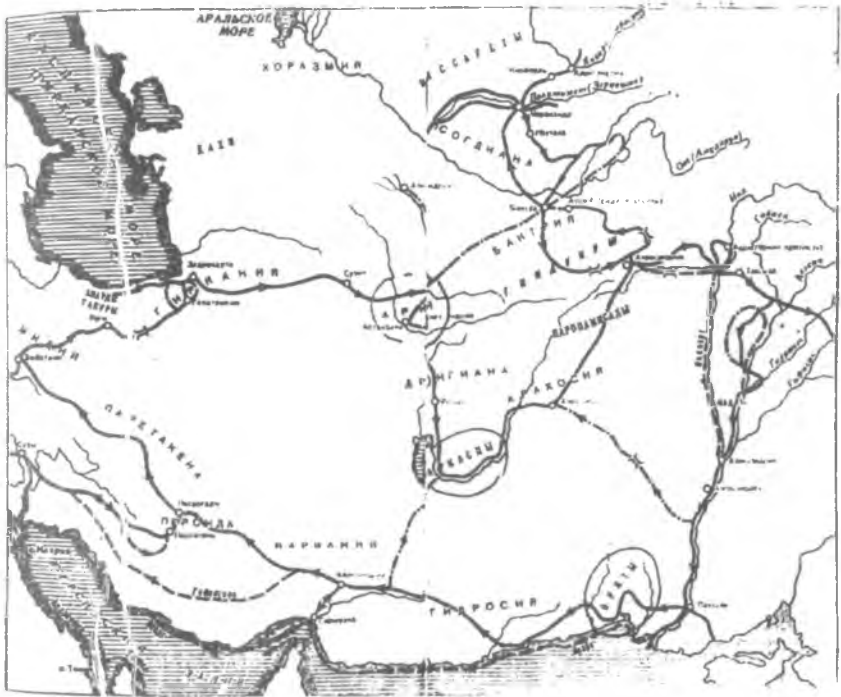

Рис.2. Период походов Александра Македонского в Иран, Хорасан, Афганистан, Индию. (Карта из кн. Ф.Шахермайера «Александр Македонский»)

АРИЙ

курт – волк /у немцев муж. имя/
 гам – корова
 тана – дитё
 бала – ребёнок
 айю – волос
 атыю – конь
 табиат – при рода
 свабахба – природа

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

курт – волк
 гаммеш – корова
 тана – бычок
 бала – ребенок, дитя
 айю – медведь
 ат – конь
 табигъат – природа
 хауа – воздух /«в» в «у»/

мрдам – земля
 камбала – дитё воды
 атчана – всадник
 кели, кули – холоп
 арка – арка
 мртак, мрта – смерть
 джанака – хозяин жизни

картарам – отец
 санкарах – простой народ

дада – дядя
 курам – семья
 хальк – народ
 дэв – великан-дэв
 танаим – названный
 аш, ашам, ашайам – еда
 ашнаси – кушаешь
 ач – голод
 аха, хаха – крик
 курайт – готовить
 куру – пропадать
 кармаб – уничтожение
 хата – угроза
 намас – поклонение
 джара – старость
 сан, санила – часть, части
 сура – пиво
 тал – вид пальмы
 якши – большое блестящее
 божество
 джая – джаяратха – лук, луч-
 ник в колеснице
 кирит – шлем
 мен – я
 ким – кто
 бага – бог

адат – данный мне
 Сати – имя жены Шивы
 булат – сталь
 артха – последний

мырды – болотистое место
 кам – /с тюрк. – вода/ бала – дитё
 атчы – всадник
 кьул – холоп
 аркья – дуга спины
 мырт – смерть
 джан – жизнь, душа, ака – отец с
 общетюрк.

къарт – старец
 сан – часть, кара – черный, про-
 столюдин
 дадай – дядя
 кьурам – составной
 халкь – народ
 деу – великан
 таныум /танышым/ – знакомый
 аш, ашам – еда
 ашайса – кушаешь
 ач, ачлыкь – голод
 хахай – возглас тревоги
 кьурау – готовить
 кьуруу – /пропадать/
 къармау – уничтожение
 хата – опасность
 намаз – с перс. молитва
 джара – рана, страдание
 сан, санла, часть, части
 сыра – пиво
 тал – верба
 ашхы – добро

джая – лук

кирит – замок
 мен – я
 ким – кто
 багья – престиж, цена, ценный,
 дорогой
 адат, адет – обряд, предписание
 саты – пантеон, святилище
 булат – сталь
 артха – последний

Арии на юге Азии потемнели, как темнеет за летний сезон всякий «бледнолицый» с севера, попав на южные пляжи. Если же он там остается навечно, то и всё потомство будут темнолицыми. Но генные позывы иранцев /ариане, арии/ заставляли красить кожу и волосы рыжего цвета хной. Отбеливатели волос созданы только в прошлом веке. До депортации карачаевки тоже пользовались хной. Называли ее кына. Поэтесса 17 в. Гошаях-бийче отметила в песне – плаче:

Шелеби кетгенлей

Кына салмайма табаньма

Как уехал Шелеби

Не мажу пятки хной.

Хной они красили щеки, волосы, ладони и пятки. Писательница Назифа Кагиева в сборнике «Коронованные судьбы» приводит свидетельство, как ее мать /1907-1972/ вспоминала: «Мы красили хной пятки, ладони, чтобы смягчить их и украшать». Ныне хну заменяют румяна и отбеливатели.

Гуманизм ариев не позволял им есть мясо животных. Самой любимой пищей был айран смешанный с мукой. Геродот сообщил в 5 в. до н.э.: «В горах Кавказа живет народ. Они едят сырую муку, добавляя и смешивая ее с жидким белым напитком, который называется «айра». В его время это были сарматы, алазоны, роксаланы. Сегодня только карачаевцы готовят это блюдо и называют его *кьюут* (толокно) из жареной кукурузы, который потребляется с айраном.

Айран

Наш любимый айран создан тысячелетия назад степняками. Его сегодня производят балкарцы, казахи, киргизы и даже в Москве. Кто же «этноавтор» этого продукта? Кто назвал так чисто белый кисломолочный продукт?

Без айрана карачаево-балкарцы не накрывают ни один стол, не проводят ни одного застолья. Его дарят знакомым, развозят по миру, готовят в дальних краях, даже те, кто родился в Турции, США, Сибири. Они, как никто, любят айран, отсюда и выражение: «Аллах, лишив Карачай всего, оставь ему айран!»

Русские называют его почти всегда *арьян*. Почему? Даже если поправишь, все ровно через минуту вернутся к своему варианту – оказывается, более точному. Он соответствует термину *Ариан* (*ариан*, *арьян*) – изначальному наименованию Ирана, которое, видимо,

связано с этнонимом *арий* + *ан* тюрк. «жизнь». (Есть в арийском языке и синонимы ему – «биджи», «аджи», отсюда у карачаевцев фамилии Биджилары, Аджилары). В Иране название *Арьян* дают улицам, офисам, даже например, аэропорт в Тегеране имеет название Арьян. Арий к арию, прося огня, обратился бы: «Дехиме Агни, арьяман», где *ман* «человек». В пору жизни ариев в азиатско-тюркской среде их называли по разному: арий, арьяман, ариан, ари-апс и др.

Около 6000 лет, они как и тюрки, занимались в степях Азии скотоводством и первыми создали один из кисломолочных продуктов – айран. Соседи дали новому напитку название народа, создавшего его, равным образом так именовались впервые увиденные у других народов вещи: нож «финка», коса «литовка», шляпа и борода «эспаньолка» и др.

Карачаево-балкарцы в геральдике и орнаменталистике использовали арийскую свастику (слово *свасти* с арийского означает «тепло, благо»). Они создали его на основе деревянного станка, которым в древности добывали огонь. В нижнем толстом бруске делали круглое отверстие, в него закладывали трут, туда вставляли вертикальный черенок, который тетивой лука */джая/* вращался с большой скоростью туда-сюда. Для лучшего трения нижнюю часть его вырезали в форме креста. Крест в круге имел символ тепла, огня, солнца. Позже лучи знака надломил вправо. Эти знаки были символами Наймановых, Озаруковых, Табаксовых, Ховжоевых, Шахановых и др. */инф. Къудайланы М./*

Помимо женской имени арьянский топоним Хорасан явился образующим прилагательных превосходной степени: Хорасан – красавец жеребенок, Хорасан – красавица полная луна, хорасан – красивое тело людей */примеры приведены в поэме «Хорасан» /1864 г./ Къочхарланы Къасбот.; инф. Биттирова Тамара/*

Завершу свои соображения таким эпизодом. Однажды на похоронах нашего родственника в поселке Конзавод один из селян Рамазан Биджи улу спросил: *«Почему немцы в пору оккупации называли нас арий. Мне тогда было 16 лет и я не понимал его значения. Как созвучны «арий» и наше слово «ариу»!* Автор был поражен резюме старца. Как он был близок к истине! Арии были красавцами. Карачаевскому «ариу» есть название этноса и означает «красивый». Адольф Гитлер и СС посылали в Тибет, один из центров Ариев, несколько экспедиций во главе с географом Шеффером для изучения истории и идей Ариев. 52 института работали в Германии по этим вопросам. Немцы знали кого называть ариями. И еще: в 1970-е го-

ды прошлого века в селе Кумыш Салауат Эрикген улу прозвал своего соседа Кямала Батча улу Арием. Так и обращался к нему. Гены пробудились в нем?

В.И. Кодачигов

В защиту русского менталитета и русской идентичности
(ЭССЕ)

Предисловие. Данное эссе появилось на свет в результате осмысливания той противоестественной ситуации, сложившейся в России, когда государствообразующая нация – русские – фактически подвергается национальной дискриминации. Чиновники⁹⁸-демократы всех уровней через средства массовой информации уверяют нас, что такой нации нет, а есть⁹⁹ многонациональный российский народ – россияне¹⁰⁰, и что если даже такое название и можно допустить¹⁰¹, то русские – это вовсе не нация, а этническая разновидность россиян¹⁰². Нет, господа «демократы», согласиться с этим категорически нельзя: несмотря ни на что русские как нация¹⁰³ пока ещё существуют¹⁰⁴, и они имеют великую историю, просматривающуюся вглубь вопреки официальной установке¹⁰⁵ на много тысячелетий.

Эссе написано *в форме впечатлений* от работ, прочитанных мною на протяжении нескольких последних лет¹⁰⁶. Перечень этих работ приводится ниже. Удивительно, что хотя работ такого плана опубликовано уже очень и очень много¹⁰⁷, все они игнорируются официальной исторической наукой. Спрашивается: кого же она обслуживает?

Принятая мною *форма изложения* позволяет не делать ссылки на конкретные работы. Кроме того я *посчитал возможным* отказаться от полемики с русофобами¹⁰⁸ и исключить аргументированные доказательства, поскольку при желании их легко можно найти в указанных работах. Исходной побудительной причиной(целью) при этом явилось не стремление заработать деньги или популярность, обыграв актуальную, спорную тему и блеснув эрудицией, а желание выяснить истину, хотя бы и «для себя»¹⁰⁹.

А теперь приведу сам перечень. Как видно он состоит из трех блоков: блок Й – основные работы¹¹⁰, блок ЙЙ – фоновые, справочные работы, блок ЙЙЙ – работы норманнистов¹¹¹.

Й. Основные работы:

- Гриневич Г. Праславянская письменность;
- Лесной С. Откуда ты, Русь;
- Дудко Д. Велесовы книги;

ЙЙ. Фоновые работы:

- Блок М. Апология истории;
- Волков А. Язык и мышление. Мировая загадка;
- Младшая Эдда;

- Демин В. Загадки Русского Севера;
- Демин В. Тайны Земли Русской;
- Рыбаков Б. Язычество Древней Руси;
- Асов А. Славянская руника и Боянов гимн;
- Асов А. Славянские боги и рождение Руси;
- Татищев В. История Российская;
- Гусева Н. Русские сквозь тысячелетия;
- Гусева Н. Славяне и арьи. Пути богов и слов;
- Шилов Ю. Прародина ариев;
- Данченко В. Этногенез славян;
- Тилак Б. Арктическая родина в Ведах;
- Уоррен У. Найденный рай. Колыбель человечества на северном полюсе;
- Русские Веды;
- Чивилихин В. Память, 2 т.;
- Мифы народов мира, 2 т.;
- Иловайский Д. Разыскания о начале Руси;
- Граков Б. Скифы;
- Клёсов А. ДНК-гаплотипы русских;
- Чудинов А. Были ли германцы прежде тюрками;
- Пензев К. Арийская теорема;
- Гюнтер Г. Расология немецкого народа;
- Платонов О. Энциклопедический словарь русской цивилизации;
- Сторожевы А. и В. Россия во времени: т.1 Древняя история сибирских и славянских народов и др.
- Старшая Эдда;
- Геродот. История в девяти книгах;
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка;
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян;
- Гомер. Илиада. Одиссея;
- Фирдоуси. Шахнаме. Т 1-6;
- Висрамиани;
- Слово о полку Игореве;
- Повесть временных лет;
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов;
- Тацит. Анналы. История;
- Аль Бируни. Памятники минувших поколений. Избранные произведения;
- Манас;
- Кобланды-батыр;
- Джунгариада;
- Библия;
- Талмуд;
- Мишна;
- Коран;
- Авеста;
- Веды;
- Рамаiana;
- Махабхарата;
- Сокровенное сказание монголов;
- Нартский эпос адыгов, балкаро-карачевцев, вайнахов, осетин и т.д.

ИЙЙ. Работы, поддерживающие норманнскую теорию:

- Вернадский Г. Российская история;
- Карамзин Н. История государства Российского;
- Ключевский В. Курс русской истории;
- Соловьев С. История России с древнейших времен;
- Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей и пр.

К блоку **основных работ** надо добавить статьи Щербакова В., Творогова О, Платова В., Асова А, Чудинова А., Платонова О., Клёсова А., Дёмина В. и др., опубликованные в журналах и в сборниках: «Мифы и магия индоевропейцев», «Наука и религия», «Чудеса и приключения», «Наука и жизнь», «Техника молодежи», «Знание – сила» и даже те публикации «желтой прессы»¹¹², в которых пусть и в сенсационной форме¹¹³, но подаются некоторые идеи указанных авторов.

Россия, Русь, русские. Откуда они и с какого времени прозываются так? Официальная историография говорит: с 862-го года, со времени «призвания» варягов-руси¹¹⁴ – Рюрика и его «братьев» Синеуса и Трувора¹¹⁵. Причем-де, без всякого сомнения, варяги – это норманны-германцы. То есть, существовало германское племя «русь», приглашенные во власть представители которого¹¹⁶ организовали первое «правильное» русское государственное образование¹¹⁷, дали ему свое имя и законоуложение. А до этого все славяне¹¹⁸ были по уверению норманнистов дикими, звероподобными варварами¹¹⁹, не знавшими и не признававшими никакой организации¹²⁰, не имевшими и не признающими никакого закона кроме силы, чрезвычайно жестокими, кровожадными, агрессивными и ведущими себя естественным для зверей образом¹²¹, и, разумеется, своей истории не имевшими¹²². Но «братья» не смогли быстро «окультурить» русских. Это сделало с ними только христианство, долго и упорно навязывавшееся им Византией и насильно навязанное-таки им ею под жестким давлением князя Владимира в 988-м году¹²³.

Кажется, Гегель со свойственной немцам фанаберией назвал русских неисторическим народом. И пошла – поехала вакханалия. Впрочем, и ранее, со времен средневековья «германская» Европа смотрела на русских лукаво, свысока¹²⁴ и не считала грехом обмануть их и завоевать их земли.

Вообще говоря, этому есть простое объяснение. Это отношение бывших рабов¹²⁵ к бывшим господам¹²⁶: когда-то на памяти немцы

русские были столь могущественны и имели столь мощную и непрерывную культурную традицию¹²⁷, что именно они, а не немцы испокон веку¹²⁸ «держали в руках» всю Европу¹²⁹. Иначе: Европа в значительной степени была заселена и контролировалась именно русскими¹³⁰ племенами, а отнюдь не немецкими¹³¹. Вот и Лесной (Парамонов) говорит, что большая часть Европы: истари была заселена именно славянскими племенами. Другая, в некотором смысле противостоящая им¹³² часть Европы, была заселена в основном кельтами¹³³ и немцами¹³⁴.

Конечно, в Европе жили и другие племена: иллирийские, финские, фракийские и пр., но они не были так многочисленны как немцы и кельты. Кельты и немцы никогда, в общем-то, не ладили между собой¹³⁵. К тому же в начале нашей эры кельты¹³⁶ были связаны войной с Римом, итоги которой оказались для них фатальными: их силы были сильно подорваны, существенная их часть была покорена римлянами и романизирована, причем настолько, что даже приняла язык завоевателей. Оставшаяся часть кельтов была деморализована и особенно не обращала внимания на германскую угрозу. Когда же они её осознали и попытались было заключить союз со славянами¹³⁷, было уже поздно: немцы сумели уже разобраться с ними, правда – на свой манер: они их почти полностью онемечили или уничтожили¹³⁸. То же самое немцы попытались сделать позднее и со славянами, но тут у них по большому счёту вышла осечка. Полабских и поморских¹³⁹ славян они сумели-таки одолеть¹⁴⁰, но на поляках и чехах «увязли», так и не сумев или не успев их полностью онемечить¹⁴¹, а с русскими и вовсе вышел облом: ну, никак эти русские не хотели онемечиваться и всячески сопротивлялись своему уничтожению. Да, русские им оказались не по зубам: уж больно они сильны и имеют очень мощный дух – длинную и непрерывную историческую традицию! Недаром в одном месте «Велесовой книги» (ВК) говорится, что «не родился еще тот человек, который бы подчинил силу нашу. Не другие нашею землёй, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока есть на свете война и мечи!». И так было практически до начала эпохи тотального нашествия кочевников¹⁴². И действительно, Татищев отмечает, что до V-VI-го века фактически вся Европа была подвластна русским.

Необходимо иметь в виду, что многие народы в древности – это не монахии, а союзы племен. Хазары¹⁴³ и гунны¹⁴⁴ включали в качестве союзных и славянские племена (роды). Средневековые историки – в основном немцы – принижали роль славян. Поэтому множество племен в Европе они называли немецкими. Таковы рок-

соланы, руги, рутены, лужичи, карпы, бастарны, певки, невры, боруски, норики, готы, винды, веныды, аорсы, анты, венеты, вандалы, геты, вагры, лотари, лангобарды, герулы и т.д. В действительности большинство из них были славянами (русскими).

Три основные черты по образному выражению Лесного отличают славян¹⁴⁵ от немцев и определяют их менталитет¹⁴⁶ и жизнестойкость: необыкновенное трудолюбие, доходящее до самоистязания, любовь к Родине, зачастую даже не осознаваемая умом, и талантливость. Если учесть сложившуюся конфронтацию между славянами и немцами, обусловленную неприятием рациональным, агрессивным и «сумрачным»¹⁴⁷ германским гением» славянского менталитета, а также частичную вовлеченность в указанные союзы славянских племен, то отчасти можно понять неприязнь немцев к славяно-гуннам¹⁴⁸, тем более что ввиду давности расхождения германских и славянских языков¹⁴⁹ свое генетическое родство со славянами немцы уже не ощущали и не хотели ощущать. А тут еще наши норманнисты и русофобы от Карамзина и Ключевского до Лихачева и Гумилева ... Вот и привили у нас в России некий комплекс русской неполноценности, усугубленный в ельцинской России официальной русофобией.

Лесной отмечает, что славяне в Европе автохтоны. Они пришли на территорию нынешней России из Средней Европы. «Повесть временных лет» (ПВЛ) указывает на Подунавье. Однако, по-видимому, на самом деле здесь сложнее и длиннее: и Средняя Европа и Дунай – это лишь промежуточные остановки. Тут надо разобраться. Проблема в том, что история русских, вернее то, что подается официальной наукой как история русских, возмутительна. Несмотря ни на что она строго следует в рамках норманнской теории, специально разработанной для Петра I¹⁵⁰ немецкими историками типа Г. Байера, А. Шлёцера и К.Миллера¹⁵¹ на основе Кенигсбергского текста «Слова о полку Игореве»¹⁵². На несуразности уже самого этого текста указывал еще Ломоносов. К пореволюционной поре была наработана масса материалов, также опровергающих норманнскую теорию. Впечатляют и открытия археологов¹⁵³. И тех и других уж очень много! Есть работы и публикации и советских авторов, хотя они, мягко говоря, и не приветствовались¹⁵⁴. Исключения составляли, пожалуй, лишь работы типа публикаций В.Л.Янина и Б.А. Рыбакова о результатах археологических раскопок в Новгороде. Впрочем, они не выводили историю русских за рамки дозволенного: не ранее 862-го года. В новой России, особенно послеельцинской, стало отчасти даже модно говорить о славянских древностях, но ярлык остался тот же. Публикации на данную

тому и теперь – удел «полу (или даже не) профессионалов», «дилетантов» и «дешевых» изданий. Официальная историческая наука по-прежнему придерживается норманнской теории. В этом легко убедиться, взяв в руки любой школьный учебник отечественной истории для 4-го класса. Ужасно! То, о чем, кажется, давно пора бы перестать говорить¹⁵⁵, подносится официально, менторски безальтернативно на уровне неокрепшего детского сознания, то есть фактически зомбируется, вносится в подсознание! Пора, в конце концов, выяснить¹⁵⁶ какова истинная история русских. Вот об этом и пойдет речь. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что нижеследующий материал – это не новый взгляд на 1000-летнюю¹⁵⁷ историю России¹⁵⁸ и не попытка заработать популярность или деньги. Выбранная мною форма изложения позволяет обойти строгую аргументацию. Это попытка самому разобраться с существом проблемы. А «для себя» строгая аргументация не важна. Тем не менее, все излагаемое ниже основано на опубликованных материалах¹⁵⁹. Перечень их приведен выше.

Предварительный анализ указанных материалов позволяет сделать следующие общие выводы.

1. Вопреки официальной точке зрения русские, русы, русичи существуют как народ¹⁶⁰ не с IX-го века, а очень, очень давно, по видимому, еще с гиперборейских времен.

2. Внутри этого народа уже тогда выделились, по крайней мере, три сословия – «протокасты». Одна из них – это своеобразный воинский союз витязей¹⁶¹. Внутри этого союза со временем сформировалось некое «тайное», закрытое для непосвященных сообщество¹⁶². Другой кастой было жреческое сословие. Это были блюстители традиций, обрядности и хранители некоего «универсального знания». Третью «касту» составляли огнищане, т.е. крестьяне, практикующие семейное подсеčno-огневое земледелие¹⁶³. Воинская «каста» была растерзана Иваном Грозным в ходе опричнины и добита Петром I в ходе реформы, фактически ликвидировавшей боярство и выделившей служивое дворянство¹⁶⁴. Третья «каста» была основательно поколеблена Столыпинской реформой и окончательно разгромлена в ходе коллективизации. А вот жреческое сообщество, не православное христианское духовенство, а языческое жречество¹⁶⁵, возможно, существует¹⁶⁶ и сейчас.

3. Русским нечего стыдиться и незачем оправдываться перед Европой и особенно – перед Америкой. Тем более – заниматься самоуничтожением. Наоборот, они вправе гордиться своей великой историей. И хотя она умышленно, злокозненно и искусственно обрезана на 862-м годе, придет время: справедливость восторжествует, офи-

циальная история будет пересмотрена и в школе будет преподаваться истинная, неизвращенная история России.

4. Русский¹⁶⁷ дух, самосознание народа пробуждается, хотя есть некие могущественные силы, которые пытаются этому воспрепятствовать.

5. Русские – не кровожадные агрессоры по природе, но, наоборот, на протяжении всей своей истории сами многократно подвергались агрессии, постоянно подтверждая в ходе ее ликвидации свое право на существование, на то, чтобы оставаться русскими.

6. Русские государственные образования существовали задолго до «призвания варягов». И хотя они много раз погибали, Русь, Россия как феникс воскресала из пепла под разными именами вновь и вновь: русский дух был неистребим¹⁶⁸.

7. Варяги-русь – никакие не германцы. Германо-норманнского племени «русь» никогда не существовало. Более того, сами норманны по своей природе в большинстве своем, скорее всего, не германцы, а онемеченные праславянские племена¹⁶⁹. Да и вообще варяг – это не обозначение этнической принадлежности. Варяжество – это способ существования, образ жизни воинского сообщества: война, набеги, участие в междоусобицах¹⁷⁰ выполнение «полицейских» функций, воровство, торговля и ее охрана¹⁷¹, ушкуйничество¹⁷². Недаром Татищев выводит слово «варяг» из скандинавского «варг», что значит «волк», т.е. разбойник. Рюрик, Синеус, Трувор – варяги именно в этом смысле. Причем варяги из прибалтийских славян племени «русь»¹⁷³, у которого имелся свой аналог¹⁷⁴ указанного выше воинского сообщества¹⁷⁵. И именно к нему обратились Новгородские бояре – геты с просьбой прислать «нарядника», поскольку их князь – Гостомысл – умер, не оставив прямого наследника. Потому-то де «нарядника¹⁷⁶ в земле нашей нет». Был выбран Рюрик, к тому же являвшийся внуком Гостомысла: сыном его средней дочери Умилы, бывшей замужем за князем ободритского города Рарог Годославом¹⁷⁷, убитым Готфридом Датским. Рюрик после убийства отца вынужден был покинуть завоёванную родину и возглавить разношерстную и разноплеменную дружину¹⁷⁸ варягов, которая приглашалась (нанималась) и в Новгород и доходила по его поручению аж до Киева, причем с нею в Киев ходил Рюриков боярин¹⁷⁹ Аскольд. Аскольду Киев так понравился, что вскоре после вокняжения Рюрика в Изборске¹⁸⁰ он отпросился у него и ушел в Киев, как-то сумев стать соправителем Киевского князя Дира¹⁸¹, по-видимому, последнего представителя династии Кия. Так что новгородцы знали Рюрика т.е. в деле и до «призвания».

Синеус и Трувор по возрасту были старше Рюрика. Поэтому его старшинство¹⁸², возможно, объясняется тем, что они были ему не единокоронными, а, например, двоюродными или сводными братьями¹⁸³. Имя Синеус, похоже, имеет славянское происхождение: «синий ус»¹⁸⁴. А имя второго брата – Трувора – возможно заимствованное скандинавское: «тру вер» или «тру варинг». По-норвежски это значит «заслуживающий доверия» или «верная дружина», «своя дружина», с которой, якобы, пришел Рюрик¹⁸⁵.

Вскоре после прихода в Новгородские земли Синеус и Трувор скончались. Остался править один Рюрик. Причем, согласно Татищеву, он столкнулся с сильной оппозицией Новгородского князя¹⁸⁶ Вадима Храброго, которого, впрочем, ему удалось убить.

8. Являются ли славяне, в частности, русские арийцами? По-видимому, да. По крайней мере, это подтверждается результатами ДНК-генетических исследований¹⁸⁷. Совершенно точно установлено, что русские на протяжении нескольких тысячелетий общались с другими арийскими племенами, вступали с ними в союзные и родственные отношения и совместно перемещались к югу, к Причерноморью. Об этом говорят и лингвистические данные. Нет языка среди индоевропейских языков более близкого к санскриту лексически, синтаксически и семантически, чем русский¹⁸⁸.

9. «Интеграция» русских в Европу чревата потерей ими русской идентичности¹⁸⁹.

– Ю Б И Л Е И –

ПРАВИТЕЛЬ ТЕРСКОГО КАРАЧАЯ (к 125-летию со дня рождения Ш. Д. Алиева)

Шахым родился в 1884 г. (по другим данным – в 1885 г.¹⁹⁰) в селенье Хурзук в семье Дударука Алиева (из атаула – фамильного клана Мыртазлары). Асдемир и Мусса, деда Шахыма и другого будущего политического лидера – Умара Дж. Алиева – приходились друг другу троюродными братьями.

Школьное образование Ш. Алиев получил в Учкулане: по одним данным в 2-классном реальном училище¹⁹¹, по другим – в высшем (8-летнем) начальном

училище¹⁹². Его младший брат Таукан (родился в 1891 году) пошел дальше – обучался в Екатеринодаре...

После окончания школы Шахым некоторое время работал писарем «в управлении»¹⁹³, очевидно, в аульном правлении. Начало работы в таком качестве датируется 1903 годом¹⁹⁴.

Некоторые авторы сообщают, что в 1905 г. (т.е. в дни аграрных волнений во время Первой русской революции) он «самостоятельно сколотил подпольную революционную группу в Хурзуке», куда вовлек свою жену Мёлехан (урожденную Хасанову), своего брата Таукана, Халила Алиева, Сарамырзу Казиева и Рамазана Шаманова. Утверждается также, что позднее, в 1910 г. в сопровождении Туугана Тотуркулова Шахым даже «выезжал в Петербург, где встречался с петербургскими большевиками и получил от них консультации по вопросам борьбы» против царизма¹⁹⁵.

По воспоминаниям Евгения Рябова (большевика с 1917 г.), Шахым познакомился с подпольщиком-большевиком Г.Чучулиным, работавшим в руднике «Эльбрус». Тот же ветеран партии утверждал, что Ш. Алиев создал группу революционных подпольщиков, которая установила связь с революционными группами в Тебердинском ущелье (во главе с Халиловым, Байкуловым и другими), а сам Шахым с политическими целями ездил в Баталпашинскую, Кисловодск, Пятигорск¹⁹⁶.

В публикациях сообщается, что за антиправительственную деятельность некоторые члены группы Ш.Алиева (С.Казиев и Р.Шаманов) были арестованы, а он сам «ушел в глубокое подполье»¹⁹⁷. Об этом судить трудно, поскольку известно, что в годы Первой мировой войны (1914-1918) он работал в Учкуланском лесничестве.

Видимо, он действительно сблизился с некоторыми большевиками-одиночками, оказавшимися в теснинах Карачая, но точно известно, что при царе Ш.Алиев большевиком не был – как не было тогда ни одного большевика-карачаевца вообще.

Панкавказец. Публикуются данные, что Шахым входил в состав Карачаевского гражданского исполнительного комитета¹⁹⁸.

В мае 1917 г. во Владикавказе прошел 1-й Съезд горских народов, официально учредивший «Союз объединенных горцев Кавказа» (СОГК), и избравший постоянный Центральный Комитет (временный ЦК был создан еще в марте и возглавлялся балкарцем Басиятом Шахановым). На этом съезде, как сообщает У.Д. Алиев, от Карачая в ЦК СОГК были избраны трое – один член ЦК (Халит Эркенов) и «к нему два кандидата»¹⁹⁹. Одним из этих кандидатов в

члены ЦК СОГК, как сообщают исследователи, являлся Шахым Алиев²⁰⁰.

Осенью 1917 г. СОГК преобразовал себя в Горскую республику (пока еще в составе России), а свой ЦК – в «Горское правительство». Тогдашняя администрация Карачая установила связи с «Союзом горцев...»

Будучи активистом СОГК, Шахым, очевидно, искренне разделял взгляды о необходимости консолидации горцев российского Кавказа, выступал за солидарные шаги народов Северного Кавказа в решении важнейших вопросов государственного обустройства демократической России, одним из которых являлось отстаивание их безусловного права на национальное самоопределение в рамках Российского государства. Прогрессивные шаги в решении национального вопроса, начавшиеся после Февраля, были прерваны узурпацией власти партией Ленина.

На советской службе (1918 г.). Упомянутый Е. Рябов сообщает, что в большевистскую партию Ш. Алиев вступил в 1918 г. Вряд ли это произошло до первого утверждения власти Советов на Северном Кавказе. В это время Шахым, судя по всему, проживал в Терском Карачае, близ которого располагался довольно политизированный Кисловодск, с которым и оказывается связана его государственная деятельность при первом правлении власти Советов в регионе (поздняя зима – поздняя осень 1918 г.).

Следует напомнить, что тогда в состав Терской области входила обширная территория, включавшая четыре отдела с преимущественно русско-казачьим населением (Пятигорский, Моздокский, Сунженский, Кизлярский), шесть округов с преобладанием горского населения (Нальчикский, Назрановский, Грозненский, Хасавюртовский, Веденский, Владикавказский), города Кисловодск, Пятигорск, Владикавказ, Грозный, Георгиевск, Кизляр, Моздок.

Первым шагом к установлению власти Советов на Тереке был I-й съезд народов Терской области («Съезд трудовых народностей»), проходивший в Моздоке 25 января – 1 февраля 1918 г. На этом форуме было объявлено о создании *Народного Совета* Терской области, которому вручалась «вся полнота военной и гражданской власти»²⁰¹.

Но фактически, как верно отметил У.Д. Алиев, Советская власть впервые утвердилась в Терской области со II-го съезда народов Терека, прошедшего в Пятигорске в марте (по новому стилю) того же года²⁰².

На этом съезде присутствовало и четыре делегата от терских карачаевцев²⁰³.

У.Д. Алиев пишет, что в 1918 г. при Кисловодском районном и Пятигорском отдельском Советах были созданы *«горские отделы по делам карачаевцев под руководством группы революционно настроенной молодежи Карачая, более или менее старавшейся проводить идеи советской власти в Карачае»*²⁰⁴. Речь идет об очень серьезном моменте карачаевской истории: создание советской администрации специальной властной структуры по управлению терскими карачаевцами было шагом вперед по сравнению с периодом правления Временного правительства. Терский Карачай начал восприниматься как особое этнотерриториальное образование, нуждающееся в своем институте власти. Причем власти, формируемой из самих карачаевцев. *Горские отделы по делам карачаевцев, руководимые карачаевцами же, следует рассматривать как зачатки национальной государственности в Терском Карачае.* Главным органом национальной администрации здесь выступал Горский отдел по делам карачаевцев при Совете Пятигорском округа, в состав которого территориально входил терская часть Карачая.

Что же это за «группа революционно настроенной молодежи» и кто возглавлял Горский отдел при Пятигорском отдельском Совете?

Упомянувшийся партийный ветеран Е. Рябов пишет, что Шахым занимал пост *заместителя председателя Кисловодского Совета*²⁰⁵ и в этом качестве, видимо, осуществлял и руководство «горским отделом по делам карачаевцев» при Кисловодском Совете.

Один из ведущих специалистов по истории Карачаево-Черкесии в эпоху Гражданской войны проф. К.Т. Лайпанов сообщает нам, что руководство Горским отделом при Пятигорском совете осуществлялось Шахымом Алиевым²⁰⁶. Краевед С.Ч. Алиев сообщил нам, что с марта 1918 г. до июля 1918 г. (т.е. до перехода на работу в Кисловодск в июле) Шахым работал в Пятигорске, являясь председателем Пятигорского окружного (верно: отдельского) национального совета. О том же пишет заслуженный работник культуры КЧР Ф.Абаева²⁰⁷.

Известно, что Ш. Алиев в Пятигорске лично знал председателя отдельского Совета Г.Г. Анджиевским²⁰⁸.

«Эмиссионер». В Кисловодском Совете депутатов Ш. Алиев начал работать с 14 июля 1918 г. В архивных материалах сообщается, что тогда «в Кисловодске за его подписью печатались дензнаки»²⁰⁹. (К.Т. Лайпанов сообщает, что денежные знаки за подписью Шахыма печатались в Пятигорске²¹⁰). О бонах за подписью Шахыма одному из авторов этих строк сообщал участник Гражданской войны Л.И. Тохчуков²¹¹.

Это – интереснейший эпизод, поскольку какой-либо другой случай эмиссии (выпуска) денежных знаков, снабженных подписью карачаевца, в истории еще не известен. Сам факт того, что региональные советские ассигнации (боны – бумажные деньги) подписывались Ш. Алиевым указывает на его сравнительно высокий чиновничий ранг в местном советском руководстве.

В соответствии с параграфом 12 декрета Терского областного Совнаркома от 18 апреля 1918 г. признавалось: «Право выпуска денежных знаков принадлежит только центральной общероссийской власти, но *Народная власть Терского края в случае недостатка разменных знаков имеет право выпускать боны*, обеспеченные в той или иной степени общероссийскими денежными знаками крупных купюр»²¹².

Видимо, недостаток стал остро ощущаться в условиях кризисной ситуации, связанной с наступлением Добровольческой Армии генерала А.И. Деникина (к концу ноября 1918 г., как признавал Орджоникидзе, «под непосредственным ведением» руководства Северо-Кавказской советской республики находился «только Пятигорский округ»²¹³). В таких условиях, очевидно, Кисловодский Совет (или Пятигорский отдельский Совет) воспользовался правом выпускать разменные боны (бумажные денежные знаки). И их эмиссия была возложена на Ш. Адиева. То, что по своим должностным обязанностям он был связан с финансовой системой сообщает все тот же Е. Рябов: «*При наступлении Шкуро на Кисловодск он на бронепоезде дважды эвакуировал кисловодский банк в Пятигорск*»²¹⁴.

При белогвардейцах. Как утверждает цитировавшийся выше ветеран коммунистов, при деникинской оккупации Шахым «*вынужден был скрываться в родных местах у подножия Эльбруса*»²¹⁵. То же самое повторяют и другие авторы: «с осени 1918 г. до весны 1920 г. ... Шахым Дударыкович находился в подполье»²¹⁶. Дело обстояло не совсем так. Действительно, некоторое время его белогвардейская администрация его преследовала, но, как сообщают архивные данные, не по идеологическим мотивам, а по совершенно другим – за выпуск денежных знаков с его подписью²¹⁷.

По всей видимости, преследования продолжались недолго, поскольку при деникинских властях Курман Курджиев прилагал усилия к тому, чтобы «протолкнуть» Шахыма Алиева в члены Кубанской Рады²¹⁸. С нелегалщиком это повернуть было невозможно.

Отдельный вопрос – почему за Шахыма проявил такое рвение именно К. Курджиев. Как сообщают источники, Курман возвращается – из-за преследования советских властей – летом 1918 г. с семьей из района проживания ставропольских туркмен (где он до этого

проработал несколько лет) на родину, на некоторое время остановился у советского работника Шахыма Алиева в Кисловодске²¹⁹. Теперь же Курджиев расплачивался с попавшим в опалу Алиевым добром за оказанную в трудную минуту своей помощь. Речь, таким образом, шла об элементарной благодарности. Очевидно, с этой поры у них установились близкие товарищеские отношения, продолжившиеся и в последующие годы.

Если у Шахыма отношения с белыми сложились сравнительно терпимые, то у Таукана они были скверными. Поймав его, шкурницы «в Баталпашинской тюрьме избили шомполами по полусмерти. Решив, что ему теперь не жить, белогвардейцы выбросили Таукана на тюремный двор. Друзья Шахыма выкрали бывшего без сознания Таукана и привезли его брату. Шахим сам его выхотил»²²⁰.

И снова советский работник. С приходом Красной Армии Шахыма, как сообщает Е. Рябов, «партия направила в революционные органы» – председателем Хурзукского ревкома, а затем – в Кисловодский Совет²²¹. Излишне категоричны утверждения о том, что со вторым приходом власти Советов «все мероприятия советской власти в Большом Карачае проходили под руководством Шахыма Дударыковича Алиева»²²². Руководство этим делом было возложено на Асланбека Кочкарова, занявшего пост председателя горского ревкома при Баталпашинском отдельском ревкоме.

Умар Алиев, командированный на родину для окончательного утверждения власти Советов, привлек своего дальнего родича к руководящей работе. После создания Карачаевского округа (ноябрь 1920 г.) Шахим вошел в состав окружного ревкома в качестве заместителя его Председателя (т.е. Умара). Но в этой должности он пробыл лишь три месяца. 21 февраля 1921 г. за подписью Умара Алиева вышел приказ №147 окружного ревкома о важных кадровых перестановках в руководстве Карачая:

– Шахим Алиев и Наны Токов освобождались от обязанностей заместителей Председателя окружного ревкома, при этом Ш. Алиев назначался заведующим отделом социального обеспечения, а Н. Токов сохранял пост заведующего управления юстиции;

– Рамазан Куатов назначался заместителем Председателя и заведующим отделом управления окружного ревкома;

– Асланбек Кочкаров назначался заместителем заведующего отделом земледелия «с оставлением на прежней должности»;

– Иммолат Хубиев назначался «Временно исполняющим должность» заведующего отделом народного образования²²³.

Причину, по которой Умар Алиев «разжаловал» Шахыма Алиева никто не называет. К.Т. Лайпанов сообщает, что последнего упрекали в том, что он за мзду раздает родственникам земельные участки²²⁴. Но в любом случае Шахым оставался в «обойме власти».

Как сообщают источники, на советской работе на жизнь Ш. Алиева покушались неоднократно. Однажды, в конце апреля 1920 г. на кисловодской ярмарке вокруг него «собралось много горцев. Получился своеобразный митинг». Шахым («прекрасный оратор») рассказывал, «как всегда убежденно и понятно, о том, что такое Советская власть, как защищает она права трудящихся горцев». В это время группа антисоветских оппозиционеров «напала на Шахыма. Горцы вместе с бывшими неподалеку бойцами из отряда Таукана Алиева обратили... в бегство» эту группу²²⁵.

Не прошло и месяца, как близ Хасаута Таукан был убит (20 мая 1920 г.). О мотивах его убийства в Карачае ходили различные слухи. По официальным данным, с ним расправилась антисоветская вооруженная оппозиция. По неофициальным, мотив был связан с пресловутым «шерше ля фам» и его убили родственники какой-то женщины, по другим – Таукана устранили сами Алиевы, т.е. это была своего рода сугубо «фамильная разборка». Как бы то ни было, Шахым потерял надежную опору и в жизни, и в работе.

Продвигаясь на пути государственного строительства, руководство округа разрабатывало мероприятия по переходу от чрезвычайных и назначаемых «сверху» органов власти (ревкомов) к более демократическим, избираемым Советам и их выборным исполнительным органам (исполкомам). 14 марта 1921 г. окружной ревком издал приказ №156, который предусматривал «созвать участковые (районные) съезды Советов и окружной съезд». На повестку дня окружного съезда Советов выносилось много вопросов, в т.ч. – «Урегулирование добрососедских отношений с Кабардой и Балкарцами»; «Административное деление Карокруга» и др. Приказом была утверждена окружная комиссия по созыву съезда, в которую были включены Ш. Алиев, А.-С. Герюгов, Р. Куатов, К. Курджиев и Ислам Хубиев²²⁶.

Имеются сообщения, что он был делегатом одного из всероссийских съездов Советов, где присутствовал сам В.Ленин²²⁷.

Некоторое время Шахым являлся продкомиссаром. По данным старого большевика Е. Рябова, он «вел большую работу по снабжению Москвы продовольствием... Кроме того, он участвовал в национализации заводов, мобилизовал учителей на просветительскую работу, принимал меры для открытия лечебных заведений по всех

селениях округа, боролся против мусульманских пережитков, за раскрепощение горянок»²²⁸.

Шахым Дударукович в 1937 году пал жертвой сталинского произвола.

Р.Т. Хатуев, И.М. Шаманов

ПЕРВЫЙ АРХЕОЛОГ КАРАЧАЯ (К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Х.Х. БИДЖИЕВА)

Будущий археолог родился 23 февраля 1939 г. в Верхнем Учкулане Карачаевской автономной области. Его отец Хаджи-Мурат Биджиев в числе многих тысяч других соплеменников участвовал в Великой Отечественной войне, пал смертью храбрых на поле боя. Это не помешало властям выслать семью фронтовика, включая и его несмышленного мальчугана, в голодную среднеазиатскую степь.

Ханафий Хаджи-Муратович получил высшее образование на историческом факультете Саратовского государственного университета, который успешно окончил в 1965 г. После этого он стал работать научным сотрудником Карачаево-Черкесского НИИ (КЧНИИ).

Вскоре он поступает в очную аспирантуру Института археологии Академии наук СССР, где его наставниками выступали многие ведущие специалисты страны. Аспирантские годы в столице с ее богатейшими библиотеками и мощной прослойкой высокопрофессиональных исследователей позволили Биджиеву существенным образом расширить свой научный кругозор и качественно повысить свою квалификацию. Основательная теоретическая подготовка в Москве сочеталась с практическими навыками, которые молодой археолог получал в ходе полевых исследований во многих районах Советского Союза. Первым научным руководителем в аспирантуре его являлся крупнейший археолог-кавказовед Е.И.Крупнов, а после его кончины – С.А.Плетнева. Кандидатская диссертация на тему «Материальная культура Карачая XIII-XVIII вв» была блестяще защищена им в 1972 году на заседании ученого совета Института археологии АН СССР. Так у нас появился первый из числа уроженцев Верхней Кубани дипломированный археолог – не только у карачаевцев, но и в среде всех коренных народов Карачаево-Черкесии.

Последующие более 20 лет Х.Х.Биджиев трудился в стенах КЧНИИ (ст. наученный сотрудник, зав. сектором), а с мая 1989 года – в Карачаево-Черкесском госпединституте (ст. преподаватель, доцент кафедры, профессор кафедры, зав. кафедрой всеобщей истории). С 1994 года и до конца жизни он работал в Карачаево-Черкесском технологическом институте (ныне КЧТА) вначале профессором кафедры, а в с 1996 г. – зав. кафедрой.

Х.Х.Биджиев на протяжении долгих лет ежегодно проводил раскопки и разведки на археологических объектах разных эпох – от эпохи бронзового века до позднесредневековых памятников. Особое внимание он уделял средневековым городищам горного края, исследованию которых отдал самую плодотворную пору своей жизни; в первую очередь это касается наиболее грандиозного сооружения хазарской эпохи – Хумаринского городища.

Работы Х.Х. Биджиева имели большое значение для исторической тюркологии, поскольку опровергали устоявшийся было стереотип о том, что тюрки Восточной Европы якобы являлись сугубо кочевыми народами, не имевшими никаких цивилизационных навыков. Исследования нашего земляка подтверждали факт того, что тюрки не только создавали империи, но и достигли высот самой передовой для своего времени архитектурной культуры, уровня строительно-инженерной мысли, развитых навыков градостроительства, монументального зодчества, фортификации. Иными словами у восточноевропейских (включая и северокавказских) тюрков имелись все показатели развитого оседлого народа.

Результаты своих исследований ученый обнародовал в десятках публикаций, включая и монографические работы «Погребальные памятники Карачая XIV-XVIII вв.» (1979), «Хумаринское городище» (1983), «Тюрки Северного Кавказа» (1993).

Научные заслуги были единодушно признаны во всех секторах науки – государственном и общественном. Признанием заслуг Ханафия Хаджи-Муратовича стало присвоение ему ученой степени доктора исторических наук по итогам защиты диссертации на тему «Раннесредневековые поселения Карачаево-Черкесии и Центрального Предкавказья» (1993), ученого звания доцента (1991), а затем и профессора (1993), избрание в действительные члены Международной Тюркской академии, в члены постоянного оргкомитета «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа.

Ханафий Хаджи-Муратович ушел из жизни 2 марта 1999 г. в Черкесске, похоронен в с.Первомайском (Малокарачаевский р-н

КЧР). Несмотря на неоднократные обращения научной общественности к властям республики, вот уже второе десятилетие память выдающегося ученого остаётся неувековеченной на достойном уровне.

Э.А. Темирбулатова

К ВЕРШИНАМ ДУХА

(К 60-ЛЕТИЮ М. Ч. ДЖУРТУБАЕВА)

Фольклорист и этнограф, историк и литератор, – многогранный талант Махти Чиппаевича позволяет отнести его к плеяде наиболее ярких, самобытных исследователей традиционной духовной культуры карачаево-балкарского народа.

Родился он в 1949 году в г. Алма-Ате (Казахстан), откуда вернулся на историческую родину в 1958 г. Высшее профессиональное образование получил на историко-филологическом факультете Кабардино-Балкарского госуниверситета (1975) и Литературном институте им. М. Горького в г. Москве (1980, семинар Л. А. Озерова).

В 1984-2002 гг. работал научным сотрудником отдела карачаево-балкарского фольклора Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ).

В эти годы им были изданы работы по мифологии, фольклору, религии, метафизике, литературе и этнической психологии карачаево-балкарцев. В их числе: сборник народных детских песен «Билляча» (1986, 124 с.), первое в отечественном кавказоведении комплексное монографическое исследование карачаево-балкарской мифологии – «Древние верования балкарцев и карачаевцев» (1991, 256 с.), фольклорный сборник «Нарт жырла бла таурухла» (1992, 150 с.), монографический очерк «Духовная культура карачаево-балкарского народа» (1994, 110 с.), одно из наиболее полных собраний текстов карачаево-балкарского нартского эпоса на языке оригинала «Нартла» (1995, 380 с.), а также сборник статей и очерков «Душа Балкарии» (1996, 225 с.).

Научную деятельность М. Ч. Джуртубаев активно продолжил и после ухода из КБИГИ. За последние годы им изданы монографии «Карачаево-балкарский героический эпос» (М., 2004, 287 с.), «Другая повесть о походе Игоря» (2004, 263 с.), полный, 600-страничный

текст карачаево-балкарский этического кодекса «Ёзден Адет» (2005); «Къарачай-малкъар мифле» (2007, 496 с.).

Махти Чиппаевич внес и вносит вклад в развитие национальной литературы и литературоведения. Он перевел на русский язык ряд произведений балкарских поэтов и прозаиков. В 1999 году в соавторстве с талантливым поэтом М. Х. Табаксоевым написал эпифарс «Зауапарк», поставленный на сцене Балкарского государственного драматического театра им. К. Кулиева.

Исследователь получил государственное и общественное признание: удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской республики» (2006), «*Почетный доктор Карачаевского научно-исследовательского института*» (2006).

Работы М.Ч. Джуртубаева востребованы не только специалистами гуманитарных дисциплин и сообществом деятелей культуры, но и широким кругом истинных любителей истории и культуры и, что немаловажно, подрастающим поколением.

Пожелаем нашему уважаемому коллеге и давнему товарищу крепкого здоровья, семейного благополучия, которые являются непрременным залогом полноты душевных и интеллектуальных сил, отдаваемых службе Науке.

Э.А.Темирбулатова

У ОБИТЕЛИ ПАРНАСА

(К 55-ЛЕТИЮ Б.О. БАТЧАЕВА)

Башир Османович Батчаев родился 26 декабря 1955 г. в с. Средненки Московского района Фрунзенской области Киргизской ССР. Большое значение в его личностном становлении сыграли отец, Осман Наирович (1907-2001), большой знаток народных песен, и мать, Зулихат Махмудовна, урожденная Халилова (1914-1976). По словам самого юбиляра, немалую роль сыграл и родной дядя его матери, Джашарбек Текеев, который обладал замечательной способностью сочинять стихи что называется «на ходу».

Среднее образование он получил в Верхне-Тебердинской средней школе (1973), после чего проходил службу в Вооруженных силах СССР (1973-75). Высшее образование получил на художественно-графическом факультете КЧГПИ (1976-1981), впоследствии работал учителем рисования, черчения, пения и родной литературы СШ №8 им.С.М.Халилова в с.Верхней Теберде.

Литературную деятельность начал в годы юности. В последующие годы он активно разрабатывает жанры лирики романтической, философской и гражданской, пробует себя и на поприще сатиры, а в последние годы – и драматургии. Известность получила и его проза («Бьль», «Тузлукъ», «Джылкы», «Джез шайнек», «Джолоучу», «Къозу къуйрукъ» и др.)

Творческие поиски его разнообразны, в них отражены темы истории, духовной жизни, семейного и трудового быта горцев Карачая, природной уникальности родного края.

В его возрастной категории он по праву считается наиболее плодовитым литератором Карачая. Его стихи были опубликованы в поэтических сборниках «Шоркъа» (1983), «Сюймекликни джети джолу» (1985), «Танг джарыкъ» (1995) и др. Отдельным изданием вышли его произведения: «Сююмчю джудуз» (1998, стихи), пятитомник, включающий «Назмула» (2004), «Объектив очей» (2005), «Почтение» (2007), «Прозрение», «Анга» (2008), а также «Солнечное сплетение» (2009, сб. стихов, поэм, рассказов на рус. и карбалк. яз.)

Целый ряд его стихов были переложены на песни «Шам Теберди» (1980 г.), «Къарачайны къадау ташы» (1995 г., в ее основе – рассказ старика еще юному Баширу в 1973 г. по пути с Бийчесына), «Къарачай» (2003), «Тин атала» (2005) и др.

Ему принадлежат переводы на родной язык произведений классиков античной литературы (Вергилий), поэзии России, а также Европы (Байрон, Гейне, Шекспир, Шиллер и др.), Востока (Омар Хайям, Навои, Низами, Руми, Р. Тагор и др.),

Башир Османович проявил себя и в сфере искусства: ряд лет возглавлял фольклорные группы «Тейри» и «Шам», участвовал в фольклорном ансамбле «Апсаты». Осуществлялся им и сбор произведений национального фольклора.

Одновременно он вел спортивную деятельность по вольной и национальной борьбе, добился титула чемпиона Карачаево-Черкесии.

Известен также общественной деятельностью, в т.ч. и с конца 1980-х гг. – в движении по реабилитации карачаевского народа. С 2009 г. – *эксперт Карачаевского НИИ* – член Наградного комитета по присуждению медали И.Х.Крымшамхалова.

Член Союза писателей России (1995) и Союза журналистов России (1997), Народный поэт Карачаево-Черкесии (2004).

Пользуясь случаем, желаем Баширу Османовичу долгих лет жизни, семейного счастья и новых творческих успехов.

Э.А.Темирбулатова

ОТ КУБАНИ ДО САХАЛИНА

(к 50-летию научной деятельности А.С.-У. Тамбиева)

Первый из числа карачаевцев геолог – доктор наук и профессор, Асланбек Сеит-Умарович Тамбиев, родился 15 октября 1938 года в селенье Кызыл Октябрь Карачаевской автономной области.

В период депортации с семьей проживал в Киргизии (с.Красная Речка, Ивановский район Фрунзенской области), где в 1956 г. с отличием закончил школу и в том же году поступил на горно-геологический факультет Фрунзенского госуниверситета, откуда в 1959 г. перевелся на горно-технический факультет Новочеркасского политехнического института (НПИ).

Научную деятельность начал еще студентом, в 1959 году, когда проходил производственную практику в Карачае (Худесское и Урупское медно-колчеданные месторождения). Кстати, в том же году он совершил свое первое восхождение на Эльбрус – видимо, первым из числа карачаевцев по возвращении из мест депортации.

Окончил этот вуз по специальности «Геологическая съемка, поиск и разведка месторождений полезных ископаемых» (1961).

В последующие годы работал начальником поискового отряда на острове Кунашир в составе поискового отряда Южно-Сахалинской геолого-разведочной экспедиции (1961-64).

Затем он вновь вернулся к проблемам научно-геологического освоения малой родины. Так, с 1964 г., вернувшись в НПИ уже аспирантом, он занялся изучением месторождений (Урупское, Власенчихинское, Скалистое, Первомайское). Этой группе месторождений он тогда посвятил несколько лет своей жизни.

Одновременно с этим он продолжал вести и научно-педагогическую деятельность в альма матер, где прошел все ступе-

ни преподавательской службы: ассистент, доцент, профессор кафедры месторождений и разведки полезных ископаемых. Кандидатскую диссертацию защитил в 1968 г., докторскую – в 1986 г. Ученого звания профессор удостоен в 1990 г.

Получил известность как исследователь-специалист в области формационного анализа и прогнозирования медно-колчеданных месторождений. Итоги своей плодотворной научной деятельности Асланбек Сеит-Умарович изложил в многочисленных трудах, включая «Колчеданные месторождения Большого Кавказа» (М.: Недра, 1973), «Главные промышленные и генетические типы рудных и нерудных полезных ископаемых» (Новочеркасск, 1977), «Колчеданные месторождения мира» (М.: Недра, 1979), «Палеоструктурный анализ и прогнозирование колчеданного оруденения в базальтоидных комплексах рифтовых зон» (Тбилиси: Собчота Сакартвело, 1986).

«У А.Тамбиева, – пишет его коллега и давнишний товарищ по НТИ, лауреат Государственной премии СССР проф.Н.Скрипченко, – есть такая черта характера: необычайная скрупулезность и упорство при проведении геологического изучения. Именно поэтому только ему оказался под силу детальный формационный анализ рудовмещающих вулканогенных пород. Понимаю, это очень сложно для неспециалиста, и потому скажу, что речь идет о важнейшем прогнозооценочном механизме».

Отдав Новочеркасску 33 года своей жизни, он вернулся в Карачаево-Черкесию (1992 г.) с огромным багажом практических навыков, который был востребован только что образованной республикой. Практически с нуля он создал региональную государственную структуру в сфере природопользования (Комитет, затем Госкомитет природных ресурсов КЧР, Госкомитет КЧР по геологии и использованию недр, позднее Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды Министерства природных ресурсов РФ по КЧР) который возглавлял последующие 11 лет.

Одновременно он являлся главным государственным инспектором по геологическому контролю, контролю за использованием и охраной водных объектов, контролю за состоянием, использованием, охраной, защитой лесного фонда и воспроизводством лесов и охране природе.

Его имя по праву включено в энциклопедические издания, а его разработки по петрохимии рудоносных вулканогенных формаций Кавказского региона получили международное признание. Большой

вклад внес в изучение месторождений меди и других полезных ископаемых на территории Карачаево-Черкесии.

Указом Президента РФ ему присвоено звание «Заслуженный геолог Российской Федерации» (31.07.2003), он также удостоен профильных наград – знаками «Отличник разведки недр», «Почетный разведчик недр России».

Признанием заслуг Асланбека Сеит-Умаровича в научном сообществе страны выступает избрание его член-корреспондентом Российской академии естественных наук (РАЕН), действительным членом Академии горных наук.

Ф.И. Байрамукова

– Р Е Ц Е Н З И И –

К.З. Борлакова. Героические женщины наказанного народа. – Пятигорск, 2009. – 200 с. Тираж 1000 экз.

Осенью текущего года в свет вышла новая книга Заслуженного работника культуры Российской Федерации К.Т. Борлаковой, которая хорошо известна читательской аудитории как неутомимая исследовательница жизни и деятельности замечательных представителей своего народа.

Рассматриваемая работа являет собой биографические очерки, посвященные известным и, что особенно важно, оставшимся неизвестными широкому кругу соплеменников карачаевкам 1940-1970-х годов. Основная часть их внесла – кто на полях сражений, кто на трудовой вахте – личный вклад в общую Победу в Великой Отечественной войне.

В книге нашли отражение яркие страницы жизни и трудовых свершений Нузулы Кубановой, Патии Шидаковой, Зухры Байрамкуловой, удостоенных высшего в стране почетного звания Героя Социалистического Труда (кстати, этого звания первыми в Карачае удостоились именно женщины). Примечательно, что большинство из них заслужили этой почести в первые же годы пребывания в местах насильственного выселения.

Бережно, с душевным теплом прикасается автор к судьбам славных фронтовичек, проявивших верность стране не только на трудном поприще военно-медицинской службы (М.Аскерова, Л.Динаева, К.Текеева, Р.Уртенова), но и в частях военно-воздушных сил (М.Глоова), военно-морского флота (Ш.Токова, Ф.Чичханчиева, П.Чомаева, З.Т.Эркенова), бронетанковых войск

(П.Темирбулатова), противовоздушной обороны (С. Абайханова) и даже кавалерии (Х.Эбзеева).

Самозабвенный, подлинно героический труд юных карачаевков и личная храбрость, проявленная ими на полях сражений, явились немым укором Государству, обречшему многострадальный народ на изгнание с родной земли.

Особого внимания заслуживают источники, на которые опирается Канитат Зекерьяевна в своем исследовательском направлении. Сбору, систематизации и изучению их автор, насколько нам известно, посвятила долгие годы своей творческой жизни.

Большую значимость приобретают неопубликованные ранее источники: автобиографии героинь книги (напр., К.Текеевой, Р.Уртеневой, Ш.Тохчуковой, З.Б.Эркеновой, З.Т.Эркеновой и др.), воспоминания как их самих (С.Б.Абайхановой, Л.С.Динаевой, Ф.А.Чичханчиевой), так и о них (В.С.Хруновой, В.Гагиевой).

Автор также привлекает особо ценный вид источников – аудио-записи, запечатлевшие живые голоса, увы, уже ушедших героинь (напр., воспоминания П.Чомаевой, запись 1996 г, З.А.Эркеновой – в 2004 г.)

Немаловажное значение имеет то, что К.З.Борлакова использовала ныне малодоступные средства массовой информации 1960-х гг. (напр., «Путь к коммунизму», 1965).

Примечательно, что автор, можно сказать, почти не использует материалы государственных архивов. Это в особенности интересно, если учесть то, что на протяжении долгих лет именно Канитат Зекерьяевна возглавляла государственное архивное дело Карачаево-Черкесии. По всей видимости, тем самым косвенно признается, что по интересующим автора книги персоналиям архивные данные, в целом, ограничены. Остается надеяться, что в недалекой перспективе данная лакуна будет восполнена.

Признательности заслуживает и то, что к числу героинь своего народа автор отнесла и девушек, которые происходили из других горских народов (Ш.А.Тохчукова, М.К.Аскерова), но свою судьбу связали с карачаевцами-офицерами.

Книгу отличает добротность приведенного материала, умелый подбор в качестве иллюстраций ценных документов и фотографий, которые делают ее как в содержательном, так и в чисто эстетическом плане весьма привлекательными.

Пользуясь случаем, хотелось бы выразить автору искреннюю признательность за благородный труд, желая Канитат Зекерьяевне жизненного и творческого долголетия.

Р.Т. Хатуев, И.М.Шаманов

**Акъбайланы Х.М. Къарачай-малкъар лингвистикадан
очеркле: фонетика, этимология, социолингвистика
(Очерки по карачаево-балкарской лингвистике). –
Ставрополь, 2009. – 206 с. Тираж 500 экз.**

Книга Х.М. Акбаева «Очерки по карачаево-балкарской лингвистике» является очередным научным исследованием автора, написанным на карачаево-балкарском языке, посвященным неисследованным и малоисследованным проблемам карачаево-балкарского языка. В книге рассматривается современное состояние фонетики, этимологии, семасиологии карачаево-балкарского языка, исследуются спорные вопросы данных разделов языка, предлагаются новые идеи.

Наиболее актуальным в цикле исследований Х. Акбаева является очерк по фонетике карачаево-балкарского языка. Ученым известно, что в исследованиях по фонетике тюркских языков существуют разнообразные, часто противоположные суждения. Это говорит о сложности и многоаспектности данной проблемы и свидетельствует о том, что изучение гласных и согласных в тюркских языках, в том числе и карачаево-балкарском, продолжает оставаться необходимым и актуальным.

В данном исследовании прослеживается новый взгляд на проблемы фонетики: устанавливаются особенности состава фонетики, обнаруживаются новые звуковые закономерности, на основе которых дается новая классификация звуков карачаево-балкарского языка. В книге дается подробное описание фонем и звуковых комплексов, показано своеобразие фонетической структуры и закономерности фонетических изменений в карачаево-балкарском языке. По мнению автора книги звуковой состав карачаево-балкарского языка состоит из нескольких частей: 1) простых звуков; 2) номинативных (или смыслоносущих) звуков; 3) звуков, заимствованных из других языков. Объединяет их то, что носителями языка они одинаково произносятся и слышатся. Во-вторых, особенности их образования, произношения и функционирования можно конкретно обозначить. В третьих, особенности звукового состава карачаево-балкарского языка, можно сравнить с особенностями других языков и выявить сходное и различное. В книге дается подробная характеристика каждого звука языка. Таким образом, в карачаево-балкарском языке автором приводятся 8 номинативных звуков - 2 гласных [ы1], [а1] и 6 согласных [ч1], [ц1], [ш1], [м1], [й1], [х1]; 30 простых звуков: 8 гласных [а], [о], [э], [ы], [у], [ю], [ё], [и] и 22 согласных [б], [г], [гъ], [д], [дж], [ж], [з], [й], [к], [къ], [л], [м], [н], [нг], [п], [р], [с], [т], [у], [х], [ч], [ш]. Приводятся также 4 заимствован-

ных (для произношения заимствованных слов) звука: [в], [ф], [ц], [ш]. Всего функционирует в языке 42 звуков, 34 из которых автор относит к смыслоразличительным звукам - т.е. к фонемам.

В соответствии с новым взглядом на звуковой состав языка, автор вносит изменения и в звуковую терминологию к.-б. языка. Так, исходя из способа и места образования звуков, он предлагает такие обозначения звуков, как хумха, эмгек, тилли-джумушакъ тынгылауукълу, тынгылауукълу и т.д.

Выводы о карачаево-балкарской этимологии, семасиологии и социолингвистике освещаются в соответствующих очерках. В очерке об этимологии автор рассуждает о предмете этимологии (выявление происхождения и изменения значений специфических слов), о проблемах, принципах построения, целях и задачах составления этимологических словарей тюркских, в частности, карачаево-балкарского, языков. Для определения немотивированных этимонов в качестве лингвистического индикатора праформы автором предлагается использование материала *системного языка* (на основе лексики ханаанейского и арабского языков). Автор также представляет свое видение инструкции по составлению этимологических словарей. Далее представлен аналогичный очерк по семасиологии.

Практическим продолжением этой работы является сравнительный анализ ста черкесских фамилий тюркского происхождения.

Заключительный очерк автора посвящен проблеме достаточно актуальной – языковой жизни народов КЧР (социолингвистическим проблемам, языковой политике, языковой ситуации и билингвизму).

В очерке раскрываются причины угасания родных языков, падения их престижа и других социолингвистических неурядиц. Опираясь на постулаты социолингвистики, ученый попытался исследовать языковую ситуацию и языковую политику в республике. Следует отметить, что такая работа в КЧР проводится впервые и имеет огромное значение. Ведь языковая политика отражает языковое самосознание народов, а это в свою очередь зависит от лингвоэкологической, лингвокультурной, лингвосоциологической и лингвоюридической ситуации в регионе.

Автор предлагает выход из тупика: выносит конкретные, неотложные задачи, решение которых должно проводиться на разных уровнях: на уровне властных структур республики, общественности, сферы образования, СМИ и др. Приводит положительный пример решения подобных задач в других республиках (республика Коми, Татарстан, Адыгея). Как и предыдущие исследования, очерк написан на карачаево-балкарском языке. Однако, на наш взгляд,

целесообразность написания этой злободневной работы на языке межнационального общения очевидна: как информация для властных структур и всей общественности она была бы незаменима. К тому же проблема касается носителей всех государственных языков КЧР. Тем не менее, последний очерк меня особо радует, и я уверена, что автор работы, в чьем лице я вижу не только теоретика, но и практика в деле возрождения и развития языков малочисленных народов КЧР, будет и дальше работать над данной актуальной проблемой, которая включает в себя также разработку необходимых программ.

Очередная работа талантливого ученого Х. Акбаева «Очерки по карачаево-балкарской лингвистике» своевременна и необходима для всех, кто ценит родное слово. Исследование отличается актуальностью, новизной и самостоятельностью и рекомендуется к печати.

Т.К. Алиева

А.А. Глашев. Очерки истории хазар. Часть I. – Москва: ИПО «У Никитских ворот», 2009. – 496 с. Тираж 200 экз.

В освещении богатой и своеобразной культуры Хазарского каганата (осторожно условимся не отождествлять ее с культурой собственно хазар) А.А. Глашев проделал большую и научно добросовестную работу. Он подробно ознакомился со всеми доступными письменными источниками – как европейскими, так и восточными – того времени, в которых так или иначе затрагиваются темы хазарской истории. Монография показывает, что автор охватил весьма широкий круг исследовательских работ по обозначенной тематике, опубликованных в последние два века. Большое и обоснованное внимание автором уделено археологическим исследованиям, проводившимся на территориях, исторически входивших в состав Хазарского каганата.

В работе подробно и аргументировано обозначены основные проблемы современного хазароведения. Отмечается, например, что по сей день нет ни одного документа на хазарском языке (С.48), даже «невозможно определить принадлежность хазарского языка к то или иной группе» (С.50). Поэтому автор предлагает опираться на «косвенные данные» (С.50), но и это, кажется, абсолютно бесперспективно в отношении языка, не оставивших артефактов.

Выдвигается гипотеза о западнокыпчакской языковой доминанте в тюркском массиве Хазарского каганата (С.51), но в науке имеются и веские доводы в пользу значительного удельного веса огузско-

го компонента. Да и карачаево-балкарский язык относят к *огузо-половецкой* ветви куманских языков; огузские элементы отражены в фольклоре и топонимии карачаево-балкарцев, да и не только их. Кстати, у автора проскальзывает мысль о возможном «господстве на территории Хазарии... смешанных кыпчакско-огузских языков» (С.52). И эта мысль, видимо, имеет все основания для развития ее автором.

Автор справедливо указывает на недооценку знаковой системы хазарской культуры, включая «вавилонь» и «лабиринты» (С.216-218).

В целом «общехазарская» канва исторического повествования у автора выдержана в рамках основных требований к такой категории научного труда.

Но сложности возникают, когда автор переходит на неблагодарную тему этногенеза карачаево-балкарского народа. Им, упоминается версия о хазарском происхождении карачаево-балкарцев (С.368), которая не может основываться на языковых параллелях. Ведь, в отличие от карачаево-балкарского, науке неизвестен сам хазарский язык.

Категоричными представляются утверждения о том, что «именно в Аланию» влилась «основная часть хазар» (С.306). Во-первых, в канун гибели Хазарии основная масса хазар обитала за 500-600 км от Алании и нет ни письменных, ни археологических свидетельств массовой миграции хазар в Кубано-Терское междуречье. А во-вторых, не считая иудейского сегмента, прямо соотносимого с хазарами, нет по сей день и внятной атрибуции *собственно* хазарской культуры. Таковой вовсе не была салтово-маяцкая культура («государственная культура Хазарского каганата»), которую создал целый ряд народов, включая и алан. Да и к сопоставления культур, разделенных тысячелетием, нуждаются в осмотрительности. Автор, судя по всему, сам понимает невозможность серьезных выводов об этногенезе карачаево-балкарцев без скрупулезного исследования, например, останков во всех *!! основных типах* захоронений «аланско-хазарского времени» на территории Карачая и Балкарии специалистами самых перспективных в этом плане дисциплин – антропологии и генетики.

Имеются в книге и некоторые упущения. В частности, в «Библиографии» (С.481-492) не упомянуты десятки работ, которые автор реально использует в тексте, в их числе – труды на русском языке: Е.П.Алексеевой, А.А.Аликберова, М.М.Ихилова, Р.Фрая, М.Джуртубаева, А. фон Габена и др., а также отдельные работы К.Иностранцева /1907, 1911/, С.М.Дубнова /1912/, С.А.Плетневой /1982/ и др. Кроме того, не выведены – как принято в историографии – в отдельный список источники, на которые автор опирается в

своём исследовании. Все это косвенно указывает на отсутствие необходимой работы со стороны редактора или на отсутствие такового, чего, как представляется, следует избегать в работе над исследованием по фундаментальным проблемам науки.

В целом же работа заслуживает не только существенного сугубо научного внимания, но и просветительского интереса. Полагаем, что она будет способствовать исследовательской мотивации наших коллег.

И.С. Кипкеев, Р.Т. Хатыев

- ПРИЛОЖЕНИЯ -

Приложение 1

Шнайдер В.Г.

Проблемы земельного и территориально-административного размежевания на Северном Кавказе в 1920-е годы /с сокращениями/

/.../Прежде чем углубиться в изучение этой проблемы, хотелось бы обратить внимание заинтересованного читателя, что среди конфликтующих сторон нам не встретились упоминания о столкновениях родственных в языковом и этнокультурном смысле народов. Например, не было конфликтов, где обе стороны были бы представлены, скажем, адыгами (адыгейцы, кабардинцы, черкесы), вайнахами (чеченцы и ингуши), тюрками (карачаевцы и балкарцы) и т.д. Представляется, что это очень важное обстоятельство.

Выход Кабарды из состава Горской АССР и образование первой на Северном Кавказе автономии, близкой к моноэтническому составу, остро поставил вопрос территориальных притязаний соседей.

Так в 1923 г. оживлённую переписку с центром вызвала проблема горных пастбищ, на которые претендовали Кабарда и Карачай. В письме уполномоченных Большого и Малого Карачая на имя Шляпникова²²⁹ выдвигались требования изменить границы в районе р. Малки и скалы Канжалу, включить в состав Карачаево-Черкесской АО карачаевский аул Хасаут, несправедливо, по их мнению, включённый в состав Кабобласти. Об этом же писал во ВЦИК и уполномоченный аула Хасаут²³⁰. Насколько можно было судить, по мнению Нариманова («пред. Союза ССР»), руководство государством склонялось к удовлетворению просьбы карачаевцев²³¹. Разрешившийся, как представляется, довольно быстро спор не перерос в серьёзный конфликт, однако при этом успели прозвучать некоторые аргументы «исторического» характера, коснувшиеся привилегированного положения кабардинских князей при преж-

нем режиме, противопоставление им «трудящегося кабардинского народа» и т.п.²³²

Содержание и дух записки преисполнен отношением к России, как к третьей стороне. Противопоставление советской власти царскому режиму, по мысли авторов, должно было усилить впечатление того, что нынешний «третьей стороной» сильнее и справедливее прежнего. В тексте ощущается искренняя вера в это обстоятельство.

... В 1924 г. между Малокарачаевским исполкомом, Наркомземом и ВЦИК завязывается оживлённый обмен телеграммами²³³ по вопросу о сроках пользования карачаевцами левым берегом реки Малки. Карачаевцы должны были передать эти земли Кабардино-Балкарии, но стороны не сходились в сроках. Момент, надо признать, очень частный, и возможно о нём вообще не стоило бы упоминать, если бы не позиция руководства Кабардино-Балкарской АО в этом вопросе.

Председатель Карачаево-Черкесского облисполкома Курджиев в письме в Президиум ВЦИК 19 июня 1924 г. писал: «Мною было заявлено на заседании Комиссии ВЦИК по спорному земельному вопросу с Кабардой о неподчинении представителей Кабарды распоряжениям ВЦИК. Первоначально спорные земли Вами были предоставлены в распоряжение Карачая на 23-24 гг., а затем только до 1 августа 1924 г., но тов. Калмыков совершенно не считаясь с таким распоряжением, выгнал скот на самую лучшую сенокосную часть спорной земли, потравив её. В то же время, вооружённым отрядом сгонял карачаевских косарей, нанося им громадный ущерб»²³⁴.

Курджиев стремился обратить внимание ВЦИК на произвол руководства Кабардино-Балкарской области, по-видимому, понимая, что простые граждане Карачая ждут от него более радикальных методов защиты. Об этом прямо сказано в следующих строках: «На путь Калмыкова я не могу стать в деле организации вооружённого отряда для отстаивания своих интересов, тем более, что демонстративно бравированное разгуливание вооружённого кабардинского отряда среди кошей карачаевцев, у коих ещё свежа память о засилии Кабарды»²³⁵.

Подобные действия региональных лидеров, на наш взгляд, были возможны только в периоды кризисного состояния и начала выхода из него, когда центральная власть ещё достаточно слаба для того, чтобы наказывать их за подобное самоуправство. В большей степени показательным является то, что эти региональные лидеры и не боялись такого наказания. То есть, в известной мере, это характери-

зует их отношение к верховной государственной власти, прежде всего в нравственном отношении.

/.../ Всё это позволяет говорить о слабости позиций советской власти в регионе в данный период, а также о том, что местнические интересы в действиях региональных (национальных) властей преобладали над государственными.

/.../ Таким образом, состояние жёсткого социального кризиса конца 1910-х – начала 1920-х гг., сопровождавшееся ослаблением регулирующей роли государства в Северо-Кавказском регионе, привело к переходу конфликтных ситуаций из латентных форм в открытые...

<http://galgai.com/forum/showthread.php?t=1646>

Приложение 2

Игнатенко Александр.

Маджнун и Дон Кихот – архетипические сумасшедшие, или чем отличается исламская культура от западной

Великим исламским мистиком Ибн-Араби (1165–1240) заканчивается та линия эволюции исламской мысли, в которой Зеркало, вернее представления о Зеркале, сыграли определяющую роль. Учение о Совершенном Человеке, который есть вселенский Адам, сам являющийся образом Бога, отраженным в мире-Зеркале и присутствующим в его, этого мира, целокупности; трансцендентность и недоступность Бога и одновременно Его присутствие в мире как целом вследствие этого отпечатывания Божественного образа в Зеркале мира, – это, пожалуй, вершина спекулятивной мысли в исламе. После нее – повторение пройденного, возвращение к редуцированным формам спекуляции – к банальным метафорам типа «сердце – Зеркало, в котором отражается Бог».

Исламская спекулятивная мысль приходит в упадок. Она, будучи прежде подобна бурной реке (вспомним великие имена Авиценны и аль-Газали, Аверроэса и того же Ибн-Араби), мельчает, мелеет и словно уходит в песок.

Кажется, у меня есть отгадка этой тайны, но она настолько фантастична, что я сам себе не верю. А что если предположить, что произошел цивилизационный шок от столкновения двух культур – исламской и западной, культур взаимопроникающих и в то же время взаимоизолированных? Их различие (вернее, разнонаправленность) четко обозначилось с началом эпохи Возрождения в Западной Европе (XIV век). Западная культура выростала как индустриальная, рационалистическая, азартно предчувствующая новые от-

крытия – технических устройств и континентов. Исламская культура – аграрно-ремесленно-торговая – оставалась в средневековом прошлом, бережно лелея цивилизационные образцы, сложившиеся в давнюю эпоху раннего ислама (VII век). С этого рубежа начинается цивилизационная зависимость исламской культуры от западной.

В арабском языке остался слабый след этого шока – винтовка называется «венечия» (бундукийя), по имени Венеции (Бундукийя). Но Венеция дала нечто более важное – нечто такое, что воздействовало на глубоко упрятанные архетипические парадигмы мышления мусульман. Венеция в XIV веке дала человечеству стеклянное Зеркало. Сначала там, а потом в других западноевропейских городах для производства Зеркал стали использовать стеклянные пластины или шары, с внутренней стороны заливавшиеся оловом либо сплавами разных металлов. И из той же Венеции стеклянные Зеркала попадали в исламский мир, где до этого безраздельно царили Зеркала, сделанные из металла (стали, бронзы, серебра), производившиеся в Китае.

Металлическое китайское Зеркало (это – категория теоретического мистицизма), задававшее мусульманам парадигмы Богопостижения и миропостижения, оказалось заменено стеклянным венецианским Зеркалом. Это Зеркало нового мира не требовало ухода за собой, о тщательной и регулярной полировке и речи не было. Стеклянное Зеркало давало исключительно четкое изображение, более четкое, полагали люди, чем образ отражаемого предмета, и в Западной Европе и далее по миру слово *speculum*-зеркало стали употреблять в значении образца, идеала. И оно лишало смысла и внутренней целесообразности всю систему спекуляций, выстроенную на представлении о металлическом Зеркале старого мира (особенно — представление о цельнообразных знаках, которые Бог вкладывает в Зеркало, в человеческий глаз – вариант Зеркала, а также в душу при сновидении). Самим фактом своего существования такое Зеркало демонстрировало тщету умственных усилий, направленных на конструирование идеального Зеркала, отражающего и объясняющего мир.

И наконец, немаловажно то, что это чудесное стеклянное Зеркало пришло от ромеев-европейцев, с северного берега Белого (Средиземного) моря, что могло восприниматься мусульманами-южанами как показатель ощущаемого ими превосходства христиан-северян. Состоялся цивилизационный шок. Стекло победило металл.

Столкнулись две цивилизации, два образа мышления, два стиля действия. Две разные культуры. Различия трудно заметить – так

много общего между этими двумя культурами, которые формировались чуть ли не в симбиозе.

Но есть принципиальное различие, свидетельство о существовании которого зафиксировано на страницах этой книги. Для исламской культуры характерна жажда образности в условиях жесткого религиозного запрета рукотворной образности. И в то же время ей присуща очарованность образом – Божественного ли создания или рукотворного предмета. Это – тоже примета исламской культуры. Имагинативность (от франц. *image* – образ) определяет весь строй мысли человека, принадлежащего к исламской культуре.

В эссе «Заир» Хорхе Луис Борхес описывает одержимость предметом (на самом деле – образом предмета), называемым Заир (от араб. захир – явный, видимый, внешний). Он перечисляет вещи, которые были Заиром. «В Гуджарате в конце XVIII века Захиром звали тигра; на Яве – слепого из мечети в Суракарте, которого верующие побивали камнями; в Персии Захиром называлась астролобия, которую Надир-шах велел забросить в морские глубины; в тюрьмах Махди году в 1892-м это был маленький, запеленутый в складки тюрбана компас, к которому прикасался Рудольф Карл фон Слитин; в кордовской мечети, согласно Зотенбергу, это была жилка в мраморе одной из тысячи двухсот колонн; в еврейском квартале Тетуана – дно колодца». Борхес разъясняет, что «верование в могущество Заира – исламского происхождения». Слово «Захир» по-арабски значит «заметный видимый»; и в этом значении оно является одним из девяноста девяти имен Бога; простой народ в мусульманских землях относит Заир к числу «существ или вещей, наделенных ужасным свойством не забываться, изображение (не изображение, а именно образ, что видно из самого борхесовского текста. – А. И.) которых в конце концов сводит человека с ума».

Имагинативность мышления, оперирование образом проявляется и в стремлении выстроить отличную от аристотелевской логику как эпистемологию индивидуального, которое постигается-воображается, т.е. постигается как конкретный, индивидуальный образ и превращается в субститут других, тоже индивидуальных и схожих с образом-образцом вещей. Имагинативность мышления проявляется и в усилиях, направленных на конструирование картины мира, состоящей из образов, вплоть до того, что акт Божественного творения оказывается эманацией образа, а сам мир – образом Бога. Имагинативность дает себя знать и в том, что исламские мыслители выстраивают горний мир Сокрытого как сферу Богоявленности в доступном человеческому постижению образе, а сам этот мир заселяют от

образами всех конкретных вещей, существ во всех их индивидуальных – бывших, настоящих и будущих – состояниях.

Но ограничение, наложенное на исламскую культуру запретом изображать живые, одухотворенные, т.е. обладающие душой существа (человек, ангел, джинн, а также животное и, в крайнем случае, даже растение), заставляло, проигрывая разные трансформации и комбинации образа в Зеркале, фиксировать всю эту богатейшую образность не в изображениях, а в слове, дискурсе. И определяющим для *исламской культуры* стала не имажинативность сама по себе, а особое соотношение имажинативности и дискурсивности (от франц. discours, речь), текстуальности. Эту культуру допустимо характеризовать как имажинативно-дискурсивную. Что означает, кроме всего прочего, приоритет конкретного, индивидуального над общим, универсальным, знаменитую восточную заикленность на конкретном и, не в последнюю очередь, душевную, интимную связь с миром. И это еще означает ретроспективность менталитета, т.е. стремление от слова вернуться к обозначаемому им конкретному, единичному, индивидуальному предмету.

Западная культура иная. При том что образность всегда там поощрялась, эта культура по преимуществу дискурсивная, ее базис заложил (или выразил) Аристотель с его логикой, в которой очевиден приоритет общего над частным, универсального над конкретным, словесного над образным. Слово в западной культуре универсально и абстрактно. Что есть человек – это западный вопрос. Гуманизм – западная постановка вопроса, подменяющая человека и человеков сущностью человечности, человеком как таковым и отношением к некой универсалии, которая предполагается присутствующей в каждом человеке как его неотъемлемое и определяющее качество. Дискурс заслоняет человеку Запада мир.

Но без образности человек, человек любой культуры, не может существовать (это подметил еще Аристотель, подтвердил Аль-Газали). И западная культура выстраивается по парадигме дискурсивность – имажинативность. Западное изобразительное искусство (живопись, а в последующем ее высокотехнологичные дериваты — фотография, кинематограф, видео) выросли из иллюстрации Текста

Священного Писания[1]. При этом слово-универсалия не сковывает воображение. Менталитет западного человека проспективен, направлен вперед, в мир, словоуниверсалия открыто, оно вбирает в себя (или, как посмотреть, продуцирует) все новые оттенки значения. Взять все того же человека – «западник» постоянно расширяет объем этого слова в разных направлениях (от включения в это по-

нятие народов, прежде почитавшихся «дикими», до распространения его на человеческий зародыш).

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богом». Это – зачин Евангелия от Иоанна. И одно из основоположений западной, христианской в своей сущности культуры. Не то в культуре исламской. Если бы, положим, Ибн-Араби взялся сочинить Евангелие (ведь получил же он, по его утверждению, Откровение от Бога в виде аятов Корана...), то он не смог бы написать ничего другого кроме: «В начале был Образ, и Образ был у Бога, и Образ был Богом». Это могло бы стать хорошим вступлением к его концепции Совершенного Человека.

Иные возразят: а как же быть с массой совпадений? Взять хотя бы ту же самую Аристотелеву логику. Ведь поначалу именно от исламской цивилизации Запад получил ее в переводах с арабского, и лишь потом европейские книжники обратились к произведениям на древнегреческом – к трудам самого Стагирита и его комментаторов. На это можно было бы высказать, как минимум, два соображения. Во-первых, арабский аристотелизм оказался сильно неоплатонизированным, что практически исключало понимание и восприятие аутентичного перипатетизма как цельного эпистемологического учения, частью которого и была логика Стагирита. В этом, кстати сказать, причина того, что европейцы, воздав должное диалектическим талантам Авиценны, потом и думать забыли о его логических произведениях, при этом чуть ли не до XIX века используя его «Канон врачебной науки». Во-вторых, представлять существование Аристотелевой логики с неоплатоническими дополнениями и искажениями в лоне исламской культуры как бесконфликтное было бы неверно. Ее постоянно вытесняли, дискредитируя и опровергая, а также предлагая ей альтернативу, основой которой была именно имажинативность. Пожалуй, апогей этой схватки – трактат классика современного ваххабизма Ибн-Таймийи (1263–1328) «Отповедь логикам» (Ар-радд аля-ль-мантикийин). Неслучайно то, что самое частотное выражение в этом трактате – слово во-обра-же-ние (гасавур), образованное от слова образ (сура). И весь трактат представляет собой развернутое противопоставление истинного и результативного имажинативного познания выхолощенным и, как полагает ИбнТаймийя, бесполезным дискурсивным фигурам Аристотелевой логики. Исламские теологи, правоведы, филологи стремились выстроить собственную логику, точнее некий набор правил формулирования высказываний, полагающихся истинными. И в немалой степени им это удалось. У них иной, незападный менталитет. строй мысли, способ рассуждать.

В конечном счете Аристотель был отторгнут исламской культурой. Современный исламский фундаментализм является антизападным потому, что он по своей сути есть не что иное, как отвержение основоположений западной культуры – общего и абстрактного – и представляет собой стремление воспроизвести единичное и конкретное – бытие первых мусульман времен пророка в его (бытии) единичности и конкретности. И, к слову сказать, одной из примет фундаментализма является стремление уничтожить изображения одушевленных существ (вспомним активность движения «Талибан» на этом поприще в начале XXI века), во множестве накопленные в ареале исламской культуры.

Оказалось, что, как в Зеркало, смотрятся одна в другую две культуры – похожие и разные, будто бы состоящие из одних и тех же элементов, но непроницаемые одна для другой, как непроницаемым является Зеркало. И как в Зеркале, одна культура, западная, пишет слева направо дискурсивно-имагинативно-перспективный сценарий своего становления, а другая, исламская, – справа налево свою имагинативно-дискурсивно-ретроспективную историю. Идя от слова к образу, от дискурса к изображению, от текста к реальности, от сценария к действительности, западная культура оказывается свободной и раскованной – воображая и реализуя самые разные проекты, технические и социальные, производственные и экономические, – все то, что в виде дискурса понапридумали ее, западной культуры, мыслители.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», – такое мог заявить только человек западной цивилизации. Нечего говорить, что такой менталитет, случалось, заводил и наверняка будет заводить западного человека в тупики – «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью!». *Perpetuum mobile* и коммунизм – западные конструкции, выстроенные первоначально как дискурсивные. Западными являются и Интернет, и космические корабли, и трансплантация органов, и много чего другого, что изменило мир (к лучшему ли – другой вопрос).

Исламская же культура скована – ее носителей тяготит подспудное чувство вины. Они, контактируя с постоянно обновляющимся, все время новым миром западной культуры, входя в эту культуру или принимая ее в себя, нарушают фундаментальное табу — запрет на изображение образов, который сформулирован с абсолютной однозначностью и совершенной точностью пророком Мухаммадом. Из такой ситуации есть три выхода. Либо гиперкомпенсация в форме акцентированного и во многом нарочитого подчеркивания своей инаковости в областях, в которых это совсем нетрудно сделать

(особая одежда у мужчин и женщин, пищевые ограничения типа отказа от свинины и т.п.). Либо фундаменталистский возврат к доизобразительному прошлому и агрессия в отношении западной культуры – действительной внешней причины нарушения табу. Либо дальнейшее растворение в западной культуре, выстроенной иначе, чем исламская.

Две культуры – исламская и западная – сотворили два идеальных и даже идеально-гипертрофированных человеческих типа, в которых воплотилась суть этих культур, расходящиеся векторы их бытия в мире. В сумасшедших, безумцах, еще не утративших способность человеческой речи, более того, в сумасшедших текстовиках, в безумцах, не лишенных дискурсивного дара, — в них доведены до максимума и далее – до запредельности, до абсурда, намекающего на некую сверхчеловечность, сущностные приметы двух разных культур. Эти безумцы репрезентативны и архетипичны; они дороги людям определенной культуры, их описания бережно сохраняются, ибо люди культуры в них видят себя – какими они могли бы стать, если бы эти подвижники не взяли на себя бремя культурного максимума.

Эти двое сумасшедших – Маджнун и Дон Кихот.

Маджнун – прозвище арабийского поэта Кайса Ибн-аль-Мулявваха (умер около 700 года), и означает оно – «обезумевший», подразумевается – обезумевший от любви. Ибо вся его жизнь – это история любви к красавице Лейле. Маджнун и Лейла были знакомы с раннего детства, вместе пасли скот, и их любовь дала о себе знать довольно рано. Маджнун (он тогда еще не получил такого прозвища и был только Кайсом) сочинял и принародно читал стихи, посвященные возлюбленной. Видя влюбленность сына, родители Кайса посватали Лейлу, но отец девушки им отказал под тем предлогом, что Кайс обесславил-де его дочь, везде читая о ней стихи, в которых описывалась ее телесная красота. И он выдал дочь за знатного человека из другого племени. Однако Кайс ищет встреч с Лейлой, чем навлекает на себя гнев ее родственников, которые обращаются с жалобой на него местному правителю. Кайс, уже превращающийся в Маджнуна-Обезумевшего, изгоняется из племени. Несчастный влюбленный уходит в пустыню, бродит там без цели или общается с дикими зверями, которые ему сочувствуют. Им он читает свои стихи, которые продолжает сочинять. Он отказывается принимать пищу. Постепенно он лишается разума – становится Маджнуном. Его мать обращается к Лейле за помощью, та навещает Маджнуна в пустыне ночью, но спасти его от смерти уже не мо-

жет[2]. Он умирает, оставив после себя стихи, ставшие классическими в исламском культурном круге.

История Маджнуна – это история очарованности образом прекрасной аравийки, неутоленной тоски по милому образу и трансформация этого образа и этой страсти в поэтический текст.

*С тех пор, как я Лейлу увидел, – в беде,
В беде мое сердце всегда и везде[3].*

И еще:

*С тех пор, как не стало ее пред глазами,
Глаза мои мир заливают слезами.*

Только образ Лейлы, пусть в воображении, может дать хоть какое-то отдохновение истощенному любовной тоской Маджнуну:

Кто утешенье принесет горящему в огне?

Кто будет бодрствовать со мной, когда весь мир – во сне?

Иль образ твой примчится вдруг – усну я на часок;

И призрак может счастье дать тому, кто одинок!

Каков же этот образ Лейлы, который мы знаем по поэтическим описаниям Маджнуна?

Улыбается Лейла – как чудно уста обложили

Ряд зубов, что белей жемчугов и проснувшихся лилий!

До чего же изнеженно тело подруги, о Боже:

Проползет ли по ней муравей – след оставит на коже!

О, как мелки шаги, как слабеет она при движенье,

Чуть немного пройдет – остановится в изнеможенье!

Как лоза: она гнется, при этом чаруя улыбкой,

И боишься: а вдруг переломится стан ее гибкий!

Лейла уникальна, незаменима из-за своей неповторимой красоты, которая видна Маджнуну:

О, сколько раз мне говорили: «Забудь ее, ступай к другой!»,

Но я внимаю злословным и с удивленьем и с тоской.

Пусть даст, чтоб полюбить другую, другое сердце мне Творец.

Но может ли у человека забиться несколько сердец?

При том, что образ Лейлы единствен, все кругом напоминает о ней, ее образ – в окружающем мире, к слову сказать, не очень-то богатом разнообразием и красками, ибо Маджнун бродит в пустыне. Воркующая голубка напоминает о Лейле:

Та голубка на Лейлу похожа отчасти...

Глазами и легкостью газель тоже будит воспоминания об образе Лейлы:

Газель, ты на Лейлу похожа до боли...

Лишь на меня газель взглянула, –

*я вспомнил Лейлы взгляд живой,
Узнал я те глаза и шею, что я воспел в тиши степной.*

Еще:

Твои глаза – ее глаза, ты, как она, легка...

И еще:

У газеленка я спросил: «Ты милой Лейлы брат?»

«Да, – он ответил на бегу, – так люди говорят».

Мир для Маджнуна достоин внимания и любви только потому, что в нем присутствует Лейла:

За то, что на земле твои следы целую,

Безумным я прослыл — но прочь молву худую:

Лобзаю прах земной, земля любима мною

Лишь потому, что ты прошла тропой земною!

В едва ли не чистом виде история Маджнуна иллюстрирует *имгинативно-дискурсивное постижение действительности*, при котором конкретный, единичный, уникальный образ представляет собой конечную цель постижения, оказывается образцом при восприятии мира – в том смысле, что все постигается в совпадении и расхождении с этим образом, а в последующем этот образ-образец приобретает инобытие в тексте.

Дон Кихот олицетворяет иное, противоположное, в некотором смысле зеркальное сумасшествие. Точка, в которой по чисто формальным признакам встречаются разнонаправленные безумия Маджнуна и Дон Кихота, – романс (во многом пародийный), который сочинил и спел «сипловатым, но отнюдь не фальшивым голосом» Дон Кихот:

Так мне в душу врезан образ

Дульсинеи из Тобосо,

Что никто ее оттуда

Вытеснить уже не может[4].

Можно было бы даже рассматривать эти слова как случайную перифразу стихов Маджнуна, конечно, менее изысканную и грубовато-прямолинейную[5]. И мало ли в мировой литературе случайных совпадений и сходств, различий и расхождений.

Но правомерность рассмотрения «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского» как художественной антитезы исламской ментальности заключается в самом этом произведении. Его автор Мигель де Сервантес Сааведра (1547-1616) постоянно соотносит повествование с иной культурой – исламской (мавританской в тогдашнем языке). Прежде всего, авторство романа о странствующем рыцаре приписывается мавру по имени Сид Ахмет бен-Инхали. Рукопись повествования о подвигах Дон Кихота Сервантес якобы при-

обрел на рынке в Толедо и дал ее перевести некоему мориску – мавру, перешедшему в христианство, коего полтора месяца держал у себя дома взаперти, пока он ту рукопись не перевел на испанский. Об этом сообщается в начале девятой главы первой части, и этот мавр как автор «Дон Кихота» постоянно присутствует в книге, чтобы в самом конце второй части прокомментировать поведение герцога и герцогини, которые, ради того чтобы подшутить над Дон Кихотом и Санчо Пансой, создали участки реальности, соответствующие фантазиям Дон Кихота. «И еще Сид Ахмет говорит вот что: онде стоит на том, что шутники были так же безумны, как и те, над кем они шутки шутили, ибо страсть, с какою герцог и герцогиня предавались вышучиванию двух сумасбродов, показывала, что у них у самих не все дома».

И, пожалуй, не случайно в «Дон Кихоте» Сервантес обращался к особому образу мышления мусульман. В главе 33-й в уста Лотарио Сервантес вкладывает характеристику «того настроения ума, которое всегда бывает у мавров». «Ведь им невозможно втолковать, почему их вероучение ложно, ни с помощью ссылок на Священное писание, ни с помощью доводов, основанных на умозрительных построениях или же на догмах истинной веры, – они нуждаются в примерах осязательных, доступных, понятных, наглядных, не вызывающих сомнения, с математическими доказательствами, которые нельзя опровергнуть, вроде, например, такого: “Если мы от двух равных величин отыдем равные части, то остатки также будут равны”. Если же объяснить им на словах не удастся, а именно так оно всегда и бывает, то приходится показывать руками, подносить к глазам, да и этого еще оказывается недостаточно для того, чтобы убедить их в истинности святой нашей веры».

Наконец, «Дон Кихот» Сервантеса во многом автобиографичен. Автор книги провел пять лет в плену в Алжире. (В «Дон Кихоте» упоминается смелый испанский солдат Сааведра.) Он побывал в культурном Зазеркалье. И роман «Дон Кихот» вполне допустимо рассматривать как попытку осмыслить западную культуру, увиденную глазами мусульманина (вымышленного Бен-инхали) и осмыслить исламскую культуру, увиденную автором, – самим Сервантесом.

Но сущностная автобиографичность Дон Кихота – автобиографичность западной культуры – не в этих деталях повествования и реальной биографии Сервантеса. Одержимость чтением, или, иначе говоря, предпочтение дискурсивности, – вот примета человека западной культуры. «Я большой охотник до чтения и читаю все подряд, даже клочки бумаги, подобранные на улице». И весь «Дон

Кихот» – рассказ о том, как дискурс (текст, слово) трансформирует реальность.

Если Маджнун и вся его жизнь – движение от образа к тексту (имагинативно-дискурсивная парадигма), то Дон Кихот реализует иную парадигму – дискурсивно-имагинативную. Это яснее всего проявляется в Дульсинея, которая в контексте западной культуры является антитезой Лейлы.

Вместо очарованности образом (у Маджнуна) Дон Кихот олицетворяет очарованность словом. «Идальго наш с головой ушел в чтение, и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра; и вот оттого что он мало спал и много читал, мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе потерял рассудок. Воображение его было поглощено всем тем, о чем он читал в книгах: чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, любовными похождениями, сердечными муками и разной невероятной чепухой; и до того прочно засела у него в голове мысль, будто все эти нагромождения вздорных небылиц – истинная правда, что для него в целом мире не было уже ничего более достоверного».

Дон Кихот (и в этом секрет его архетипичности для западной цивилизации) приступает к реализации того, что он навоображал. «И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая еще не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почел благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества, сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почет». Поскольку у странствующего рыцаря должна быть дама сердца, он решает тоже ею обзавестись. «Вычистив же доспехи, сделав из шишака настоящий шлем, выбрав имя для своей лошаденки и окрестив самого себя, он пришел к заключению, что ему остается лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви – это все равно что дерево без плодов и листьев или же тело без души». Так возникает возлюбленная Дон Кихота – Дульсинея Тобосская. Дульсинея из Тобосо – образ из текста, никогда ранее не существовавший и являющийся плодом воображения Дон Кихота. И именно этому образу посвящен приведенный выше романс Дон Кихота:

*Так мне в душу врезан образ
Дульсинеи из Тобосо...*

В истории Маджнуна и Дон Кихота как разных, даже противоположных цивилизационных архетипов выявлены две парадигмы. Первая, исламская – от образа к тексту, мы ее назвали имагинативно-дискурсивной. От реального образа Лейлы – к стихам. Вторая, западная – от текста к образу, это – дискурсивно-имагинативная парадигма. От рыцарских романов – к вымышленному образу Дульсинеи Тобосской.

Здесь можно было бы и остановиться. На поверхности в «Хитроумном идалго» – история легковерного человека, который принял за чистую монету небылицы рыцарских романов и пустился искать подвигов и чудес, а по ходу повествования принимает одно за другое – ветряки за великанов, бурдюки за великанские головы, баранов – за войско. Он натывается на жесткую реальность, которая не имеет ничего общего с атмосферой рыцарских романов. Но истинная парадигмальность Дон Кихота в рамках западной цивилизации, отличной от исламской, состоит в том, что Дон Кихот, двигаясь от текста к воображению, идет дальше – реализует плоды собственной фантазии, определяемой текстом, и, начав с себя, изменяет окружающий мир, приводя его в соответствие с плодами своего воображения, которые были порождены восприятием текста.

Текст трансформирует реальность. Этот парадигмальный для западной культуры процесс демонстрируется в «Хитроумном идалго» по двум линиям. Одна линия превращение реальности в своего рода контекст рыцарских романов, в котором Дон Кихот действительно оказывается странствующим рыцарем. Окружающие Дон Кихота персонажи – не простые, неграмотные люди, которые книг не читали, а грамотные, образованные, сами книг начитавшиеся и хорошо знающие содержание рыцарских романов, – священник, цирюльник, появляющиеся во второй части бакалавр, граф и графиня, – все они укрепляют Дон Кихота в уверенности, что он есть странствующий рыцарь. И постепенно мир вокруг него, благодаря усилиям этих читателей, становится антуражем рыцарских романов.

Это происходит вследствие того, что окружающие, желая хитростью избавить его от охватившего его безумия, предлагают при этом не лишённые безумства способы, уверяя его в реальности мира странствующего рыцарства. Так, рассуждая, к слову сказать, как типичные «западники» – в общих категориях («если, мол, устранить причину, то следствия, может статься, отпадут сами собой»), они сжигают все рыцарские романы и, пока Дон Кихот болел, заму-

ровывают хранилище, в котором он их хранил. А исчезновение входа в хранилище объясняют Дон Кихоту тем, что комнату унес злой волшебник. Вторая часть (издана через десять лет после первой, в 1615 году) начинается с еще более хитроумной комбинации, в которой сквозит еще большее безумие, – бакалавр Самсон Карраско уговаривает Дон Кихота выступить в новый поход – с той целью, чтобы затем, переодевшись странствующим рыцарем, нагнать его, завязать с ним бой, победить в этом сражении и, по предварительному установленному условию схватки, заставить его сделать то, чего желает победитель – велеть Дон Кихоту вернуться в родное село и впредь в течение двух лет никуда не выезжать. Все получилось не так, как замышлялось, но в лесах Испании в дополнение к Дон Кихоту появился, как минимум, еще один странствующий рыцарь (между прочим, Рыцарь Зеркал), который выполнит свой безумный план только в конце второй части «Хитроумного идальго».

Более всего в реализации антуража романов о странствующих рыцарях преуспели граф с графиней, которые, из желания поразвлечься, не пожалели усилий и средств, — вплоть до того, что были устроены инсценировки с участием Мерлина и Дульсины Тобосской, лжеграфиней Трифальди, волшебным конем Клавиленьо[6] и т. п. Ко всему прочему они устроили так, что Санчо Панса, в соответствии с давним обещанием Дон Кихота, стал-таки губернатором, и губернатором неплохим – справедливым, мудрым и не мздоимцем[7].

Но и это еще не все. Дон Кихота действительно воспринимают как странствующего рыцаря. Дон Диего де Маранда, человек полностью вмняемый, образованный и умный, который стал свидетелем сражения Дон Кихота со львом, представляет своей жене Дон Кихота без тени иронии как «странствующего рыцаря, самого отважного и самого просвещенного, какой только есть на свете». А к самому Дон Кихоту он обращается со словами восхищения и уважения как к носителю идеалов странствующего рыцарства: «Если бы установления и законы странствующего рыцарства были утрачены, то их можно было бы сыскать в сердце вашей милости, будто в нарочно для этого созданном хранилище и архиве». Дело доходит до того, что у Дон Кихота как у благородного странствующего рыцаря люди ищут заступничества – как это сделала донья Родригес, разуверившись в справедливости герцога («надеяться же на правый суд сеньора герцога – все равно что на вязе искать груш»).

Вторая линия в «Хитроумном идальго» иллюстрирует парадигмальный для западной культуры процесс трансформирующего воздействия текста на реальность. Начнем с очевидного: все, что и

действительности произошло с Дон Кихотом (а он часть реальности) и всеми остальными героями «Хитроумного идадьго» (если не считать вставные новеллы), было вызвано к жизни неким исходным фактом – наличием в обороте особого типа дискурса, рыцарских романов. Именно они стали первопричиной и сумасшествия Дон Кихота и его безумных начинаний и всей сложной системы поступков и действий других людей, как сопротивлявшихся безумству Дон Кихота, так и принимавших его рыцарство за действительность. Или колеблющихся – были и такие.

Но во второй части «Хитроумного идадьго» линия влияния текста на реальность прорисовывается еще четче. Прежде всего, Дон Кихот действует в новой действительности – в такой, в которой есть не только рыцарские романы, но и роман о нем самом (первая часть «Хитроумного идадьго»), который – по многим свидетельствам, имеющимся в книге, – успел воздействовать на читателей. И не только в том смысле, что они воспринимают Дон Кихота как сбрендившего чудака. Когда Дон Кихот и Санчо Панса встречаются с двумя девушками в одежде пастушек (сделанных, правда, из чудесной парчи и шитой золотом тафты), одна из них восклицает в восторге: «Ты знаешь, кто этот сеньор? Так вот знай же, что это храбрейший из всех храбрецов, самый пылкий из всех влюбленных и самый любезный из людей, если только не лжет и не обманывает нас вышедшая в свет история его подвигов, которую я читала. Я могу ручаться, что спутник его – это некий Санчо Панса, его оруженосец, с шутками которого ничьи другие не могут идти в сравнение». Другая пастушка сообщает, что Дульсинею Тобосскую уже «вся Испания признает первой красавицей».

Именно чтение первой части «Хитроумного идадьго» заставило герцога и герцогиню, ключевых персонажей второй части, сделать то, что они сделали. Это о них как о безумцах говорит Сид Ахмет Бен-инхали, и их сумасшествие вызвано воздействием текста.

Примечательно, что первая часть «Хитроумного идадьго» воздействует на самого Дон Кихота – не непосредственно (он ее не читал), а опосредованно, через тех, кто уже прочел ее. Но трансформация текстом реальности – самого Дон Кихота как действующего лица – на этом не заканчивается. Тот (в настоящей второй части) случайно узнает, что существует уже фальшивая вторая часть «Хитроумного идадьго», в которой описаны события, не соответствующие реальности, например, вещь совершенно невозможная – то, что Дон Кихот разлюбил Дульсинею Тобосскую. Это – ложный текст, самим фактом своего существования подтверждающий реальность отвергающего его истинность Дон Кихота как странст-

вующего рыцаря. И он также влияет на реальность – не в том смысле, что Дон Кихот следует ему, а в том, что он умышленно поступает вопреки ему. Если раньше он направлялся на рыцарский турнир в Сарагосу, то, узнав, что этот турнир с его участием уже описан в ложной второй части, он решает, что в Сарагосу он не поедет («ноги моей не будет в Сарагосе»), а поедет в Барселону, «и тогда все увидят, что Дон Кихот, которого изобразил он, это не я». Конструкция дискурс – реальность – дискурс – реальность усложняется, но именно дискурс все снова и снова определяет реальность.

При этом Сервантес показывает, что спятить и затем в состоянии помешательства – сначала индивидуального, потом коллективного – реализовывать некий мир, первоисточником которого является дискурс, – прерогатива не только читателей рыцарских романов и романов о читателе рыцарских романов (Дон Кихоте). Есть и другие темы для того, чтобы сбрендить от чтения и начать реализовывать тексты. Те пастушки, которые восторженно встретили Дон Кихота как странствующего рыцаря, были заняты со своими друзьями реализацией иного текста – о «пастушеской Аркадии». «В одном селении, расположенном в двух милях отсюда, проживает много знати, идалго и богатых людей, и вот мы с многочисленными друзьями и родственниками уговорились целой компанией, с женами, сыновьями и дочерьми, приятно провести здесь время... и составить новую пастушескую Аркадию». Испании спятила от чтения книг.

И, наконец, самое главное. Великий и поучительный парадокс «Хитроумного идалго Дон Кихота Ламанчского» – в том, что Дон Кихот реализовал-таки свой безумный замысел, навеянный чтением рыцарских романов. Он, как и задумывал, «стяжал себе бессмертное имя и почет» – при том, что Дон Кихот – не более чем дискурс, воздействовавший на реальность западной культуры.

...Как в Зеркале, одна культура, западная, пишет слева направо свой дискурсивно-имагинативно-перспективный сценарий, а другая, исламская, – справа налево – свою имагинативно-дискурсивно-ретроспективную историю. Они расходятся, и расхождение было заложено еще тогда, когда мусульмане стали зачарованно вглядываться в металлическое Зеркало.

[*] Заключительная часть книги Александра Игнатенко «Зеркало ислама» (готовится к публикации в «Новом издательстве»).

[1] Особая тема – как дискурс превращался в рамках европейской культуры из словесного в образный и как он с еще большей результативностью стал формировать реальность.

[2] Фильштинский И. М. История арабской литературы. V – начало X века. М.: ГРВЛ, 1985. С. 236–237.

[3] Здесь и далее стихи Кайса Ибн-аль-Мулявваха цитируются по изданию: Арабская поэзия Средних веков (Библиотека мировой литературы). М.: Художественная литература, 1975. С. 143 и след. Стихи в переложении С. Липкина по подстрочному переводу И. М. Фильштинского.

[4] Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / Перевод с испанского: Н. М. Любимов. Перевод стихов: Ю. Б. Корнеев. В 2 ч. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. Ч. 2. С. 423 (Глава 46).

[5] Западноевропейская куртуазная поэзия и песни трубадуров и менестрелей находились под большим влиянием арабской любовной лирики.

[6] Летящего по небу Клавиленьо вполне можно рассматривать как угасающую реминисценцию тех волшебных скакунов, которые носили по небу суфийских вали-святых. См. раздел книги «Вселенское Зеркало как хранилище цельнообразных знаков».

[7] Можно спорить, был или не был на самом деле Санчо Панса губернатором. Он не был им для вассалов герцога, который устроил всю эту инсценировку. Но он им был для тех жителей, чьи дела он разбирал, для встреченных им ночью брата и сестры, которые обменялись одеждой. Был он им для своей жены — Тересы Панча, которой как жене губернатора графиня прислала письмо и кораллы — настоящие — в подарок. Не важно, что губернаторствовал Санчо всего несколько дней. Случались в истории правители, которые просидели на троне еще меньше. Вообще историю губернаторства Санчо допустимо рассматривать как притчу о зависимости властелина от ближайшего окружения.

Отечественные записки, № 5 (13), 2003

Приложение 3

Статейный список Федота Елчина (1639 мая 29-1640 август)

Лета 7147-го мая в 29 день по Государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу[1] указал Государь быти на своей[2] Государеве службе в Дидьянской земли

Федоту Елчину[3] да с ним попу Павлу да подьячему Федке Баженову[4].

У руки царьской были маяя в 29 де. Отпущены с Москвы июня в 2 де.

/.../В Астрахан приехали августа в 7 де[9]. Отпустили августа в 19 де.

На Терек приехали августа в 29 де[10]. Отпущены с Терка сентября в 22 де.

В Алегукину Кабарду приехали октября в 2 де[11]. А в роздачу дано Хапупе мурзе четыре аршина сукна краснова аглинскова, да зеркало немецкое с потальею большое. Да Отажук мурзе дано четыре аршина сукна краснова аглинскова, да зеркало большое немецкое с потальею. Да Алегукиной жене дано зеркало большое немецкое с потальею[12]. Да провожатым Хапукину узденю Пшуке дано два аршина сукна краснова аглинскова, каторые провожали да **Карочаев** ис Кабарды.

А в **Корочаеву** Кабарду пришли октября в 13 де[13]. Да **Карачевскими** князьям двум братом дано Елбуздуку да Елистану четыре аршина сукна краснова аглинскова да восем киндяков.

Да Олегука прислал из Обазы октебря в 29 де узденя своего Уранбу, а велел у меня у Федота взят четыре аршина сукна краснова аглинскова[14].

А пошли ис **Корачеев**[15] октября в 28 де; а пошли покинув села в **Корочаях**[16], а после нас Хапука мурьза черкаскай взял к себе лошади.

А пришли в Сонскую землю⁷² в деревню Влешкараш ноября в 1 де. А пошли из Влешкараша ноября в 2 де.

А пришли Вескеру тагоже числа. Да оне ш несли вьюк ис **Корачан**, а изо вьюка вынесли сукна лазоревава десят аршин да два зеркала болшие немецкие с потальею да двенацат ножей да кумач; да им жо дано за пранос два аршина сукна.

А ис Соней пошли ноября в 9 де; а в Дидьянскую землю пришли ноября 13 де в деревню в Худоню. Да Сонским провожатым дано, каторые провожали да дидьянския земли, четыре аршина сукна настрафилю краснова да восем ножей немецких да четыре зеркала. А провожал Уранканской князь Обоза⁷³.

Ноября 18 де[17] пришол поп Гаврила, а сказал Федоту: прислал де ко мне наш царь грамоту Левонтей и грамоту перед Федотам чол, а в грамоте к нему Гаврилу писона от Левонтья царя от Дидьянскава жалованья и слова похвалная: рад де я тебе, Гаврила, что тебя Бог ко мне принез ис такава далняго государства и таму де обрадовался слышучи, што с тобою есть от великого Государя царя и великово князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца послалник и тебе б де от меня ему сказать поклон, да спросить о здо-

ровье – здорова ль он шол дорогою. И Федот против ево царева слова поклонился ниско[18].

Ноября в 21 де приехал от царя Левонтья от Дидьянскава епискуп Ондрей да с ним архиморит Артемей, звал к себе Федота и попа Павла обедать; а приходил звать поп Гаврило, кой на Москве был послом, да с ним пристав, кой нас встречал на первом наслеге, а имя ему Мануило. И как мы пришли к нему, у него стоит крест серебряной и позолочон, а на кресте распятия Христа по правую сторону Богородицын оброз, по левою сторону Иван Предотеца, а на возглавье архангиль Михаил, а у подножья Иван Богослов; пот крестом округ четверугольной – напреди округа у подножья пречистые Богородицы Одегитрея, а на правой строне великого мученика Георгия, а по левою сторону Федора Стратилата, а назади округа мученика Димитрея Селунского; округ утвержон на посохе. И мы кресту поклонились и у епискупа у благословенья были и у него за столом сидели. И епискуп спрашивал про Государя царя и великого князя Михаила

Федоровича всеа Русии про ево Государьское многолетное здоровье. И Федот говорил: как есми поехал от Государья своего от его царьского величества и милостью Божью Государь наш царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии самодержец многих государств Государь и облодатель на своих царьских великих и преславных государствах в добром здоровье.

И опять спросил о потриархе Иасафе⁷⁴ Московском и всеа Русии. И Федотава слова: как я поехал по Государеву указу с Москвы и велики господин светейший Исаф потриарх Московский и всеа Русии при Государьской державе милостию Божнею дал Бог здрав.

Ноября в 23 де приходил к нам епискуп и с архиморит с Ортемьем и поседел. Архиморит стал говорить, стал спрашивать попа Павла: вера де у нас одна христианская толко де нас Бог языки рознил[19]. Стали они говарить с попом Павлом архиморит как Господь сотворил небо и землю и потому отто Адама што была родов и хто ково родил. И да тава дашло-архиморит стал говарить: прежде был Еноха Илья; и поп Павел стал говорить: Енох де был да потопу, а Илья де был и по потопе много лет спустя. И потом у них стал спор, а розвести не умели, да и покинули говарить.

Тагож дни были мы у вечерни с епискупом с Ондреям и епискупа мы стали спрашивать, идучи от вечерни, задирать распросам оп той же речи, штобы с ним опять поговарить. И епискуп Андрей молил: ведодем де мы и сами, што ваша христианская вера тверда, а у нас де нолеча кручина. И Федот молил: што у вас за кручина? И епискуп

сказал: в прошлом де во 147-м году царица де у нас преставилась 75 июня в 1[20].

Декобря в 2 де приехал Гаврила поп от царя Левонтья, а сказал Федоту. Велел тебе царь Левонтей спросить об здравьи[21].

Таго же числа поп Гаврила стал гаварить: поедем де мы в Роже-ственской монастырь Богу помолимся и святыни Божья посмотрим и святых мощей увидиш.

Декобря в 3 де а ездил епискуп Ондрей да Федот да поп Павел в Рожественской монастырь и там начавали. И показывали нам после завтрени в церкви икону пречистые Богородицы Одегитрея в киоте и тот образ ис кивота вынимали и в киоте под оброзом святых мно-гих мощи, а поимянна нам не росказывали которых святых мощи. Другой обрас показывали с киотам – киот задвигной, а на киоте многих святых и мучеников написана на серебре; под тем оброзом в тойже киоте решотки дробные и в тех решотках святых мощи, ко-торые на образу печатыны, а имян тоже не росказывали. В той же киоте за иконою крест, а сказывают тот крест таво древа, на чом Христос был распят; а в том же кресте вставлены святых мощи во шти местах маленьки жеребейки. А иконы во храму и деисусы и месные оброзы обложены серебром и позолочены и жемчугам об-ложены. Стенное писание все по достоянию; а в небе написан Са-ваоф. А в олтар двери одни царьские, а сиверских дверей нет. А на престоле стоит оброз да крест большой серебром обложон и позоло-чон и каменя видели многия, а окресть креста писоны святыя. А во храм идучи предел в левой руке стоит пусть, а икон в нем нет; в томже пределе лежит камень большой, а на серетке каменн колцо железное, а пот тем каменям сказывают пещора, а в той пещоре сказывают прежних царей кладбища.

Тагоже числа ездили в монастыр к Спасу Всемилоствому[22]. А в церькве оброзы и деисусы и месные оброзы все по достоянию, а окладу добре много; в месном оброзе посреди ево врезан Спасав оброз и оне вынимали показыли нам. А зделона киот задвигной и обит серебром на обе стороны и позолочон; и киот разнимали[23] Спасава образа врезан крест животворящей, а сказывают таво дре-ва, на чом Христос был распят, а посторонь писано царя Костенти-на и матери его Елены. Да на той же цке врезаны святыя мощи же-ребейками, по гнездом подписаны и нам сказывали по потписям епискуп Ондрей которых святых – мощи Козмы и Дамьяна, мощи Азария и Мисаила, мощи Понтелимона, мощи Данила столпника и Кирьяка, мощи Ивана Дамаскина, мощи Варвары Христовай муче-ницы, мощи Анастасеи, Аньны, мощи святыя мученицы Анны, мо-щи святыя мученицы Марины, мощи святыя мученицы Фекли, мо-

ши святягы мученицы Екотерины, моши Димитрея Селунского, моши святого мученика Харлампия, моши Ондreja Критицького, моши Федора Тирона, моши Егоргия стростотерпца, моши Григория Богослова, моши святого апостала Матвея, моши святого мученика Прокопия, моши великого чюдотворца Антония да ризы пречистыя Богородицы малой жеребей да гупки малая часть, как Христа распинали и поили желчью на кресте, моши мученика Киприана, моши священнамученика Власия, моши Якова Перскаво, моши Федора Стратилата, моши Ивана милостиваго, моши Василия Кисарийскаго, моши святого чюдотворца Николы, моши святого Спиридона, моши святого апостала Мотвея.

У царьских дверей на левой стороне притворец, а в притворце казали моши, а потписей на них нет которых святых; у подножья оброза на правой стороне притворец, а в притворце рука крестителя Господня Иванна. И мы стали спрашивать: откуда та рука принесена и кем? И оне сказали нам: принес де ту руку потриарх Ерусалимской, а той де руке по се число сто семдесят лет, а потриарху де мы имя пропрямятовали. И мы спрашивали про иных святых моши, которые писаны. И оне сказывали: те де моши принесены от Ерусалима при прежних царех; а летописи у нас оп том нет, а наизусть скажат не помним.

Да образ отца царя Левонтья Дидьянскаго Мануила (Манучар I – Дж. Г.) моленье – оброз месной, серебром обложон и позолочон и камен втирона; на левой стороне притворец, а в притворце святягы моши, а потписей нет которых святых. Евангилья строенья царя Левонтья Дидьянскаго писана по харатье, украшено серебром и золотом и жемчугам с обе стороны, а промеж евангилья писаны святягы золотом, а креста на том евангилья нет; а другое евангилья вынасили все в золоте с одну сторону Распятия Христова.

Декабря в 3 де епискуп от нас поехал и поп Гаврило с ним жо.

Тагоже дни перевели нас ис Спаскава монастыря версты с четыре в деревню Жахар[24].

Ноября в 7 де сказал Осип: Гурьелская царьства под Диянским царем, а преже сего владел Гурьелской князь Симон⁷⁶, а за ним де была царя Левонтья сестра. Во 148 году таво князя Симона поланил царь Левонтей и царьства под себя взял и глаза ему выжох и он де у нево был в зоточенье 3 год, потому де у нево он у ушол и по си места безвесно. А Грузинских царей царьство Тюфлис, а владеет им ныне шах, а посожон от шаха их же Грузиеской царевич, а имя ему Урустам⁷⁷. А ныне де Левонтей царь Дидьянской выдал за нево сестру свою.

Декабря в 12 де прислал Левонтей царь двух псарей в деншики к Федоту.

А в новой год действуют с Васильева дни. Да к Федоту по утру рано приходили поздрав-ствовать, а приносили пшена сарачинскаго[25], а на пшене лежит винаград[26] да яйцо[27] да на шешлыкe приносили лапатку мяса да яблоко да у всякаго человека в руках по хворостинки плоду всякаго плоду; а сказали: у нас де так ведетца, с нонешнево дни починаетца новой год.

Декабря[28] в 4 де прислал Левонтей царь азнаура, а имя ему Та-вей, руду Кучилиянского[29], а говорил Федоту: велел де вас Левонтей царь спросить об здоровье и говарил Федоту: не кручинна ль де вам? И Федот говарил: милостию Божию, Государьским жалованиям и великого Государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и Левонтья царя Дидьянскаго не кручинна, одна леша на нас забота, что не дал[30] долго царь Левонтей очей своих видить, и мы бы исправили повеленья великого Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца. И азнаур молыл: што бы де вам пожалавать не подосадывать; ныне де у нашаго царя Левонтья кручина по царице, а как будет ево время и он вас велит перет собою поставить[31].

А царь Левонтей дает Турскому царю дань по осми сот аршин полотно да Ясырю дает по трицети душ и по сороку; а дает для таго, чтоб приходили карабли с торгом, а кой год не будут карабли и у них тот год скудна солью и железом. А не бывали к нам оне со ста четыредесят четвертаго году; а миром говорят потому де оне к нам не ходят каряблями, что боятца казаков, с тех де мест мы им и дани не даем.

Генваря в 31 день поехали из деревни Жахара, а приехали начават в деревню в Бодъжи; а в Бодъжах съехались с епискупам с Ондреям. Февралья в 1 де приехали в деревню в Кедзи; а ис Кедзей поехали в село в Пудцкур февралья в 2 де, а в селе в Путцкуре стоит церковь деревьяная во имя Сеимиона Богоприимца подле двора царева[32].

Февралья в 5 де выехали мы по реке по Моргуле к морю Чорному на конех. Епискуп Ондрей говорил да крестовой поп Гаврила сказал: есть де у нас река Ръян (Риони – Дж. Г.). Приехали де[33] к нам казаки и стали на устье и нашева де царьства люди выхадили и всякою торговлею с ними торговали: и услышал Турс-кой да прислал 16 катарг и казаков побили. И потому де Турской царь стал на Левонтья царя рен держат[34], потому что де у вас одна вера христьянская с русскими людми, а разаряете де вы заодно с казаками мое государство[35]; и будет не захочеш с русскими людми заодно и я

де тебе дам людей и ты забей по рекам устья, чтобы им не было пристанища. И наш де царь Левонтей таво не похотел и он де Турской царь на то розгнеvas да прислал каторги во 145 году мая во 18 день и велел монастырь розломать и розметать. А монастырь был во имя Пречистые Богородицы Одегитрея; а нашава де царя Левонтья не было дома, ходил на Бошячюйскаго князя войною. Да у нашава де царя Левонтья надежа на Бога да на великого Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца на заступу; толко будет к нашему царю Левонтью и он хочет и сам противитца против Турского царя. Да как де бы Государь поволит казакон инде бы добре была нашему царю Левонтью помочь от казакон: как де бы оне ходили на Турские украинные города и назат, идучи на море, изнимет Фуртыны или[36] катаржная высылка и оне б приставали к нашему царьству, которые реки из нашава царства пали в моря, и наш де царь Левонтей их оберегал; а на босурманские языки ходили заодно78.

Февроля в 6 де были в монастыре с епискупам с Ондреям Федот да поп Павел. В том монастыре храм каменной во имя Пречистые Богородицы Одигитрея, а в том храму образ месной Пречистые Богородицы Одегитрея в киоте, а на другой строне креста Распятия Христова, а в том кресте мощи две кости ручные, што от лактя к ладони; а сказал епискуп, што те мощи святяга мученицы Варвары. Да показывали обрас в киоте, а на том оброзу написана Распятыя Христова, у подноже креста 6 жеребейков втерто святых мощей; и мы их роспрашивали про те мощи: скол давно те мощи у вас и кем принесены и которых святых во имя? И оне нам сказали: летописи скать у нас нет, погаму што Турские люди приходили и монастырь разарили и летописи пожгли, а наизусть сказать не помним. А назат поваратили тагож числа иною дароугою. Февраля в 7 день начавали в деревне Пшехапе. Февраля во 8 день начавали в деревне в Китоуле. Февраля в 9 день были мы в монастыре в Мокшенском79 с епискупам с Ондреям да с Максимама80; показывали нам Федоту да попу Павлу мученика Стефана архидьякона руки обе целы и ножные кости да крест таво древа, на чом Христос был распять; да нам же показывали дробные жеребейки святых мощи мученицы Ирины, мощи мученицы Меланьи, мощи мученицы Евгении, мощи мученика Никиты, мощи мученика Меркурья, мощи мучеников Проваторха и Андроника, мощи приподобнаго Лариона, мощи Власия, мощи святаго чюдотворца Николы, мощи Лазаревы, мощи Амбросимовы Медиаламскаго, мощи Луки евангелиста, мощи мученика Аверкия.

Февраля в 9 день были мы в монастыре в Егорьевском Федот да поп Павел, а ездили с епископом с Ондреям. Среди церкви перет царскими дверми зделон престол, а на престоле стоит крест большой, а на кресте писаны чудеса страстотерпца Гегоргия мучения[37], да оброз Пречистыя Богородицы Одегитрея; а другой оброз стоит стростотерпца Христова Гегоргия со крестом. А кругом монастыря ограда каменная[38], а ворота одни, притворы железные. А чудеса мученика Гегоргия рассказывали: ноября в 3 день приедет де наш царь Левонтей на ево прознество молитца и все православные христьяне съдутца. Волею де Божью[39] бывает тут приведен бык и таво де быка велит царь Левонтей освеживать и всем православным христьяном росдаст по малой части, каму што дастанетца, да плечо пошлет Гурельскому князю, а другое пошлет плечо Босечуйскому князю[40].

Февраля в 10 день были мы в монастыре Федот да поп Павел, а ездили с епископом с Ондреям. А монастырь во имя Пречистыя Богородицы Одегитрея, а таво нам разводу не дали, каторой во имя Богородицы – вет скать одна Богородица. Да тут же в монастыре оболосся епискуп Ондрей в ризы да с ним поп, выносили из олтора со престола Господня[41] в черном бархате, а шита кругла што голова; а на бархате вышита Распятия Христова, подле Распятия Христова вышита образ Богородицы, а по другую сторону Иван Предотеча, а назади главы вышит крест, а держит царь Костеньтин⁸¹ и мать ево Елена. А тут де за царскою печатью гвоздя да[42] связи и волосы и бороды Господа нашего Иса Христа, а[43] показать де мы не смеям без царя, царь де вам сам покажет⁸². А епискупа в том монастыре завут Евтихей.

Февраля в 14 день приехали к Ондрею епискупу в монастырь в Тростцкой; а из монастыря поехали в 17 день, а приехали в деревню в Дежихи[44].

Марта в 23 день говорил Федоту ключник дворцовой Дементей царя Левонтья: грехом де нашим учинилось, што у нас де царицы не стала; а поиск де был царские милости Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца по ее царицыну умышленью, говарила она царю Левонтью, што послать посла к царской милости и проведать Московское государство и рассмотреть православная вера христьянская вера; а[45] для де таво, што от Донских казаков многа им налогу и разаряют[46] их государство, а хатят они таво Государския милости, штобы к ним казаки не ходили и шкоты бы им не чинили. Да[47] он же сказывал: нонеча де у нас царь Левонтей в великой кручине, а ходит де в черном платье; а как де царица умерла, с тех мест царь не есть ни рыбы

и мяса, ни сыра, ни яиц, ничево скорому. Да съежались де к Левонтью царю ближние люди и власти, а гаварили ему оп том, што положить печаль на радость, а платья переменить, а царицу поминать хлебом да солью, а скоромное кушать: волею де Божью у мужа жена умирает, а у жены муш умирает, а потому прилагают печаль на радость; а прежде таво у отца и у деда таво оброса не бывала. И он им откозал с кручиною: а таво де у меня никто не ведает, што у меня на серцы: поспели б де вы мне говорить, как и години вышли, а и тагды скать как Бог благоволит. – У Левонтья царя отец был Монуила, тешился за оленем да с коня упал да ушибся⁸³; а привезли де ево дамой жива. А брат де у него был меншой Юрья и он де ево к себе призвал да привел ево ко кресту, штобы ему самому царством не завладеть, а посадить ево сына на царства Левонтья; а царь Левонтей остался молот, а приказал ему владеть, дакуды Левонтей царь взнужает. И он на правде устаял: как Левонтей царь взнужал, ин ево и посадил на царства. И он будучи царем да отгел у дяди у роднова у Юрья жену, а понел ее себе женою⁸⁴; и он де с кручины так и сканчался и умер. А с ним у нее была 2 сына – адин Юрья[48], а другой Мелхей[49]; а мы их при царе видели близа. А с царем Левонтьям у нее была 2 сына, да 2 дочери; а сыновья и нонеча живы, а дочь одна умерла, а другую дочь послал Гурельскому князю на збереженья к Вортаму⁸⁵. От Ондreja от епискупа поехали февроля в 17 день, а приехали тагоже числа в волость в Лежихи.

Марта в 1 день послал Левонтей царь в Кабарду к Олегукке мурзе посла своего азнаура Кучалянского роду, а имя ему Тавей, просит за сына своего за болшова за Олександрю дочери.

Марта в 23 день приежжал к Федоту кизилбашенин, а имя ему Беисрякумль, и Федот ево розпрашивал: давноть ты здесь? И он сказал: мне де здесь 5 лет, а пришел де я с кизылбаским послом. А был де я в слонавщиках и слон умер в прошлом во 146-м году и с тех де мест меня царь Левонтей не отпустил, а держит у себя; а для де таво не отпустить, как от шаха придет грамота, так я прочитаю, а как де от царя Левонтья посылка с чем, так де я пишу. Федот ево спрашивал: Богдатель ныне за кем утвердился за Турским ли царем или за Килбаским шахам? И он сказал: за Турским. А Турской де как Богдат взял⁸⁶, так де посылал к Кизылбаскому шаху посла оп том: что де мы деремся? У нас отна вера босурманская[50]. По шахову договору⁸⁷ с Турским царем Мурат солтаном, что быть Козылбаским обызым по их босурманскому закону у святых в Богдате да шаху де давать была на год по 300 вьюков сырцу шолку[51]; на том у них и мир учинился. – И после таво во 147-м году посылал Турской царь Марат султан к шаху Кизылбаскому, чтобы шах ту

дань прислал; и он де ему отказал, не дам. И в нонешнем де во 148-м году Турской царь хотел подиматца на него войною[52]. - Да про царя Левонтья сказывал, что де он голдует на обе стороны Турскому и Казылбаскому, а от Казылбаскава шаха царю Левонтью идет жалованье по 1000 темсней[53] жалованье на год. И денги в ево шах Софе ево имя делает; да ему же от шаха поволно будет: ему ратные люди надобет и ему шах поволит по Куру реку всяких служивых людей, которые шаху служат. Да царь же де посылает Левонтей к Турскому царю и к везирию ясырей, поклоняетца, что де я твой царьской халоп.

А поехали из Жежихи марта в 23 день. А поехали из Жюги марта в 26 день; а приехали в монастыр Пречистыя Богородицы в Мордули к митрополиту Митрофану. И он встретил нас Федота в церкви в ризах с евангильям, потом обедню служил сам; после обедни имал нас к себе за стол. А как мы пришли к нему в столовою и он спросил про Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси. И Федот говорил: как есми поехал от Государя своего от его царьсково величества и милостью Божью Государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец, многих государств Государь и обогодатель на своих царьских великих и преславных государьствах в добром здравье. Митрополит спросил про светейшего патриарха Иасафа Московсково и всеа Руси здравья и про спосение, да еще спросил про православное христьянство и про весь причот церковной. И Федот говорил: Божию милостию великого Государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси[54] счастьем и ево государьскою молитвою праведною православние христьянства пребывают по закону Христову и по учению апостолскому в ево государеве державе.

Да великой мы четверг были у обедни в том же монастыре. А у обедни были два[55] причастника; а пришли к Тайне Божьей не прекрестясь, а прочь также пошли от причастья креста не целовали у потиру[56]. В великую пятницу митрополит ставил середь церкви крест[57], а по обе стороны лежали мощи, да тутжо лежала перет крестом евангилья; крест был накрыт пеленою. После вечерни крест и мощи снес в олтарь, а на павечеринцы принес воплощеницу на одре, как Господа нашего Иисуса Христа сняли со креста напечатана, поставил против царских дверей галовою на полночь, а ношкоми на полдни. А на завтрени в великую субботу выносил вон и круг церкви с мощми опшед, опока принесли во храм, поставили в олторе перед престолом; а митрополит шел наперед с евангильям, а пели идучи наперед, а каженья не было[58]. После завтрени мы говорили митрополиту, что довелось было тебе итит назади мошей,

а дьяконом напереди да кадить; и митрополит молил знаю де я и сам, толко де одиночество мое.

Месяца февроля Турской царь умер Мрат солтан, а на ево место сел брат ево меньшей Абраим сальтан⁸⁸.

Апреля в 5 день обедали у митрополита Федот да поп Павел за столом. И митрополит роспрашивал про руское государство: давноть крестилась во имя Отца и Сына и Святого Духа? И мы сказали: русское государство крестилось 652-й год при великом князе Владимире Киевском^[89]. И мы ево против таво розпросило: давно ли ваша царьство крестилось в православною христьянскою веру? И митрополит сказал: наша де царьство крестил Ондрей Первозванной, а найзусть де я не помню сказать, давноть царьство крестилась; а се де наше царьство после таго трижды веру теряли, да после таго опять веру исправили от Синайских гор от царя Контентина. А те Грузинские земли Темразова и Бошечуйская и Тюфлиское и Гурельское крещены опосле нашия Дидьянския земли; а прислала скать^[59] некая праведная девица от Ерусалима, а имя ей Ненила⁹⁰, по ее присылке те земли крестились. – Да в прошлом де во 141-м году присылал де к нам^[60] папа Рымской шести старцов⁹¹ на искушенья; да прислал де рызы церковные и клубук светителской ко мне к митрополиту, а говорил нам так, что де вы потеряли христьянскою веру, папа де нас прислал вас учить и веру утвердить. И мы де их розпросили: как у вас ведетца? И они де стали сказывать: как де выдешь из бани да станешь платье одевать, доведетца скать^[61] рызы и клубык положить под ноги. И мы де о том пособоровали и подумали, видим де что они к нам пришли на искушенья и мы де им откозали: ненадобить де нам ваша вера и ученье.

Апреля в 7 де поехали из монастыря из Мордули (Мартвили – Дж. Г.), а приехали тагоже числа к стростотерпцу Гегоргию. Апрель в 23 де в Егорьевском монастыре были у завтрени; а у завтрени был потриарх Максим да митрополит Митрофан да Гурельской князь Вартам (Вахтанг II Гуриели – Дж. Г.) да и все тут были ближние царьские люди да и всей земле тут был съезд. – После завтрены до обедни вышли на плошь потриарх и митрополит и все люди многия, а вывели месною икону страстотерпца Христова Гегоргия, поставили на столбе ликом на полноч. Против ево, оброза сел мужик на храму^[62] да вдел на себя другой оброз страстотерпца Гегоргия да стал говорить во весь мир, а миру в те поры запретили, чтоб ништо не говарил: послушайте де меня. Яз де ныне начевал во храму, а сказывал де мне ныне Гегоргей: людей де моих низобижайте, которые в мое имя веруют. А сказал им то, что во весь год

родитца ль хлеб и плодитца ль скот и кому живу быть или кому умереть. А таво[63] сказывал с час з боевой, а в те поры у оброза службы не было и ни кадили кадилом. И мы про то спросили: почему тот человек пророчествует: святой ли он или Богу подвижон и грамоте умеет ли? И они сказали: грамоте не умеет; а то де у них тот род их ведетца, которой умрет и из их же роду иной человек станет розказывать Егогорьевы словеса в мир. И они розпрашивали Федота: вы де веритель тому? И мы им ответ дали: мы тому не веруем, ложь то есть[64], потому что после Рожества Христова[65] пророки лживы. А как мужик слез с церкви и они[66] ударили из палки и в чекуши и тут у них стал зук великой; и мы их оп том спросили: што у вас то ведетца не по крестьянски? И они сказали: то де они молетца стростотерпцу Христову Егорью, а проклинают тех, што у каво кто украдет или учинит насильство.

Да приходил к нам митрополит Митрофан, а говарил так: видите де вы сами, что они не крестьяня, творят дьяволщину. А родам митрополит Темразовой земли ис Тюфлиз. Да тут же были гречиские старцы и они про то говорили: мы де такой веры нигде не видали. Да тот же митрополит Митрофан был у святых гор 12 лет, а учился грамоте греческой[67].

Апреля в 27 де велел Дидьянской царь Левонтей быть Федоту на посолстве в Зигуре[68]. И как поехали на посолство, Левонтей царь выехал от двора версты с полторы, а с ним был потриарх и митрополит и епискупы да конных с ним было с 500 человек, да перед ним несли крест и оброз Пречистые Богородицы. Сехався с ним, с лошедей ссели и у руки были и грамоту Государеву Федот Левонтью царю подал. Потому стал говорить против наказу титло и он молил: садись де на конь да поедем на подворье, в ту пору и реч говори. И мы сели на лошади, за царем поехали на подворье и Федоту царь велел ехать у себя по правую руку[69], а речей никаких едучи не было; да не доежжаючи да подворья згоны, царь поехал наперед[70], а нам велел ехать потихоньку. И мы услышали, что есть у нево ис Тюфлиса посол и мы, ехать не хотели, потому Государева указу нет, чтобы с Кизылбаскими или с Турским послом на посолстве быть вместе. И они нам сказали[71]: не Козылбаскова и ни Турскава, наша де провославная христьянства и друзья нам и свои; мы от них ничево не вскрываем. И Федот тут стаял с час времени и ехать не хотел, а хотел поворотится назад; и они нас не пустили. А с нашими речми ездили ко царю трижды и царь от себя прислал ариморьта Микулаза; и архиморит говорил: поетте де пожалуйте, не опозорте царя, потому что царь встречал вас сам с потриархом и с митрополиты и с епискупы; а таво не опосайтесь. по-

верте моей черной ризе, что[72] те люди не Кизылбашене, а при-слоны не от шаха. Да велел вам Левонтей царь говорить о том: как будете передо мною и вы леша[73] обестите про Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси про многолетное здравье; а каторые у вас будут царственные речи и я де у вас стану слушать с потриархом да з дьяком, а иных людей не будет никаво. И мы к царю пришли и пришеть к царю[74], Богу помолились; Федот стал говорить титло против наказа, каков ему в Посолском приказе дан за дьячьєю приписью, а изговоря речь поклонился. И царь в те поры сидел и шапки не снимал, а потому Леонтей царь спросил про здравье великого Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси[75] самодержца сидя ш. И Федот против таво говорил: как есми я поехал от Государя своего от ево царьского величества и Божьею милостию великий Государь наш царь и великий князь Михаила Федорович всеа Руси самодержец и многих государств Государь и обладатель на своих великих и преславных государствах в добром здравье. И Леонтей царь молил: слава тебе, Господи, што велел Бог слышать про такова великаго Государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца про многолетное здравье. Потом велел нам сесть против себя неподслеку,[76] а речей никаких не было. Да дьяк прислал спросить поти хоньку Федота: грамота де Государева мошьно ли прочитатъ при всех людях? И Федот молил: Бог волен да Левонтей царь как изволит, так и прочитает; а мне[77] то несведома царьская мысль в Божье руке. А в шетре посидели с четверть часа, а в ту пору от царя Левонтея ис шетра люди все розъехались; и Федот встав речь говорил по ноказу, каков ему дан ис Посолского приказу за дьячьєю приписью; а в ту пору царь Левонтей речь слушал с потриархом да с дьяком своим думным[78].

А от митрополита поехали от Митрофана из Егорьевскаго монастыря апреля в 29 де. А ключник царев Дементей поехал от нас к царю апреля в 29 де; а на ево место приехал сытник Потап⁹².

Апреля в 30 де приехали в монастырь в Хони к орхимориту Микулазу⁹³ и на монастырь пришли; и архиморит оболочась в ризы и в братьею встретил нас с оброзом Пречистыя Богородицы и со крестом и с евангильем. И мы оброзу поклонились и у еваннилья и у креста были; а пошли во хром и во хрому обедню слушали. После обедни архиморит Микулас показывал пречистые Богородицы срачицу⁹⁴ да мученика Кирика ручка левая по зопястья да мученицы Христовы Марыны ручка правая от ладони до лахтя кость пересечена. А ворот[79] пречистые Богородицы мал верьшка на три и мы про то спросили: чего ради ворот мал? И архиморит Микулаз ска-

зал: волею де Божью год от году ворот зарастает. А срачица широка, а рукава коротки широки, а цветом выбайка багровая; и мы спросили про срачицу и про мощи: откуды взято и с кем принесены? И архиморит сказал: яз де здесь недавно, таво не ведаю откуды взято и кем принесено; а летописи оп том не видал. А после обедни архиморит звал нас за стол и мы у него были и за столом была речь; спрашивал архиморит нас: давноль де Русь крестилась? И мы сказали: русская земля крестилась до конца седмыя тысячи за пятьсот за четыре годы и от крещения русския земли до сех мест 652-й год. А после таво спросил у архиморита Федот да поп Павел: многоль де лет ото Адама до сех мест? И орхиморит сказал: от Адама до сех мест 7152 годы. И поп Павел говарил: в наших де книгах написона лета 7148-й год. И орхиморит посылал по книгу и в книгу смотрил сказал: у нас де в книге написано лета 7152-й год. И потом архиморит речь прекратил[80].

Мая в 1 де пришел Левонтья царя посланник из Олегукиной Каборды имя ему Тавей, а с ним от Олегики пришел посол ко царю Левонтью, а имя ему Эльбуздук; договорились послы с царем Левонтьям взять у Олегуки за сына своего дочь, а дать ему Левонтью царю Олегуке 100 душ ясырю, да 100 серебряных сосудов, да 100 золотных платей, да 100 кабылиц, 100 быков, 100 пищалей, на том у них и даговор стал. И Левонтей царь на том думному своему дяку Потапу и ближнему своему человеку Рамозану велел крест целовать на той правде, што ему по тому договору отдать.

Мая в 18 де нас Левонтей царь ис Шуайскова[81] монастыря взял в Зубдиди к себе; и приветчи нас, поставил на подворье. Прислал к нам епискупа Ондreja да Микулаза да столника своего Рамозана кучюлянца, а говарили нам: прислал де к вам Леонтей царь[82]. А говарили мне епискуп и Рамазан: царь де Левонтей вас перет себя взять стыдитца, что де у него ус и борода побрита в кручине по царице, а велел де вам говарить: посылал де я ко Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии посла своего попа Гаврила и ево де держали 3 годы в есырстве. И Федот говорил, что то Гаврила сказывает ложно, а в есырстве его не держали ни единого дни, а была ему от Государя нашего царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии жалаванье полное[83] и корм поденной[84], а хотя будет ево и держали на Терке, а про него в те поры писали к великому Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси к Москве о указе, потама что про ваше царство было преже сего великому Государю несведамо, а без Государева указу Терские воеводы ево пропустить не смели. А как пришел а том Государев указ на Терек и по Государеву указу Терские воево-

ды послали ево к Москве и отпустили без всякаго задержаня; а Терек от Москвы не ближнее место, а государьство Государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси великое. А посол ваш поп Гаврила как приехал к Москве, по Государеву указу велели ево поставить на подворье, а на другой день думной дьяк велел ево взять в Посолской приказ; и по Государеву указу в Посолском приказе про Левонтья царя и про ваша царства думной дьяк роспросил и роспрося обестил великому Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси. А после тако ден здесять спустя Государь ево пожаловал, велел ему видеть свои царские очи и быть ему на посольстве, и как пришло то время Государя нашего в государьстве реки вскрылись, потому, что зимы бывають студены и реки замерзають, и великий Государь посла вашего попа Гаврила велел отпустить[85] мая в 30 де. А о чем Левонтей царь писал к великому Государю в грамоте своей и великий Государь прошенья Левонтья царя нетставил[86], а посла вашего попа Гаврила своим царским жалованьем пожаловал. И епискуп и Рамазан говарил: видим де мы и сама, что великий Государь христьянский; прежде таво великий Государь был в Риме и там де нонеча перевелось, а подал де Бог[87] вашему великому Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси самодержцу. А наш де Левонтей царь надо всеми в Грузинских странах болшой, а для де таво к Москве посылал, чтоб ваша христьянская вера посмотрит да поучитца; и мы де вам монастыри свои показывали и светыны все видали и мощи святых[88], а нонеча де великий Государь как изволит, так к нам и пришлет. И Федот спросил епискупа Ондreja и Рамазана: што к которой вы то силе говорите о присылке? И они против таво ничево ответу не дали. Да в тоеш пору подана грамота к великому Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси[89]. А нонеча де у нашего царя Левонтья кручина[90], а как кручина минетца и он де к великому Государю посла пришлеть, говарил епискуп Ондрей и Рамазан. Нонеча де вас царь Левонтей отпускает с Олегукиным послом, для таво што Олегукин посол Элистан говарил царю Левонтью, што приказыв говарить Олегука: отпустите Государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси холопей, а моих кунаков. И царь де Левонтей по их слову отпускает вас с Олегукиным послом; а как де бы не Олегукина посла слова и вам де было столко у нас жить,сколко у вас Гаврил на Руси жил[91]. Да в ту пору дали Федоту чарку серебряною да 56 ефимков, да комку Кизылбаскою да дороги Турские[92], а ценою они сочли и сказали на 80 яфимков. Да попу Павлу дан бархат червчеть да комку Кизылбаскою на серетбе; да толмачю да-

ли дороги, да человеку моему, которой писал список, дали дороги. Да им дал Федот, которые приносили, 4 ефимка.

Мая в 19 де отпустил Левонтей царь от себя, а подвод и корму не дал.

Дидьянская земля[93] вдоль подле[94] моря верст с полтараста, а поперек от гор к морю версть с 50[95]. А у них в земле нагота больша, мужеской пол и женской ходят наги. А таргов нет, один торг и есть армянской сорок дворов да 10 дворов жидовских; а ясырь продают и царь и власти и всякие помесные люди, хто где испомещан, а продают все в босурманскою веру, а не продать им есыря, ин де им и нужи своей нечим исполнит. А хлеб пашут капаницами по горам и по холмам розчищаючи лес и каменя, а сеют бор; а пшеница есть, дает чети. А боровые каши сворят в котле прохова, а за сталом сядут ниш и убог безместно всякой сряду, а места столов потесаны доски долгия, а кладут их на земле, а сами сядут подобгав ноги, а те у них доски вместо столов и скатертей, блюд, а кашу, повар розносит, лопатою ис котла черпуючи, а всякому дает порозну. А животину бьют всякою, повеся за нагу за задняю на дерево да вынем саблю да отрубят голавы; а харавину снимет да и кишки выкинет, а в части не рубит, так в котел и положит, а ворем щербу да льют на землю, а мяса положат на насилки принесут к столу а делзт комуждо по поем. А живут люди все в лесу, а где лесу нет тут и людей нет. А винаградным питьем добре доволно, а сырец шолк у них родитца. А корму нам указнава не было, а приносили збирачу с волостей; а вар валили оны у себя на поварни, а нам давали за стол гатовое пить и есть; а питья винаграднава была даволна, а кармливали нас по двожды на день. А в Дидьянскою землю из Олегукиной Кабарды путь тесен, горы непроходимые, а конной дороги отнют нет, а пешия ходят[96] з горям. А промеж гребеней лежит снег от зачатья свету; каторой год снег идет и тот себе слоюм обледенев и лежит, а которые снеги старые от прежних лет и те лежат позеленев, аки Турской купороской[97].

А обедню служат власти и попы; первую просвиру вынимают, как и агниц; а из другие просвиры как ис просвиры пречистые Богородицы вынимаетца; а ис третьей просвиры вынимают дробных 9 частей, а ис четвертые просиры вынимают дробные части за здравье, хто что скажет своих родителей поимянна пришет к жертвеннику. А евангилья чтут власти без поттрохели на обедни.

И поп Павел разпрашивал митрополита Митрофана. Достоит ли евангилья честь без риз и без поттрохели властем или попом? И митрополит сказал: нет; яз де таво нигде не видал в книгах, что честь евангилья без рис и без поттрохели. Федот молил да поп Павел: ез-

дили де мы с епискупам с Ондреям по монастырям и мы то видели, что он везде по церквам стоечи на своем святителском месте чтет евангилья не облачась и без потрохели. И митрополит молыл: то де он зделал не по уставу. А в обедню выдут с евангильям и станут против царьских дверей, а поют голомя не малое; а што поют и мы тому толку не пророзумели. И пев пойдет в олтарь да и в олтаре поют голомя не малое. А во храму иные стоят, а иные сидят. А после павечерницы и полуношницы и передо обеднею прощенья нет, а отпустить прость. А на ризах и на стихорях оплечья и креста и звезды и омету нет. А после страшенья не ходят и ектеньи малой не говарят, забвонною молитву говарят, а просвир не выносят. А Филипов пост и во Спожино говейно и в Петрова говейно и в середу и в пятницу мирския люди ядят скоромное сплочь акроме великого посту. А в чернцы постригаютца из детства малыя; а взмужает захочет во влостях будет, а не захочет и он разтрижетца и женитца. А в великой пост к причастью мирския люди не говеют ис своей воли и у отца духовнава не бывають; а причащают при смерти как человек умирает. А сватбы играют в великой пост. А невесту к жениху возят, а жених по невесту не ездит; а привезет дружка да сваха, а лучитца где храм блиско; и оне во храму венчают, а не лучитца где храму блиско, и оне и дома венчают.

Мая в 22 де пошли из Дидьянския, а пришли в Сонскою землю мая в 26 де. А провожатым дано Элистану да Билшуке за провожання 5 аршин сукна да четверы дороги да 2 яфимка денех, да поп Павел дал пищал да аршин сукна настрафилю лазарева. Ис Соней пошли июня во 8 де, а пришли в Черказы к Хопукину в Коборду июня в 12 де. Да Хапука четверых коней не отдал[98] двое Федотаваых да папова лошет да подьячева лошед; Федотава как одна пала, а те трое лошадей ваших украли.

От Хапуки поехали июня в 28 де, а приехали в Ылдареву Кабарду июня в 29 де; а из Ылдаревой Кабарды поехали июня в 30 де, а приехали в Онзоров⁹⁷ кабак таго ж числа. Из Онзорова кабака поехали июля в 4 де, а на Терек приехали июля в 11 де; с Терку поехали июля в 21 де, а в Астарахань приехали июля в 31 де, а из Астарахани поехали августа в 13 де[99].

Примечания

[1] В другом правленом списке: указу велено быти.

[2] ево.

[3] для ево Государева дела.

[4] а для какова ево Государева дела послан и что ему в Дидиянской земле велено делать и то у него Федота писано в Государеве наказе имянно, а что у него Федота в той посылке делалося и то у него писано в сем статейном списке подлинно. Поехали от Государя царя и великого князя Михаила Федоро-

вича всеа Русии с Москвы в Дидиянскую землю Федот Елчин и поп Павел и подьячей Федка и толмач июня в 2 де; да с ним же Федотом с товарищи отпущены с Москвы Дидиянской посол Гаврило с человском ево. А на коломену....

[5] прожили два дня за гребщами...

[6] держал воевода и дьяк.

[7] и жили в Казани 8 день, дожидались корована и отпущены.

[8] в болшом короване. В Астарахань

[9] и жили в Астарахани 12 дней за лошадиною покупкою; а лошади покупали своими денгами, а как лошади искупили и совсем изготавилися и лошадей отпустили горою, а их боярин и воеводы князь Юрий Ондреевич Сицкой с товарищи отпустили морем на бусах августа в 19 де. А на Терек....

[10] А на Терке жили пол 4 недели за тем, что за Терком по их дороге, куды им ехати, в Черленом городке от Терка в 2 днях Кумыки порубили Терских казаков которые живут по Терке реке, и за теми вестьми воевода князь Иван Ондреевич Хилков с товарищи отпустить ево не смели; а как те вести миновалися и их отпустили с Терка в Алегукину Кабарду сентября в 22 де, а с ними послал провожатых сотника да 20 человек Терских стрелцов. А в Алегукину....

[11] И Алегуки в Кабарде не было, а был в Абазах⁷¹; а в кабаках были братья ево Хапука да Отожука. И он Федот Государеву грамоту, которая была послана к Алегуке о ево Федотове с товарищи пропуске отдал Хапуке да Отожуке мурзом; да от себя почесть дал им по 4 аршина сукна настрафилю трасново да....

[12] И Хапуга и Хотожука отпустил их в Карачаеву Кабарду октября в 6 де, а с ними послал в провожатых узденя свего Пшуку и они тому узденю дали в почесть за провожанье....

[13] и показали Карачаевским князем двум братом Елбуздуку да Елистану Государеву проезжую грамоту, а в почесть им....

[14] и он не хотя ево Алегуки розгневить дал 4 аршина сукна аглинского узденю ево Баранбе. Да в Карачаеве же Кабарде умер подьячей Федор, которой с ним Федотом послан был с Москвы.

[15] в Сонскую землю через снежные горы пеши....

[16] потому что на лошадах было ехать немочно и путь был добре нужен, все шли около гор по косогору; а под рухляд наимовали Карачаевских мужиков, а давали наиму до Сонские земли от ноши по полуаршина сукна настрафилю.

[17] приехал к ним от Леои⁷²гья царя розноур (азнаур – Дж. г.), а по руски царев дворинин з грамотою, а велел де ему Мануилу у него быть в приставех и тое грамоту поп Гаврило, которой был на Мосве послом перед ним Федотом чол.

[18] Нет этого слова.

[19] и поп Павел говорил с ним от книг. Архимарит говорил о сотворении небу и земли и сколько ото Адама было родов и хто ково родил и о Илье и Енохе. А говоря пошли к вечерне в часовню; а после вечерни учили они епискупа спрашивать о той же речи, штоб с ним еще поговорить. И епискуп....

[20] Да после того и разошлись.

[21] А после того учал епискуп Ондрей Федота и попа Павла водить по манастырем и по святым местом; а к царю Леонтию их не взяли долгое время. дия того что царь Леонтей по царице своей с кручины по своему закону об-

рился весь и бороду и ус и брови и ему было показатца им не мочно и для того их велел водить по святым местом, чтоб ему чем промешкать покаместа воло- сом обростет. Декабря в 3 де....

[22] А на монастыре храм каменной Всемилоствого Спаса, а в церкви....

[23] позади

[24] Да к ним же прислал царь Леонтей в денщики дву человек псарей и ве- дел им тут постоять до указу и они стояли тут генваря по 1 число, а корм им давал с поварни кашу и мясо на день по двожды, а питья было виноградного шарапу довольно. А генваря с 1 числа считают у них новой год и к ним к Фе- доту и к попу Павлу приходили пристави по утру рано....

[25] сухово....

[26] виноградная кисть

[27] курячье да яблоко да на вертле мяса лопатку жареново, да у вс....

[28] генваря.

[29] и спрашивал Федота от Леонтья царя о здоровье и говорил, чтоб не кручинилися, что их царь Леонтей долго к себе не возмет на посольство.

[30] не даст

[31] И учили их водить опять по монастырем. Генваря в 31 де поехали.

[32] Февраля 6.

[33] с Черново моря

[34] сердитовать

[35] с рускими людьми заодно...

[36] от турских людей

[37] Да в церкви же месные образы посторонь царьских дверей образ

[38] крепкая

[39] тое ночи приводим бывает бык и поставляем на монастыре у церков- ных дверей, а ворота в те поры бывают заперты и сторожа крепкая. – А тот бык неведомо откуда возметца и царь Леонтей з бояры и со всеми людьми того быка осматривает сам. И будет бык мокр и песку на нем много – того году у них хлеба и винограду родитца довольно. И тово быка....

[40] А едят то мясо одны мужеской пол, а женам не дают и сама царица то- во мяса не едала. А в прошлых де годех давал им мученик Христов Георгий на свой празник оленя и некоторой де человек дал того оленья мяса ест жене своей; и святой Георгий им олени давать не почал, а учал давать быка. И они ныне крепко тово берегут, чтоб тово мяса жена не причастилася, чтоб им та- кова дара до конца не лишитца.

[41] мешечик бархат чорн, а на нем вышита

[42] да вервь, а они называют вязило, чем вязали Господа нашего Исуса Христа, и власы

[43] взял де царь Леонтей тое святыну, как он воевал Башачицкую землю, и он де ту святыну взял тудо: а Башачицкому князю досталося из Грузинские земли от Теймураза царя. А пок....

[44] Марта в 26 де в вербное воскресенье приехали в монастырь пречистые Богородицы в Мордули.

[45] да и для того, что от

[46] разорень. И они де хотят Государские....

[47] и нынеча де царь.

[48] лет в 18, а

[49] лет в 16. А прижил их царевич Юрий с тою женою своею Еленю, которую у него отнял царь Леонтей. А у Левонтья царя 2 же сына одново зовут Александром лет в 10, а другово зовут Мануилом лет в 8, да 2 дочери и одна умерла.

[50] И договорилися, что быть в Богдате для моленья и Кизылбашским абызом, а Кизылбашскому шаху давать. . .

[51] И Турской салтан Кизылбашских абызов в Богдат для моленья пустил. И после того во 147-м году....

[52] да умер и то у них дело нарушилося. Да Байсрам же сказывал Федоту, что де царь Леонтей голдует Турскому и Кизылбашскому, а болши де служит Кизылбашскому; а Кизылбашской де шах к царю

[53] тюменей

[54] ево Государьскою праведною молитвою патриарх Иоасаф и все православное христианство пребывают в его Государьской милости в тишине и в покое и во благоденствии. И после того митрополит Митрофан посадил их с собою вместе за один стол; ества была рыбная, а пить шарап; и есть и пить было много, а речей никаких от митрополита не было. А после стола пошли Федот и поп Павел в свои кельи, которые им отведены стоять и были они в том монастыре 10 дней. — А в великой четверг....

[55] две причастицы черницы, одна царево сестра да келейница ее, а

[56] На обедне же перед отпуском было у него митрополита действо умовение ногам: перед церковными дверми в трапезе посадил на скамьях 12 человек попов и дьяконов и подьяков и действовал все также, как и у Государя на Москве патриарх действует.

[57] плащаницу а на ней напечатан на полотне Распятие Христово; а положил тое плащаницу на одре, а подле одра на ковре положил мощи святых по обе стороны плащаницы; да на ковре же положил святое евангелие и пел над плащаницею и над святыми мощми по своему языку, а воды не святил. А после вечерни....;

[58] Апреля в 5 де

[59] крестить

[60] к ним на искус

[61] стать на

[62] на церкве на верху

[63] пророчества

[64] а тот мужик блазен и на святаго лжет, потому что

[65] встанут

[66] по церкве

[67] и ныне де он человек изряден и грамоте горазд.

[68] в деревне в Жигуре, а города у него столного нет

[69] а патриарх ехал по левую руку; а перед царем держат крест животворящий да образ пречистые Богородицы; а речей....

[70] поскору

[71] то де не послы, Государя де нашего Леонтья царя зяти Тюфлинского князя люди и те де за одну землю, потому что Леонтья царя сестра родная за Тюфлинским князем; а вера де наша православная христианская и друзья . .

[72] Турского и Кизылбашского послов у царя нет, а те люди свои.

[73] толко

[74] и правил поклон по наказу, как у него в Государеве наказе написано И Леонтей царь спрашивал

[75] здоровье с великою радостью. И Федот спросить диаку своему потихонку: грамота де што писано в его царьского величества грамоте. И царь шатре.

[76] Да царь же де Леонтей велел Федота

[77] царьская мысль почему ведать

[78] А соверша посолство поехали в Егорьевской монастырь тогоже дня и жили тут 6 дней. А апреля в 30 де

[79] у срачицы

[80] Маия в 18 де нас Левонтей

[81] Хонсково⁹⁵

[82] с тем что говорили

[83] большое

[84] полной

[85] назад по посолскому обычаю и корм ему и суды и подводы даваны до украинских городов.

[86] с своим Государевым жаловальным словом и с своею Государевою грамотою послал к нему царю Леонтью меня посланца своего. И епискуп

[87] тое честь

[88] смотрели. Да подали Федоту к великому

[89] Леонтью царя грамоту. И Федот грамоты не взял, а епискупу Андрею и Рамазану говорил: как то учинить, что царя Леонтья грамота взять, не видево ево царя Левонтьевых очей? Царьского величества грамоту подали они Леонтью царю самому, а к царскому величеству Леонтья царя грамота взят, у них никакo того не будет што взять грамота. И архиепискуп говорил: ныне де у нашего

[90] и волосы у себя все обрил и вам де ево видеть не мочно, а как

[91] И Федот по неволе грамоту взял; а на отпуске дали ему Федоту

[92] А попу

[93] не велика

[94] Черново

[95] А хлеб в их земле сеют просо да пшеницу не от велика; а иногo никакого хлеба не сеют. А земля каменниста, а винограду добре много. А городов каменных и деревяных и осыпей земляных нет. А хоромы деревянные полземные; а полат нет, толко у царя две полаты в деревне Зубдиде, где сам царь живет. А живут все при лесах, а на чистых местех не живут, для того что у них в лесах винограды, а садовых виноградов нет. А торгов у них никаких наперед сего не бывало и товаров никаких не продавали. И тому де лет с пять как Левонтей царь ходил на Башачинсково князя Александра воиною и взял ево в полон, и дети того князя Александра выкупили, а дали за него торговых армян и жидов 50 человек⁹⁶: и Леонтей царь посадил их слободою и те люди у него торг завели. А торгуют, отезжая в Кизылбаши, и привозят к ним зердени и кумачи и то недобрые и иные товары; а у них в земле толко шолк сырой делают и то не от велика. А едят толко кашу с виноградом да боб вареной; а хлеба нет толко пшеничные лепешки пресные пекут да и то в великую честь, а не у всякого. А льну у них много, а сеют возен на зиму и ис того льну прядут полотна и держат для окупу от Турского; а платьем люди скудны, наги и босы, толко лише нужные места обяжут платом или козьею овчиною, а то все наги. Дидиянской же царь и патриарх и митрополиты и архиепископы и по-

месные азнауры людей своих и крестьян продают в Турки и в Кизылбаши и в ынные государства; а грех себе тово не ставят; а говорят: толко де нам людей или крестьяни не продать и нам де нечим нуж своих исполнять. А в Филипов пост и во Спожино говейно и в Петрово говейно и в среду и в пятницу в Дидианской земле мирские люди едят скоромное сплошь окроме великого посту. А в черницы постригаютца из детска малые; а взмужает и захочет во властях быть и он будет, а не захочет и он рострижетца да и женитца. А великой пост к причастью мирские люди не говеют ис своей воли и у отца духовного не бывають, а причашаються при смерти как человек умирает. А свадьбы играют и в великой пост невозбранно; а жених по невесту не ездит, а привезут невесту к жениху; а венчаютца во храму - а лучитца где храм блиско, а не лучитца где храму блиско и оне и дома венчают. А в Дидианскую землю из Олегукиной Кабарды....

[96] с великою нужею

[97] Купорос. Да говорил де ему Федоту царев ключник дворцовой Дементей: как де была жива царица их Елена и она о том добре радела, чтоб поискать милости Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца, и царю Леонтью она о том многижда говаривала и по ее царицыну прошенью царь Леонтей послал посла к царской милости проведать.... (см. выше с. 222-223) Вартаму. И Александра де царевича он Федот видел - лицом чист и очи светлы и собою добр, а царевича де Мануила не видал, а ближние царевы люди добре хвалят, што дитя чисто и умен; а прижил царь Леонтей тех детей с тою царицею Еленою, которую он отнял у дяди своего царевича Юрья. И за пасынка своего за царевича зговорил у Олегука мурзы Черкасково дочь, а дать за нее выводу 100 человек ясырю, 100 сосудов серебряных, 100 платен золотных, 100 пищалей, 100 лошадей, 100 волов; да на том что царю Леонтью взять у Олегуки дочь ево за пасынка своего за царевича Юрья, а вывод дать крест целовали царя Леонтья ближней человек Ромозан за думной дьяк Потап. И послы царя Леонтья к Олегуке по тое невесту пришли с ним Федотом вместе, как он Федот шол назад, а та невеста Олегуки мурзы дочь только 8 лет; а емлет де ее Леонтей царь для того, чтоб да него стоял и обидит никому не давал, потому, что Олегукины кабаки с его Леонтьевою с царевую землею смежно. - К Федоту же приежзал кизылбашенин Беисрямкул и Федот ево розпрашивал: давно ль он здеса? И он сказал, что он живет у Левонтья царя пять лет; а пришел де с Кизылбашским послом, а был в слоновщиках и слон де умер, а ево де царь (с. 224) ... служилым людем которые шаху служат. Да царь же Леонтей дает Турскому царю дани по 800 аршин полотна да ясырю дает по 30 и по 40 душ; а дает для того, чтоб приходили карабли с торгом, а кой год не будут карабли и у них тот год скудно солью и железом. Да говорил де им епископ Ондрей да крестовой поп Гаврило, которой был в послех: есть де у них река Ръян (с. 217) оберегал и на бусурманские языки с ними ходит заодно. Маиа в 22 де пошли из Дидианские земли...

[98] что оставили у него кормить двое

[99] а к Москве приехал декабря в 4 де 149 году. На обороте по склейкам: к сему статейному списку в Федотова места Елчина жилец Емельян Васильев сын Елчин по ево

ИЗ МАТЕРИАЛОВ 1-Х КРЫМШАМХАЛОВСКИХ ЧТЕНИЙ ПО ПРОБЛЕМАМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

3 декабря 2009 г. в г.Карачаевске проведены 1-е Крымшамхаловские чтения по проблемам карачаево-балкарской культуры. В их работе приняли участие преподаватели республиканских вузов (КЧГУ им.У.Д.Алиева, КЧГТА, Республиканский институт повышения квалификации работников образования /РИПКРО/), сотрудники научных организаций и учреждений (Карачаевский научно-исследовательский институт /КНИИ/, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований /КЧИГИ/, Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник /КЧМЗ/), общественно-политических организаций («Алан», «Джамагъат», «Тёре»).

В ходе обсуждения вопросов выступили И.А.Хачиров (Координационный совет общественных объединений карачаевского народа), Х.М.Акбаев (КНИИ), И.Х.Байрамуков (КЧГУ), С.Я.Байчоров (КЧГУ), М.М.Ижаев (КЧИГИ), И.М.Шаманов (КЧТА), К.Салпагарова (РИПКРО), Р.С.Тебуев (КЧИГИ), У.Ю.Эльканов (КЧМЗ), а также представители творческих союзов М.У.Ногайлиев (Союз композиторов РФ), Б.О.Батчаев (Союз писателей РФ).

Участники форума приняли итоговые решения. Мероприятие завершилось вручением Медали И.Х. Крымшамхалова за 2008 год (см. биографии ниже и фотографии на оборотной стороне обложки).

- ВЫСТУПЛЕНИЯ -

М.Дж. Мекерова

О многогранности таланта

(Вступительное слово)

Ислам Хасанович (Пашаевич) Крымшамхалов родился в ауле Карт-Джурт 31 марта 1864 года. По линии матери – княжны Урусбиевой – он был тесно связан с Баксанским горским обществом.

Оба его деда – Ислам Крымшамхалов и Мурзакул Урусбиев – оказали прямое содействие в организации знаменитой академической экспедиции на Эльбрус в 1829 году.

Семья просветителя продолжала традиционный для рода Крым-шамхаловых курс на установление уз родства с соседними владетелями. Одна сестра Ислам-бия была в браке с абазинским князем Лоовым, другая – с балкарским князем Амирхановым.

После кончины матери он воспитывался у ее брата Исмаила Урусбиева на Баксане, в доме которого гостили известные деятели русской культуры той поры – композитор С.И.Танеев, художник Н.А.Ярошенко, ученый М.М.Ковалевский. В такой среде будущий просветитель с детства впитывал созидательные веяния передовой, европейской культуры.

Через некоторое время Ислам поступил на учебу в Ставропольскую гимназию, которую в разное время окончили его соплеменники Ислам Дудов, первый инженер-карачаевец, просветители Ильяс Байрамуков, Саид Халилов, Иммолат Хубиев и др.

После смерти отца он вернулся в Картджурт, где занимался хозяйственными делами. Примерно в 1880 году он поступил на службу в личной гвардии царя, или, как его называли, «Собственном Его Императорского Величества конвое». Военная служба Ислама завершилась присвоением ему первого офицерского чина и возвращением в Карачай. Здесь близкими его товарищами и друзьями стали Ахмат Байрамуков, будущий правитель Карачая.

Сравнительно недолго он работал служащим на серебряно-свинцовом руднике «Эльбрус», где в то время работали выпускники многих российских учебных заведений. Здесь он установил дружеские связи с Коста Хетагуровым и горным инженером Анатолием Кондратьевым.

После закрытия рудника, в 1893 году Ислам переехал с семьей на новое место жительства – в Теберду. Вскоре он стал работать в Карачаевском лесничестве.

В этот период установились его товарищеские отношения с сельниками Курорт-Теберды – русским промышленником А. Утяковым, семьей полковника Ф. Кузовлева (начальника Баталпашинского уезда), еще одним промышленником бароном Е. Фитингофом. Вместе с Исламом они были первыми сельниками молодого курорта. В Теберде его другом стал и Исмаил Якубович Акбаев, известный в народе и как Чокуна-апенди.

Работая в лесничестве, Ислам всемерно оберегал природные богатства горного края. В то время в Большом Карачае истреблялись леса, которые шли на рынок. Ислам навлек на себя ненависть со стороны незаконных дельцов-лесоторговцев. Как вспоминали его родственники, он, «услышав ночью стук топора, вскакивал с poste-

ли и спешил к месту порубки, чтобы настичь на месте преступления расхитителя чудесных богатств курорта».

Ислам обучал населению азам экологии, рассказывал, что леса имеют функции «водоохранные, и от сохранения или уничтожения их зависит сохранение или уничтожение вод источников реки Кубань».

Общественную деятельность Ислам продолжил и впоследствии, когда стал одним из двух общекарачаевских доверенных, на которых возлагалась функция отстаивания народных интересов перед царской администрацией. Он заботился «о строительстве школ, дорог и мостов», развитии культуры земледелия. Он стал одним из инициаторов обращения к наместнику Кавказа Воронцову-Дашкову по проблеме выделения земель карачаевцам, итогом чего стало в 1909 году создание аула Воронцовско-Карачаевского, ныне Новый Карачай. Он уделил большое внимание развитию первого на территории Карачая курортного поселка. Результат усилий известен: вскоре Курорт-Теберда была, как отмечала пресса той поры, переполнен отдыхающими.

Он был выдающимся *деятеlem искусства*. Ислам Хасанович справедливо считается основоположником национальной школы живописи, первым среди карачаевцев художником, которого можно назвать профессиональным. Его учителем был знаменитый русский художник-передвижник Николай Александрович Ярошенко, который «учил Ислама технике живописи», брал ученика «с собою писать этюды с натуры».

Ислам обучался в Московском «училище ваяния, зодчества и живописи», однако заболел туберкулезом и вынужден был вернуться на родину. Сейчас известно около 30-ти работ первого живописца Карачая, но от большинства из них сохранились лишь названия. Известно, что его произведения экспонировались на художественной выставке в Москве

Овладевал Ислам и мастерством музыкального искусства, известно, что он был и первым карачаевцем-скрипачом. Он обучался музыке у композитора Венявского.

И. Крымшамхалов был талантливым *литератором*. Известность он получил своими выступлениями в средствах массовой информации той поры, где публиковались не только его публицистические очерки, но и его поэтические и прозаические произведения. По отдельным сведениям, ему принадлежали и переводы на родной язык произведений русских авторов. Коста Хетагуров именует его «*художник и поэт Ислам*».

Ислам Хасанович был и *ученым*-карачаевцем современного типа. Как мыслитель он придерживался идеи *евразийства*, причем в то время, когда ещё не было самого этого термина. Он выступал за достижения европейской цивилизации, но при обязательном сохранении этнокультурных, духовных корней. Известно и то, что просветитель разделял многие гуманистические идеи Льва Толстого.

Разрабатывал просветитель и проект национального алфавита на основе латиницы.

Ислам был не только ученым-теоретиком, но и практиком-краеведом участвовал в экспедициях вместе с известным русским геологом профессором Иваном Васильевичем Мушкетовым. Участие в них побудило Крымшамхалова выпустить касательно природных богатств родного края статью «Новое богатство Карачая».

Немаловажно отметить, что Крымшамхалов стал, по сути, *первым карачаевским промышленником*. Из карачаевцев он первым открыл сыроваренное предприятие, первым создал дегтярный (смоло-скипидарный) завод. Он первым в Карачае организовывал ферму с селекцией молочного скота. В этих починах его заслуга экономиста-практика. Его сыроваренный цех, оснащенный передовой для своего времени техникой, выпускал несколько сортов сливочного масла, сыра, который раскупался нарасхват. Как отмечает проф. В.П.Невская, Ислам стремился наладить производство по последнему слову экономической науки.

К концу первого десятилетия XX века здоровье просветителя серьезно ухудшилось. Имел место опасный рецидив туберкулеза легких, который побудил его отправиться на лечение в Крым. Ислам-бий Крымшамхалов окончил свой земной путь 3 декабря 1910 года в далекой Ялте. Три месяца спустя специальная карачаевская делегация перевезла прах своего земляка на родину. Он нашел последний приют в Теберде в марте 1911 года.

Еще не все страницы биографии просветителя известны, отдельные моменты нуждаются в пояснении и, видимо, будут со временем уточнены. Искренне надеемся, что новое поколение исследователей уделит должное внимание жизни и творчеству выдающегося просветителя.

Использованная литература:

- Хабичева-Боташева З.Б. Озарение души. – Черкесск, 1985.
- Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Ил-братное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993 – т.1.
- Хатуев Р.Т. Ислам-бий (Заметки о жизни и творчестве И Х Крымшамхалова). – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2009.

Х.М. Акъбайланы

Бююннго къарачай-малкъар литература тилни орфография джарсыулары

Заман орнунда турмагъанча, илму да кюнден-кюннге кесини джангы атламларын этгенлей барады. Белгилисича, тил илму талай бѐлмуден къура-лыбды эмда аны хар бир бѐлмюю да бирча терен эмда тыйыншылы дараджада тинтилиб да бармайды. Мен былайда литература тилибизни джазма джорукъларыны бююнлюкде къуралгъан бир къауум джарсыуларына эс бѐлдюрюрге излейме.

Илмуда къарачайлыла бла малкъарлыла джю-рютген тилге «къарачай-малкъар тил» деб айтылса да, алкъынча къарачай-малкъар литература тил къуралалмагъаны хакъды. Политологла, тарихчиле, журналистле, кърал эмда джамагъат къуллукъчула бир ауздан «къарачай-малкъар халкъ», «алан халкъ», «экиге юлешинген бир халкъ» деб, бирикдириу иннетни джайыб кюрешгенликлерине, къарачай бла малкъар кюнден кюннге бир-бирлеринден узайгъан болмасала, джууукъ болалмайдыла. Аны чуруму къуру башха республикалада джашау этгенлеринде тюлдю. Мени сартын, бек улуу джарсыуланы бири – эки арада бир литература тил болмагъаныды, эки джаны эки миллет тил бла хайырланганларыды.

Эки джаны да араб тамаллы джазмадан 1927-1928 джыллада латин тамалгъа кѣчген заманладан башлаб, бирде джууукъ, бирде узакъ бола, бу кюнлеге дери келгенбиз. Тюз джазыуну джорукълары бла алфавитлени тюрлениулерине хар бирине энчи эс бѐлмегенлей, араб тамаллы джазманы заманында быллай чолала болмагъанын, эки джаны да бир джазма бла хайырланганларын чертирге излейме. 1927-чи джылгъа деричи къарачай-малкъар литература тилни къураугъа, аны айныууна бир тукъум бир тыш неда ич тыйгъыч болмагъанды. Къарачайлыла Малкъарны медреселеринде окъугъандыла. Къарачайда чыкъгъан окъуу китабланы малкъарлыла да тынгылы хайырландыргъандыла. Бютеу джарсыула джазма тамалны тюрлендиргенде, алфавитни къурамын эмда тюз джазыуну джорукъларын хар ким энчи джарашдырыб тебегенде башлангандыла.

Бююнлюкде къарачай-малкъар литература тилни джарсыулу тургъанын кѣргюзюрлей бир мисал келтирейим. «Къарачай» бла «Заман» газетлени эртделеден келген бир ашхы адетлери – кѣзюу-кѣзюую бла бирикген номерле чыгъарыучандыла. Болса да, Малкъардан келген материалла «Къарачай» газетде къарачайчаландыры-

лыб, мындан баргъан джамала да анда малкъарчаландырылыб, алай басмаланадыла. Къысхасыча айтсакъ, кѣчюрюлюб чыгъадыла. Нек? Бир-бири сѣзюбюзню ангыламайбызмы? Огъай, чурум башхадады – бир-бирибизни окъуялмайбыз! Къарачай бла Малкъар хар бири кесини миллет тили бла хайырланады: энчи алфавитлери барды, бир-биринден башха энчи джазыу джорукъла бла хайырланадыла, ана тил бла литературадан окъуу китабла бир-бирленине келишмейдиле, диалект энчиликлени чертген бла къалмай, аланы семирте, кѣбейте да барабыз. Аны юсюне да, джылдан джылгъа чыгъа, къурала келген джангы терминлени да бирем-башха джюрютебиз. Алай бла, эки джанын бирикдирирлей литература тилни къурау къыйындан къыйын бола барады.

Белгилисича, орта литература тил къайсы бир халкъгъа да аны миллет тилинде талай диалекти болгъан тѣресинде керек болуучанды. Дунияда тюрлю-тюрлю халкъланы литература тиллерини къуралуу тарихлерине къарасакъ, кеси аллына бири да джарашыб кетмегенин эслерикбиз. Сѣз ючюн, бюгюнню орус литература тил Пушкинни «ышыгъы» бла, инглиз тил Шекспирни аты бла, немча тил законну юсю бла, араб тил Сыйлы Къуранны сыйы бла аякъ орунлу болуб, кюнден-кюннге айный, кюч ала, диалектлени джуу-укълашдыра, халкъларын бирикдириб турадыла. Аны айтханым, литература тил хар къуру да адамланы излемлери бла, аланы къыйынлары бла къуралыучанды. Ол себебден, бизде алай джарсыу джокъду деген къауум да, бара-баргъанда хар не кеси орнун табарыкъды деген оюмну джюрютгенле да бек уллу джангылыч иш этедиле.

Орта литература тилни ара багъанасы – аны джазма тамалыды, алай демеклик, бир джазма тамалны джюрютюудю. Къарачай бла Малкъарны юслеринден айтханда, бюгюнлюкде эки джаны эки алфавит бла хайырланадыла. Джылдан джылгъа, эки джаныны бирикген орфография комиссиялары джыйылгъанлары сайын, айрылыкъла туудура келгендиле. Аны эки сылтауу барды. Биринчиси, джазма тамалланы аууштуруу аллындан огъуна Москвадан буюрукъ болгъаны. Къарачай бла Малкъаргъа бирден, бир заманда этилмегенди эмда бир джазма тамал тежелмегенди. Сѣзсюз да, быллай буюрукъну бергенледе бир литература тилни къурау иннет да болмагъанды. Экинчиси, эки джаныны алимлери кеслерини орфография комиссияларында тил илмуну тюз «къургъакъ» джорукъларына эс бѣлген болмасала, эки миллетни бир халкъ этерлей, бирикдирирлей орта литература тилни проблемаларын кѣтюрюрлей эркинликлер да болмагъанды. Ол себебден, бир алфавит да, бир джазма джорукъ

да къралмагъанлай турабыз. Заман а орнунда турмайды – бир халкъ эки миллет тилге бекден бек юлешине барабыз.

Алфавитни юсюнден айтханда, эки джанын бирикдиртмей тургъан айрылыкъла алай кѣб да тюлдюле. Сѣз ючюн, кърарайлыла (ч-диалект) дауурлу, ал тилли, тишли-тынгылауукълу, аффриката, зынгырдауукъ къысыкъ [дж] тауушну эки белгиден къралгъан «Дж» хариф бла белгилейдиле. Малкъарлылада уа (ш/з диалектледе) аллай таууш джокъду, аны орнуна дауурлу, зынгырдауукъ, ал тилли, тишли-тынгылауукълу, къобулу къысыкъ [ж] таууш барды эмда аны «Ж» хариф бла белгилейдиле. Болса да, кърарайлыла хайырланган ч-диалектде [ж] таууш да барды, кеси да, сѣзню аллында хазна тюбегенлигине, сѣзню арасында, ахырында эркин джорюйдю. Ол себебден, экиси бир таууш тюлдюле, экиси да тилде энчи джорюйдюле. Алай эсе, экисине эки хариф амалсыз керек болады.

Бу арт джыллада эки джаныны алимлерини, джазычуларыны, джамагъат къраллукъчуларыны араларында бу ушакъ талайдан бери барады. Малкъар джаны «Дж харифни органа Ж харифни джазайыкъ да, окъугъанын а [дж] тауушнуча окъуюкъ» деген оюмну тутадыла. Оюмларын джакълаугъа быллай мисал да келтиредие: «эки белгиден къралгъан харифле джазмада артыкъ орун аладыла, алай бла экономия джорукъну бузадыла».

Сѣзсюз да, эки арада бир литература тилни кърурау, аз-кѣб болса да, компромиссни юсю бла этиллик ишди. Алай а литература тил диалект тилледен кем болмазгъа керекди эмда диалектлени юслери бла кеси айныргъа тыйыншлыды. Бизни сартын, литература тилни кърурауда баш джорукъ ма алай болургъа дурусду. Ол себебден, ч-диалектде эки таууш да эркин джорюй эселе, аланы бирин джокъгъа санау кесини тамырында огъуна тюз тюлдю. Ол биринчиси.

Экинчиси, эки белгиден къралгъан «Дж» хариф джазмада экономия джорукъну бузады, деген оюмгъа къраршы бир мисал келтирейим. Сѣзсюз да, эки белги джангыздан эсе не заманда да кѣбдю! Алай а тилге халеклик «дж» харифден эсе «гъ», андан кълса «нг», ючюнчюге «къ», эм азы да «дж» харифле саладыла. Аны чурумунедеди? «Дж» хариф аффикследе бир заманда да джорюмейди. Асламысына сѣзню аллында келеди, сѣзню арасында (2, 3-чю бѣлжюмледе) андан эсе иги огъуна аз тюбейди. Аффикследе эм кѣб «гъ» хариф келеди, экономия джорукъну да эм бек бузады – орта текстде 7-8 процентге дери тюбейди. Эки белгини (гъ) бир белги этсек а, быллай къатланган харифни зараны 3,5-4 процент болады. «Дж» харифни юсюнден айтханда уа, аны салгъан зараны 0,3-0,5 процент

болады. Алай демеклик, 200 бети болгъан китабдан джангыз бир-чикни кётюрелликбизми огъесе былайда башха сылтауму излейбиз?

Ючюнчюсю, малкъар джаны «ж» харифни джазма тамалын тюрлендирмей, аны ёмюрде да «Дж» харифнича окъурукъ тюлдю! Мени сартын, ол кёзбаулу лагъымды. Оюмуму ангылатайым. Белгилисича, бу джашауда миллет тилге, ауузда джюрюген тилден эсе, аны джазмада джюрюген варианты бегирек къатылады. Быллай маталлы тил «урушлада» хар къуру да джазма традиция хорлаучанды. Ол себебден, адам кёзю кёрген, эртдеден юреннген ж-сынамы огъесе алимле эки арада келишген [дж] тауушхамы бегирек ауар? Артыксыз да, джазма тамалда да «ж» хариф алайлай бурунча тура эсе!

Тёртюнчюсю, сёзлени къурамларында тюбеген керти «ж» харифлеге энчи сёзлюк къурагъанны (аллай оюм да тюбейди «ж» харифни джакълагъанлада) къайгъысы къатланган «дж» харифни хатасын озуб кетеди.

Алайды да, къарачай-малкъар литература тилни джазма тамалын бир этер ючюн, эки джаны къаллай компромисс этерге боллукъдула? **Биринчиге**, башха тамаллы харифлени юслеринден келишиу (сёз ючюн, эки джанында да зынгырдауукъ аффриката тауушну «дж» хариф бла, къобулу къысыкъ тауушну уа «ж» хариф бла белгилеу). **Экинчиге**, джазма тамалны тынгылы толтуруу (сёз ючюн, къысха у-ну алфавитге къайтарыу, «нг» харифни орнуна, «нъ» харифни къайтарыу, «ц» бла «ф» харифлени ана тилни энчи къурамында белгилеу). **Ючюнчюге**, къарачай-малкъар литература тилни тюз джазыу джорукъларын джарашдырыу эмда аллай бирикген джорукъланы китабын басмадан чыгъарыу. **Тёртюнчюге**, ана тил бла литературадан школ эмда вуз китабланы, мадаргъа кёре, не къадар бек джууукълашдырыу, келишдириу. Быллай иште ат башындан келишиу болмазгъа керекди. Бу айтханыма бир юлгю.

Бюгюнлюкде къарачай джазмада ючюнчю бетни алмашы (ол) бериучю болушда келген тёресинде «анга» деб джазылады. Тюз джазыуну бюгюнню джорукълары уа сёзню тамырын морфология джорукъ бла джазаргъа буюрады – ол, аны, анда, андан эмда аннга. Болса да, бу арт 10 джылда кюч ала баргъан джазма адет сёзню тамырында «н» харифни джутуб барады. Ол джазма адет къуру бу алмашда «гуду» болуб къалса уа – аннгы – ангы, муну – мунга, танг – танга дегенча джалгъан (ложный), ётюрюк эмда бек заранлы «экономия» джорукъну юсю бла тилни тонай турады.

Аны айтханым, джазма тил джорукъ бек кючлю эмда къаты сауутду. Аллах барыбызны да ол сауут бла джангылычлы, заранлы хайырланыудан сакъласын!

Б.О. Батчаланы

Адамны асылы

(Кърымшаухалланы Ислам-бийни юсюнден)

Мен сагъынныкъ асыл адам адабиятны, саданиятны эм маданиятны юсюнде керти да иелигин эслетдиргенди. Ол халкъ ючюн кю-решгенди; кюн тийгенча башладан, джулдузча кечени джарытханча, айны джарыгъы джолоучуну джолуна тюшгенча.

...Огъары Теберди эл, 1911 джылны ал сюрени, эл ичи таба алты ат джегилген паэтон эл майданнга джуукълашады. Юсю къара джамчы бла джа-

былган сын джыйылган джамагъатны тюрсюнюне къара ау атдыргъанды. Батчаланы Найыбны аллына бир джуукъ джетген тишириу чыкъгъанында, Найыб андан *«Кимгеди бу къуугъун?»* деб, сорады. Олсагъатда ол тишириу Найыбха Пачаланы Исламны ауушуб, тышындан алыб келгендиле, дейди. Батча улу аллына таукел, ашыгъыш атлай, паэтоннга келиб, ёлюкню башын ачады, сора джамагъат таба бурулуб, *«Быллай адамла ёлмейдиле, аланы ёлюрге эркинликлери джожкъду. Сайду!»* деб, миллетни кёлюн басаргъа, джаргъа кюрешеди. Джыйылган адам, сан тенгизде бир уллу толкъунга ушаб тебрейди, къайгъылы чайкъалады. Кърымшаухалланы Пачаны уланы Ислам Батча улу Найыбны (Егорну) *«Бёрю бла кишгик»* деген назмусунда сагъынады. Экиси тенглик тутхандыла деген айтыу къартланы ауузларында джорюу эди.

Эшта, Найыб тюз айтхан болур эди олсагъатда. Ислам бюгюнлюкде да, андан бери талай джыл, ёмюр ётгенинде да, халкъны джюрегинде илячин къушча, ёлмей джашайды. Аны аты джуртубузну тышында да белгилиди. Кърымшаухал улу кесини заманында къралда белгили адамла бла тенглик, джуукълукъ джюрютуб тургъанды.

Теберди шахарны алгъын аты *Джамагъат* болгъанды. Теберди ёзенде Огъары Теберди эл 1868 джыл орналады. Аннга Уллу, Шам Теберди дейдиле. Пачаны юйдегиси Къартджуртдан Теберди куротну Огъары тюзюне кёчеди. Юйдегиси агъач джаргъан, мычхы къурайды, энчи джерлери болады, межамла эм дачала ишлейдиле. *«Курсавайланы»* джюрютедиле, таулагъа джол ачылады.

Кърымшаухалланы Исламны тыбырына белгили суратчы Николай Ярошенко тегей шайыр эмда суратчы, акъылман Коста Хетагуров да къонакъгъа келедиле, Къарачайны адетлери бла ала шагърейли боладыла. Пачаланы юйлерины эшиклери хар заманда да

белгили, онглу, асыл, дунягъа белгили эмда тюз иннетли, халал джюрекли адамлагъа да ачыкъ болгъандыла. Ислам бла Коста ара шахарда, Петербургда болгъан кезюулеринде къысха-къысха тюрбешедиле...

Ислам шайны орус самаварда къайнатыргъа бек суйгенди. Ярошенко, Коста, Ислам тепси джанында олтуруб, ушакъ эте, къыбызыл шаркъ, гюрджю шайны иче, кечеге дери къалыб кетгенлери кѳб болгъанды...

1890 джыллада экиси да кюмюш-къоргъашын чыгъарагъан ташчыда (рудникде) къулукъчула болуб ишни бардырадыла. Экиси да Картджурт элге барыргъа ёч эдиле. Ол элде Ислам 1892 джылгъа дери джашагъанды...

Пачаны юйдегиси адебни, адетни, сыйны, намысны, къонакъбайлыкъны толу сакълабанды. Аны кесеги Исламны, эгечине Фатягъа къурагъан назмусунда ачыкъланады. Ол тышына чыкъгъан, къайынларыны ичинде эгечини халкъ адебни, адетлени тутуб джашарын излейди. Юлгюлю келин бол дегенча эгечине акъыл сѳзлени айтады...

Инкъыйлаб чыгъады, кърал тюрленеди, башларын тутхан иелеге азаб кюнле келедиле. Исламны къарнашы Басханукъ бла Магулаланы Текени Шам Теберди элни тѳбен джанында таргъа кызыл мыртазакъла алыб келиб, уругъа излейдиле. Басханукъ Текеге «Сен джаш адамса, къачала эсенг къач!» дейди. Теке джардан энгишге чынгаб, гыйы бузлаб тургъан Теберди сууну кийикча ётюрб, чегетге кириб ташаяды. Ызындан талай кере да кызыл аскерчиле шкокладан атадыла, алай а къуш къанатлы таулу кесин урдурмайды...

Кърымшаухалланы Ислам миллетни тарихин, нарт хапарларын, таурухларын, джомакъларын, эски джырларын айырмагъа билгенди. Къарачай халкъны онглу боллугъун, билим джаны бла да мийик дараджагъа чыгъарын хаманда излегенди...

М.М. Ижаев

На путях к цивилизованности

Значительная, если не основная масса средневековых памятников материальной культуры сосредоточена в Карачаево-Черкесском историко-культурном и природном музее-заповеднике. Наш музей создан в 1916 г., иными словами, является *старейшим в Карачаево-Черкесии учреждением культуры.*

Для справки: в составе музея – 11 филиалов,

включающие следующие уникальные объекты федерального, а некоторые и мирового значения, в т.ч.:

- *самые древние на территории России* памятники христианского культового зодчества (эпохи Аланского царства),
- *крупнейшее на Северном Кавказе* раннесредневековое крепостное сооружение (эпохи Хазарского каганата),
- *единственное на Юге России* средневековое астрономическое сооружение (обсерваторию) и т.д.

Кроме того, в фондах музея – тысячи и тысячи предметов быта, орудий труда, оружия, редкая коллекция средневекового шелка времен Великого Шелкового пути. Кстати, таких коллекций в Европе только три.

Совершенно очевидно, что проблема сохранения древностей народов Юга России требует безотлагательного вмешательства не только государства, не только международных организаций, но и самого гражданского общества.

В первую очередь, речь идёт о поддержке общественных объединений. Признаться, только летом этого года мы впервые ощутили значимость такой поддержки. Как многие из присутствующих помнят, летом этого года на месте исторической столицы Алании впервые собрались представители всех общественных объединений Карачая. Кроме того, на этом форуме присутствовали и представители общественности Балкарии.

Не будет преувеличением сказать, что именно солидарность общественности заставила многие деструктивные силы отказаться от замыслов, так сказать, «с ходу» прибрать к рукам памятники Алании. Мы, музейные работники, исследователи-историки, искренне рассчитываем, что в трудную минуту на защиту общенародных и общегосударственных интересов в сфере культуры встанет и общественность республики.

Такая поддержка требуется нам и в плане полноценного ввода в культурное пространство ныне фактически закрытых объектов. Например, уже несколько лет в столице республики не работает краеведческий музей. Поэтому гости, множество посещающих нас официальных и культурных делегаций лишены возможности наглядного знакомства с материальной культурой народов республики. А ведь в столице соседней Абхазии *даже в условиях послевоенной разрухи* действовал и действует столичный краеведческий музей. Разве это не постыдный факт?

По сути, закрыты также и некоторые крупные филиалы музея, в т.ч. и в Карачаевском районе.

Через Карачаевск ежегодно в Домбай и обратно проезжают десятки, если не сотни тысяч туристов. Но в городе, который специально строился как столица северокавказской автономии, нет музея. Стало быть, эти гости уезжают, не зная, что на этой земля живет не абстрактное население, а народ с достойной уважения древней культурой. Разве мы сможем так добиться уважения извне?

Растет целое поколение, которое никогда в жизни не было в музеях. И как же нам в таких условиях воспитывать детей в духе гордости за достижения своих предков? Как дать элементарное культурное просвещение?

Много лет специалистами музея не проводится собственных археологических изысканий. У нас практически отсутствует система подготовки музейных работников. Многое держится на наших музейных старушках, которым мы не можем найти достойных преемников.

Еще десять-пятнадцать лет и о многих памятниках прошлого можно попросту забыть. Есть ли выход? Да, есть.

Во-первых, для государственного музея, естественно, важна *государственная поддержка*, прежде всего – с Центра. Наши чиновники от культуры практически не связываются с нашими депутатами в Госдуме, с нашими сенаторами в Совете Федерации, у которых имеются не только значительные ресурсы влияния, но и обязанность работать на свой регион. Мы уже забыли, когда музейные стены КЧР видели наших представителей в Федеральном парламенте. Да и местные парламентарии в основной массе не проявляли любопытства в отношении памятников собственного народа.

Во-вторых, практика показывает, что инвестиции в перспективные музейные комплексы всегда дают должную отдачу, в том числе через их *интеграцию в отрасль современного туризма*. Мы не видели у нас ни чиновников от туризма, ни значимых деятелей туристской отрасли, хотя неоднократно приглашали к сотрудничеству. А ведь регион прекрасен не только природой, но и замечательным историческим наследием его народов.

В-третьих, важнейшим направлением является *переход наиболее значимых объектов под охрану ЮНЕСКО*. В известной степени, это единственный способ защиты от посягательств на памятники мирового значения.

В-четвертых, необходимо стимулировать все формы музеев – от школьных до частных и корпоративных.

В-пятых, следует перейти к *созданию природно-исторических парков*, в состав которых можно включить важные комплексы по целому ряду районов. Это, например, район Большого Карачая.

включающий средневековый некрополь в Картджурте, башню Мамия-Къала, срубные жилища в Хурзуке и др. объекты; Кыфарское, Каракентское городища, район Дуутского ущелья, где можно обустроить музей под открытым небом и т.д.

Сказанным, конечно, не исчерпывается проблема сохранения памятников материальной культуры карачаево-балкарского народа. Но изложенные пути выхода из кризиса в этой сфере просто обязаны быть включены в программу культурного возрождения. Конечно, в том случае, если, такая программа будет разрабатываться всерьез. А, с другой стороны, если такой программы не будет, тогда нам, видимо, следует просто оставить планы входа в круг цивилизованных, подлинно культурных народов мира.

У.Ю. Эльканов

Некоторые аспекты изучения и сохранения материальной культуры

Сохранение культурного наследия – наша общая задача, в решении которой, к сожалению, все меньше и меньше проявляет участие государство. Тем самым возрастает значимость общественной поддержки и усилий того, что именуется национальными элитами.

Кстати, эти элиты есть, и они выступают важным фактором современного бытия народов России. Достаточно привести пример Фонда «Эльбрусоид», который играет существенную

роль в развитии национальной молодежи, включая и ее культурный рост. Кстати, этот факт, как надеемся, указывает на постепенное вызревание элиты в аспекте ее цивилизованности.

Мне хотелось бы акцентировать внимание на материальной культуре, с которой напрямую связан по своим профессиональным обязанностям в республиканском музее.

Следует обозначить такие направления по исследованию материальной культуры:

1) *семейный быт*, который в предметном отношении выступает через домашнюю утварь, мебель, такие вещевые элементы интерьера как ковры, занавеси, одеяла и т.д.;

2) *хозяйственный уклад*, который надлежит представить через орудия труда (сельскохозяйственные и ремесленные);

3) *военный быт* предлагается осветить через традиционное оружие, в т.ч. холодное (режущее, колющее, метательное и др.) и огнестрельное, а также оружейные принадлежности и снаряжение (пороховницы, сальницы и т.п.);

4) *религиозный уклад* – через объекты культа («святые камни», «святые источники» и т.п.), предметы культа (атрибуты богослужения, богословская литература и т.д.), одеяние священнослужителей и т.д.

5) *зодчество* (объекты, отражающие строительные традиции, навыки, техника)

6) *общественная система жизнеобеспечения* (ирригационная система, пути сообщения и т.д.).

В процессе изучения нашей материальной культуры следует учесть пути генезиса культурных традиций. Имелась тысячелетняя коренная традиция. Но велик был и фактор культурного обмена, который проходил через такие каналы как *миграции носителей одной ремесленной традиции в среду другой* /1/, *межнациональные браки* /2/, *торговый обмен* /3/.

Нам следует обратить пристальное внимание на то, что зачастую изделия мастеров разных народов весьма трудно различить по *форме* /1/, *технике изготовления* /2/, *стилю* /3/, *декору* /4/ и другим параметрам.

Все местные народы использовали практически *одни и те же сырьевые материалы* – дерево, шерсть, кожа, кость домашних и диких животных, черные и цветные металлы. Но почти у каждого народа были свои особенности и задача искусствоведа – выявить их.

Следует учесть, что элементов средневековой одежды в наших музеях и тем более в личных коллекциях сохранилось мало. Наиболее ранние в основном относятся к позапрошлому веку. Тогда, как в средневековье, мастерицы выделывали сукно из шерсти местных овец, однако в XIX в. практически все без исключения платки, ткани для праздничных видов одежды /платьев, кафтанчиков, шапочек и др./ привозились извне – из стран Востока, Закавказья, а позднее – из России. Это, в первую очередь, относится к *бархату, шелку, парче*. Ввозными были *золотые и серебряные нити и галуны*, а также *сафьян*, из которого изготовлялись, в частности, некоторые типы женской и мужской обуви.

Как видим, сырье для женских ремесел было в XIX веке в основном импортным, но – и это следует отметить особо – техника изготовления ремесленной продукции была собственной, этнической. В одежде – в первую очередь, женской – это касается и местных фа-

сонов, различных аксессуаров (например, женских ходуль, нарукавников и нагрудников, не характерных для других регионов Кавказа). Уходя своими истоками в глубь тысячелетней истории народов региона, она с течением времени непрерывно совершенствовалась и передавалась в опыте от одного поколения в другое.

В позднем средневековье имелись различия в производстве и орнаменталистике металлических изделий художественных ремесел. Однако с XVIII в. практически все народы Северного Кавказа испытали нивелирующее влияние традиций дагестанского прикладного искусства. Это во многом объясняется, с одной стороны, отходничеством дагестанских златокузнецов и серебряных дел мастеров, а с другой – более развитым характером ювелирного дела в Дагестане, где имело место сильнейшее влияние стран Востока.

Женские пояса, нагрудники, кинжалы наших музейных хранилищ хорошо иллюстрируют это через различные виды ювелирной техники – ажурный декор, художественное литье, художественная штамповка, инкрустация, ювелирная ковка, чернение, золочение, филигрань, скань, резьба по металлу. Влияние проявлено и в использовании сердолика и бирюзы – минералов, которые на Северном Кавказе не встречаются.

Мастерами-отходниками изготовлялась и подавляющая масса металлической посуды – кумганов, кувшинов, тазиков; высоко ценились котлы, которые приобретались, в основном, в Закавказье и Дагестане. Местные мастера делали посуду преимущественно из дерева. В целом горские народы нашего региона в большей степени сохраняли свои традиции изготовления предметов из дерева, кожи, кости, войлока, а из металлов – многих видов оружия и орудий труда.

То же самое относится и к изготовлению *национальных музыкальных инструментов*, образцы которых сохранились в единичных экземплярах.

Все сказанное относится к изучению материальной культуры. Когда же речь идет о *сохранении* ее памятников, достижений, то мы должны уделить внимание в первую очередь главным их хранителям – музеям.

В этом плане нам необходима *Республиканская целевая программа «Музеи Карачаево-Черкесии – шаг в XXI-й век»* /рабочее название/ на 2010-2015 года, где предусмотреть организацию и финансирование:

- системы подготовки и переподготовки (повышения квалификации) работников музейного комплекса, включая подготовку специалистов на факультете «Музейное дело и охрана памятников»

Краснодарского государственного университета культуры и искусств;

- проектов «Путешествие в средневековье» и «Карачаево-Черкесия: из прошлого в настоящее» в рамках развития исторического и культурно-познавательного туризма в КЧР;

- информационное обеспечение программы с привлечением как бюджетных, так и независимых СМИ (региональных и всероссийских, печатных и электронных);

- обеспечение музейной сферы современной системой телекоммуникаций;

- создание электронной базы данных ресурсов хранилищ, объектов всех музеев КЧР (на основе компьютерного центра КЧМЗ)

- комплекса охранных мероприятий, включая оснащение КЧМЗ современной системой охранных технологий, привлечения местных органов власти и самоуправления к охране памятников культуры на их территории.

Президенту и Правительству КЧР предлагается:

– Принятие мер по возвращению исторических и культурных ценностей, вывезенных из Карачаево-Черкесии (в т.ч. решение на уровне переговоров с Губернатором Ставропольского края о возвращении из краевого музея т.н. «царского мавзолея из Кяфарского городища аланской эпохи).

Принятие мер по недопущению изъятия из собственности республики историко-культурных объектов с отнесением их к другим (федеральной, корпоративной, частной или иным) формам собственности.

Предлагается внести в Народное Собрание (Парламент) КЧР проекты республиканских законов: «О музейном фонде и музеях КЧР», «Об объектах историко-культурного наследия народов Карачаево-Черкесской Республики»; «О создании Национального парка КЧР» (включая в рамки парка территории к югу от трассы Мара – Кумыш – Зеленчукская – Преградная – Курджиново).

Кроме того, следует внести предложения в Полпредство Президента РФ в ЮФО по созданию окружного Совета экспертизы памятников материальной культуры и окружного Центра реставрационных работ, включая филиал «Спецпроектреставрации» (Института реставрации памятников истории и культуры)

В адрес: муниципальных образований предлагается:

Разработка и принятие местной нормативной базы деятельности органов самоуправления в области охраны и сохранения памятников материальной культуры;

Составление и систематическое обновление списков объектов историко-культурного наследия на территории соответствующих муниципальных образований.

Введение обязательных требований к застройке территорий муниципальных образований, затрагивающих места расположений исторических памятников, а также отнесенных к охранным зонам; контроль над реализацией данных требований

Наши правоохранительные органы могли бы разработать и принять (как на уровне республиканских, так и на уровне городских, районных и поселенческих структур органов внутренних дел) план мероприятий по борьбе с противозаконной деятельностью физических и юридических лиц, ведущей к утрате (хищению, разрушению и т.п.) объектов историко-культурного наследия.

Нашим общественным объединениям мы предложили бы, помимо всего, организацию шефской работы на объектах музея-заповедника.

ЛАУРЕАТЫ МЕДАЛИ И.Х. КРЫМШАМХАЛОВА ЗА 2008 ГОД

Тотуркулов Алий Хасанович

Род. в 1961 г. в п.Нов. Карачае. Оконч. Московский институт советской торговли. Руководитель фирмы «Вэронд», президент фонда «Эльбрусоид». Награжден за успешное завершение в 2008 г. становления местных структур карачаево-балкарского молодежного движения (в том году – открытие отделения фонда «Эльбрусоид» в Карачае; ранее такое было открыто в Балкарии).

Лайпанов Рамазан Ахматович

Род. в 1957 г. Киргизии (с.Узынгыр Кантский район). Окончил Московский инженерно-строительный институт. Технический директор фирмы «Селена», создавшей в родном селенье и районе сотни рабочих мест. Считается «мозговым центром» указанного предприятия. Награжден за личный вклад в решение социально-экономических проблем территории компактного проживания собственного народа.

Чипчиков Борис Магомедович

Род. 1948 г. в Киргизии, где жил до 1958 г. Окончил истфак КБГУ. Инструктор горнолыжного туризма. Член СП РФ. Живет в Нальчике. Автор книг: «Возвращайся свободным», «Нерестились рыбы в свете

лунном», «Улыбается Боже». Награжден за книгу «Мы жили рядышком с Граалем» (2008).

Хаджиева Надежда Муссаевна

Род. 1961 г. в Казахстане (с.Чемолган). Оконч. ист.-филол. ф-т КБГУ и Санкт-Петербург. институт современных психолог. технологий. Член СЖ РФ. Победитель Всесоюз. фестивалей детских программ (1989, 1990). Лауреат Министерства печати и информации КБР (2000). Медаль Лермонтова (2004). Награждена за фильм «Тебя любил я и тебе служил» (2008).

Кочкаров Умар Юсуфович

Род. в 1977 г. в В.Теберде. Оконч. ист.ф-т КЧГПУ. Канд. ист. наук. Ученик известного археолога С.Плетневой. Науч. сотрудник Института археологии РАН. Награжден за монографию «Вооружение воинов Северо-Западного Кавказа VIII-XIV вв.» (2008).

- ДОКУМЕНТЫ -

**Директору Карачаево-Черкесского государственного
историко-культурного и природного музея-заповедника
У.Ю. ЭЛЬКАНОВУ**

**Ректору Карачаево-Черкесского государственного
университета им. У.Д. Алиева
Б.Н. ТАМБИЕВУ**

**Директору Карачаевского научно-исследовательского
института
И.М. ШАМАНОВУ**

Уважаемые Умар Юсуфович, Бурхан Нюрчюкович и Ибрагим Магомедович!

Координационный Совет, представляющий общественные объединения карачаевского народа – «Алан», «Джамагъат», «Конгресс карачаевского народа», «Тёре», обращается к Вам с предложением:

1. На системной основе проводить межрегиональные (карачаево-балкарские) научно-практические форумы, посвященные теме сохранения и развития карачаево-балкарской культуры.

2. Совместить проведение такого форума с процедурой награждения заслуженных лиц медалью имени выдающегося просветителя Ислам-бия Крымшамхалова (1864-1910).

Выражаем надежду, что нашему примеру последуют и представители других субъектообразующих народов Карачаево-Черкесии,

которым небезразлична судьба их многовековых культур. Полагаем, что Вы достойно откликнетесь и на их инициативы в данном направлении.

С уважением

И.А. ХАЧИРОВ,

**Председатель Координационного Совета
общественных объединений карачаевского народа,
Лауреат Премии Совета Министров СССР**

СОГЛАШЕНИЕ О ЕЖЕГОДНОМ ПРОВЕДЕНИИ КРЫМШАМХАЛОВСКИХ ЧТЕНИЙ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Карачаево-Черкесский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевский научно-исследовательский институт

поддерживая инициативу Координационного совета общественных объединений карачаевского народа, научной и творческой общности,

стремясь всемерно укреплять взаимодействие научных, учебных и культурных учреждений,

согласились в нижеследующем:

1. Совместными усилиями проводить межрегиональный научный форум по сохранению и развитию карачаево-балкарской культуры, который в память выдающегося просветителя карачаево-балкарского народа И.Х.Крымшамхалова (1864-1910) именуется «Крымшамхаловские чтения по сохранению и развитию карачаево-балкарской культуры» (далее – «Крымшамхаловские чтения»).

2. Для подготовки и проведения данного форума формируется Постоянный оргкомитет в составе представителей Договаривающихся сторон (по два представителя от каждой из сторон).

3. «Крымшамхаловские чтения» проводятся поочередно на базе Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника и Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева.

4. Первые «Крымшамхаловские чтения» проводятся на базе Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева 3 декабря 2009 года.

5. Начиная с 2010 года ежегодно «Крымшамхаловские чтения» проводятся в день рождения выдающегося просветителя – 31 марта.

Директор Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника

У.Ю. ЭЛЬКАНОВ

Ректор Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева

Б.Н. ТАМБИЕВ

Директор Карачаевского научно-исследовательского института И.М. ШАМАНОВ

15 октября 2009 г.

СОВМЕСТНОЕ РЕШЕНИЕ

О ПОСТОЯННОМ ОРГКОМИТЕТЕ «КРЫМШАМХАЛОВСКИХ ЧТЕНИЙ» ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В целях реализации трёхстороннего Соглашения о проведении «Крымшамхаловских чтений» по сохранению и развитию карачаево-балкарской культуры, Карачаево-Черкесский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник (КЧМЗ), Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева (КЧГУ), Карачаевский научно-исследовательский институт (КНИИ) постановляют:

1. Образовать Постоянный Оргкомитет «Крымшамхаловских чтений» в составе следующих лиц:

Бегеулов Рустам Маратович (от КЧГУ)

Узденов Таусолтан Аубекирович (от КЧГУ)

Ижаев Магомет Манафович (от КЧМЗ)

Долаев Алибек Сеитбиевич (от КЧМЗ)

Боташева Зинхара Биляловна (от КНИИ)

Хатуев Рашид Тохтарович (от КНИИ)

2. Установить, что Председатель Оргкомитета избирается из состава Оргкомитета самими членами Оргкомитета сроком на один год поочередно (на ротационной основе) из представителей Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и при-

родного музея-заповедника, Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, Карачаевского научно-исследовательского института.

Директор Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника
У.Ю. ЭЛЬКАНОВ

Ректор Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева
Б.Н. ТАМБИЕВ

Директор Карачаевского научно-исследовательского института
И.М. ШАМАНОВ

15 октября 2009 г.

РЕШЕНИЕ
«круглого стола»
по проблемам сохранения и развития
карачаево-балкарской культуры

г. Карачаевск

3 декабря 2009 г.

Участники настоящего форума,

– рассмотрев предложения и идеи, высказанные в ходе обсуждения нынешней кризисной ситуации, сложившейся в сфере сохранения национальных культур в целом и карачаево-балкарской культуры в частности,

– поддерживая трехстороннее соглашение о систематическом проведении межрегионального научного форума по сохранению и развитию карачаево-балкарской культуры, которое подписали Карачаево-Черкесский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева и Карачаевский научно-исследовательский институт,

решили:

1) Сегодняшний форум считать 1-ми (учредительными) Крымшамхаловскими чтениями по сохранению и развитию карачаево-балкарской культуры;

2) Проводить Крымшамхаловские чтения *ежегодно*, возложив их подготовку и проведение на Постоянный Оргкомитет, созданным решением трёх договаривающихся сторон.

3) Предложить Постоянному Оргкомитету рассмотреть вопрос об издании материалов Крымшамхаловских чтений.

4) Предложить Региональному Фонду «Аланский Эрмитаж» и Региональному Представительству Фонда «Эльбрусоид» рассмотреть вопросы организационного и материального обеспечения деятельности Постоянного Оргкомитета.

5) Предложить Карачаевскому НИИ передать функции награждения Медалью И.Крымшамхалова, включая и вопросы связанных с этим материальных затрат, в ведение Регионального Фонда «Аланский Эрмитаж», что позволит НИИ сосредоточиться на своих непосредственных научных функциях.

6) Обратиться к научной и культурной общественности Балкарии: с предложением о кооптации своих представителей в состав Постоянного Оргкомитета, а также в состав Наградного комитета.

7) Провести 2-е Крымшамхаловские чтения в гг.Карачаевске и Теберде.

ПРИМЕЧАНИЯ

К статье Р.М. Бегаулова

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988 С. 284.

² Мамбетов Г.Х. К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI-XVIII вв. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Вып. 4. Нальчик, 1970. С. 23.

³ Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик, 2000. С. 42.

⁴ Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. М., 1969. С. 88.

⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 223. Оп. 1. Д. 12. Ч. 5. Л. 209.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 143.

⁷ Къумукъланы йыр хазнасы. (Казна кумыкских песен). Махачкала, 1959. С. 105.

⁸ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. // Тексты, переводы, комментарии, введение и примечания Л.И. Лаврова. М., 1968. С. 86, 116.

⁹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. М., 1966. С. 201.

¹⁰ Там же. С. 209.

¹¹ Мамбетов Г. Х. Взаимоотношения кабардинцев и балкарцев с народами Дагестана в XVI-XVIII вв. // Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. (Дюктябрьский период). Махачкала, 1977. С. 130.

¹² Лавров Л.И. Этнография Кавказа. (По полевым материалам 1929-1978 гг.). Л., 1982. С. 120.

¹³ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. 1. Владикавказ, 1995. С. 28.

¹⁴ Архив внешней политики России. Ф. 103. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

К статье Т.Ш. Биттировой

¹ Шаханов Б. Избранная публицистика. Вводная статья, составление, комментарий Т.Ш. Биттировой. Нальчик, 1991

² Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000, 108 с.

³ Джуртубаев М.Ч. Карачаево-балкарский героический эпос. М., 2004, 36 с.

К статье И.М. Каракетовой

¹⁵ Студенецкая Е. Н. «О современной народной одежде». СЭ. №2, 1963. - С.48-60

¹⁶ Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа, «Китаб». 1995. - С.9, 239

¹⁷ Дудникова Г.П. История костюма. Ростов /Дон., «Феникс», 2003. - С.7

¹⁸ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, М. 1960. - С.329

¹⁹ Дудникова Г.П. История костюма. Ростов /Дон: «Феникс», 2003. - С.8

²⁰ Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа. «Китап», 1995. - С.9

²¹ Гаджиева С. Одежда народов Дагестана...

²² Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбанах». ЗООИД. Т.32., Одесса, 1915

²³ Уварова П. С. К вопросу о каменных бабах. Тр.ХIII. СА. Т.2., М., 1908

²⁴ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. - М., 1969. - С.49

К статье А.Ю. Узденовой

²⁵ Горин В.Я. Управление агропромышленным комплексом (теория и практика). - Белгород: «Крестьянское дело», 2000. - С.15, 170

²⁶ Закон РСФСР «О Карачаево-Черкесской автономной области». - М.: Изд-во «Известия советов народных депутатов СССР», 1982. - С.7-8, 10-12, 16, 19-22

²⁷ Гуня А.Н. Динамика освоения горного региона: структурные и институциональные факторы. - Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. - С.111-112

²⁸ Бадахов А. Рациональное формирование и использование основных фондов - важнейшее условие повышения эффективности производства в совхозах области //Вопросы экономики Карачаево-Черкесии. Вып. III. Отв. ред. Ч.Х.Ионов. - Черкесск: КЧНИИ ЭИЯЛ, 1973. - С.40

²⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М.: Политиздат, 1986. - С.31

³⁰ Телефонный справочник Агропромышленного комитета КЧАО. - Черкесск. 1986. - С.2-17

³¹ Там же, С.31-65 /таблица составлена нами/

³² Закон КЧР «О Совете министров Карачаево-Черкесской Республики». - Черкесск, 1993. - С.12-13

³³ Законы Карачаево-Черкесской Республики (1995-1999). Часть I. - Черкесск: Изд-во «Кавказские Минеральные Воды», 1999. - С.154

³⁴ Закон КЧР «О Главе Карачаево-Черкесской Республики». - Черкесск. 1998. - С.3

³⁵ Законы Карачаево-Черкесской Республики (1995-1999). Часть II. - Черкесск: Изд-во «Кавказские Минеральные Воды», 1999. - С.426-439

³⁶ Ерижев К.А. Горные сенокосы и пастбища России. - М.: ИК «Родник», ж-л «Аграрная аука». 1998. - С.50; См. также: Урбанский О.М., Туркевич В.И., Караев А.Н. и др. Естественные кормовые угодья Карачаево-Черкесской республики. - Черкесск, 1995. - 115 с.

³⁷ Симуш М.К., Лайпанов К.Т., Калмыков И.Х. Карачаево-Черкесия., С.353

³⁸ Лисунов В. Достижения науки - в производство //За эффективность сельскохозяйственного производства. - Ставрополь: Изд-во «Ставропольская правда», 1982. - С.61-63

³⁹ Архив Карачаевского НИИ, Ф.7, Оп.4, Д.13, ЛЛ.151, 152, 156-157

К статье Р.Т. Хатуева

⁴⁰ Ковалевская В.Б. Северокавказские древности// Степи Евразии в эпоху средневековья. - М.:Наука, 1989. - С.87

⁴¹ Абазинские народные сказки. Сост. В.Б. Тугов. - М.:Наука. Гл. ред. вост. лит., 1985. - С.158, 198

⁴² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. - М., 1963. - С.206

⁴³ Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды народов Северо-Западного Кавказа. - Л.: Наука, 1990. - С.70

⁴⁴ Карачаево-балкарские деятели культуры. Избранное. Состав., пред., статьи об авторах и комм. Т.Ш.Биттировой. - Нальчик:Эльбрус, т. I, 1993. - С.109-110

⁴⁵ - Ёзденлени Аbugалий. Сёз - халы кибикди. (на кар.-балк.яз.) - М.:Илекса - Ставрополь:Сервишкола, 2004. - С.53

⁴⁶ Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М.: Наука, 1989. - С. 376.

⁴⁷ Там же, С. 353

⁴⁸ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994. - С.276, 319

⁴⁹ Равдоникас Т. Д. Очерки..., С.119,121

⁵⁰ Нарты. Осетинский героический эпос. - М.:Наука, 1989. - Кн.2, С.343, Кн.3, С.94 прим.19

⁵¹ Равдоникас Т. Д. Очерки..., С.106, 110

⁵² Эвлия Челеби, Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. - М.: Наука, 1979. -т. 2, С. 58-59

⁵³ Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. - Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. - С.154

⁵⁴ Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы...,С. 365, 366, 369

⁵⁵ Къарачай-малкъар фольклор. Сост. Т.М.Хаджиева. - Нальчик:Эль-Фа, 1996. - С.271

⁵⁶ Тресков И.В. Фольклорные связи..., С.59

⁵⁷ Нарты. Осетинский героический эпос, Кн.2, С.152-153

⁵⁸ Там же, Кн.3, С.90 прим.23

⁵⁹ Там же, Кн.2, С.29

⁶⁰ Абазинские народные сказки, С.158

⁶¹ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос, С.254-255, 260, 295, 300

⁶² Там же, С.276, 319

⁶³ Нарты. Осетинский героический эпос, Кн.2. С.90

⁶⁴ Там же, С.336, 338, 339, 344

⁶⁵ Абаев В.И. Нартовский эпос осетин// Нарты. Осетинский героический эпос. – М.:Наука, 1990. – Кн.1, С.62

⁶⁶ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос, С. 254, 295

⁶⁷ Ёзденлени Аbugалий. Сёз – халы кибикди, С.48

⁶⁸ Равдоникас Т. Д. Очерки., С.109-110

⁶⁹ Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос, С.90 прим.23

К статье А.Р. Каитовой

⁷⁰ Абросимова Е.Б. Суд в системе разделения властей: российская модель (конституционно – теоретические аспекты). М., 2007. С.3.

⁷¹ Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи. СПб., 1905. С.5.

⁷² Конституция Российской Федерации.ст.10. ст.18. М.,2010.

⁷³ Муравьев Н.В. Обращение ко всем судебным учреждениям Российской империи. Судебный вестник. 1866. №9. С.56.

⁷⁴ Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М.,2008. С.36.

⁷⁵ Лебедев В.М. Организация деятельности судов. М., 2008. С.24.

⁷⁶ И.Л.Петрухин И.Л. Судебная власть в системе разделения властей. М., 2003.

⁷⁷ Селезнева Н.М. Статус суда в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы: Дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С.32.

⁷⁸ Судоустройство и правоохранительные органы в Российской Федерации / Под ред. В.И. Швецова. М., 1997 г. С.33.

⁷⁹ Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С.30.

⁸⁰ Клеандров М.И. Статус судьи:правовой и смежные компоненты. М.,2008. С.41.

⁸¹ Там же. С. 44.

⁸² Лебедев В.М. Указ. соч.. С.26.

⁸³ Дегтярев С.Л. Цели и задачи судебной власти на современном этапе // Правоведение. 2005.№6. С.108.

⁸⁴ Лебедев В.М. Указ. соч.. С.24-28.

К статье Л.Б. Коркмазовой

⁸⁵ Бабич И.Л. А.М. Ладыженский - исследователь обычного права народов Северного Кавказа. //«Этнографическое обозрение». 1995. № 4. - С. 152.

⁸⁶ Александров В.А. Обычное право в России в отечественной науке XIX – начала XX в. //Вопр. истории. - 1981. - № 1. - С. 48.

⁸⁷ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. - М., 1887. - С. 40.

⁸⁸ Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX веке. Дисс. д. ю. н. - М., 2003. - С. 219.

⁸⁹ Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX веке. Дисс. д. ю. н. - М., 2003. - С. 281-282.

⁹⁰ Сергеевич В. Опыты исследования обычного права //«Наблюдатель». М. 1882. №1. С.89.

⁹¹ Невская В.П. Шаманов И.М. Общественный быт. //Карачаевцы.- Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. – С. 209.

⁹²Иванников И.А. Место обычного права в современной правовой культуре российского общества. //Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов-на-Дону: 1999. – С. 269.

⁹³ Там же.– С. 270

⁹⁴ Там же. – С. 270

⁹⁵ Там же - С. 270

⁹⁶ Шапсугов Д.Ю. Обычное право и его роль в правовом развитии общества. //Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 252.

⁹⁷ Байтуганов А.З. Думанова Ф.Х. Обычное право кабардинцев. проблемы исследования на современном этапе. // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. – Ростов-на-Дону, 2006. – С.25

К статье В.И. Кодачигова

⁹⁸ т.е. столоничальники (по-гречески – бюрократы)

⁹⁹ как говорит наш нынешний президент (так же говорили и два его предшественника)

¹⁰⁰ тут явная неувязка (неоднозначность, см. ссылки 4,6,7): похоже, все-таки здесь подразумевается термин «многоэтнический», поскольку, как это можно понять из официоза, с точки зрения чиновников нация, народ, этнос – это просто совокупность граждан конкретного государства (как в США; на самом деле американской нации по-сути и нет, есть «разноцветное», многоэтническое население, как правило эмигранты в первом, втором или в третьем поколении, имеющее гражданство США, поэтому по американским понятиям термин «народ» бессмысленен: правильно говорить «гражданское общество»), то есть, например, в Бельгии живёт бельгийский этнос – бельгийцы в Югославии – югославы, в Казахстане – казахстанцы, в Украине – украиняне (или, быть может, украиностанцы), а в России (которую, кстати, на Западе именуют не иначе как Russia(Паша), а вовсе не Rossia) – россияне (а надо бы на американский манер – russians – руссияне, или рашмэны?; впрочем, это не шутка: в Москве уже есть издательство, именующееся «росмен»: т.е. уже почти «рашмэн»)

¹⁰¹ как пережиток доперестроечного сознания неадаптировавшихся к новой реальности россиян-недемократов

¹⁰² но примечательно, что все мало-мальски крупные этнические разновидности россиян в федеративной России имеют свои автономные образования (есть, например, Кабардино-Балкарская республика, Еврейская автономная область, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ и т.д.). Все кроме русских. Русской республики, или, скажем, Русского казачьего округа (уезда) в составе Карачаево-Черкесской республики (а таковой на заре советской власти в ней фактически существовал), или автономной Области Войска Донского в составе России нет

¹⁰³ а вовсе не как этнос, или какая-то там разновидность

¹⁰⁴ они и сейчас составляют более 80% населения России, а много русских волею судьбы, вернее – Беловежского сговора - живет и за её пределами; правда, следуя чиновничьей логике (см. ссылку 2), они даже не этнические

русские, т.к. не россияне, а являются этническими разновидностями украин-
ностанцев, казахстанцев и пр.

¹⁰⁵ отраженной, в частности, в «толерантном» заявлении ныне покойного ака-
демика Д.С.Лихачева, сделанном им на потребу (если не по заказу) Запада в
конце 20-го века, суть которого сводится к тому, что русские имеют историю
никак не длиннее истории европейских народов, исчисляемой, как всем из-
вестно, с послеантичного периода (т.е. примерно с 4 – 6-го века, хотя здесь
есть априорные неувязки: французы, например, если я не ошибаюсь, осозна-
ют себя как нацию со сложившимся общеупотребительным французским язы-
ком как таковым (а не диалектами латыни) все-таки где-то с X-го века или
всего лишь немного раньше, но никак не с 6-го века), а, учитывая очевидную
для Запада отсталость русских, их историю следует исчислять примерно с 6 –
9-го века, скорее (как это и принято в официальной истории) именно с 9 –го и
«искусственное» удлинение истории русских оскорбительно-де для них.

¹⁰⁶ Большая часть из них имелась в моей библиотеке, с другой же частью, ранее
практически недоступной, удалось ознакомиться благодаря интернету

¹⁰⁷ приводимый перечень – это только малая часть этих работ

¹⁰⁸ знать хотя бы основные вехи неизвращенной истории своего народа гораз-
до интереснее, чем рядиться с русофобами (Бог им судья!); да и почему им
надо непременно что-то доказывать, вроде как бы оправдываясь, тогда как об
этом ведает народная память, и свидетельствуют соседи-современники самих
исторических событий. По аналогии с тем, что говорит А. Волков по поводу
того, что его книгу (см. блок 2) «не следует рассматривать как направленную
против материализма, полемика с которым не входит в мои намерения, она за
идеализм в любом угодном значении этого слова» можно сказать, что данное
эссе не направлено против кого-то, или чего-то, оно за русский менталитет и
русскую идентичность и только.

¹⁰⁹ пусть и в первом, предварительном приближении

¹¹⁰ сюда включены публикации, из которых черпались указанные выше впе-
чатления

¹¹¹ здесь приведены только наиболее известные и одиозные работы на эту те-
му; трансформация самой теории хорошо отражена в монографии С.Лесного

¹¹² типа «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и
факты», «НЛО» и т.п.

¹¹³ выбранной, конечно же, в целях дискредитации: какой же нормальный
обыватель в них поверит! Какая ему от этого будет материальная польза?

¹¹⁴ т.е. варягов из племени «русь»; на Руси всех норманно-варягов звали но-
рманнами, урманнами или мурманнами

¹¹⁵ с их родами?

¹¹⁶ норманнисты называют их не иначе как «культуртрегеры»

¹¹⁷ Новгород и Киев не в счет. Это были «неправильные», к тому же псевдо-,
недо-, или прото-государства

¹¹⁸ тем более – русские, которых, между прочим, вплоть до возникновения
Киевского княжества (предтечи Киевской Руси) образованного, как известно,
норманном Олегом в 882-м году, еще и не существовало; не существовало и
славян вообще, а был только некий безликий протославянский этнос - балто-
славянская общность, из которой еще не выделились даже праславянские пле-
мена

¹¹⁹ словом, «троглодитами», «ордой», «стадом»

¹²⁰ и уж тем более не имевшими никакой письменности (разве что - примитивные клейма и коновые знаки, кои оставляют даже животные) и государственности

¹²¹ т.е. обладающими не только зверским обличем, но и зверскими обычаями

¹²² какая история у стада! Разве что – составленный сторонними наблюдателями-варягами (т.е. немцами), которые находились, якобы, на гораздо более высокой ступени развития, список производителей-предводителей (князей), причем само слово «князь» по утверждению К. Миллера (см ссылку48) явно происходит от немецкого kneht= раб, а если и нет, то, безусловно, и однозначно является заимствованием из немецкого: «кениг», «конунг», «кинг» (а обратного заимствования быть, конечно, не может и тем более слово князь нельзя считать производным от слов конь и кон)

¹²³ как минимум две попытки-Аскольда и Ольги- были неудачными (см. сноску 55)

¹²⁴ и уж точно не вровень с собой

¹²⁵ клиентов, «кузенов»

¹²⁶ «старшим братьям», «учителям» или (пра)родителям

¹²⁷ дух

¹²⁸ и по свидетельству Татищева до IV – V века

¹²⁹ т.е. господствовали в большей её части

¹³⁰ позднее славянскими

¹³¹ которые пришли в Европу только в начале нашей эры

¹³² т.е. имевшая с ними конфликты (территориальные претензии)

¹³³ римляне называли их галлами

¹³⁴ собственно говоря, согласно латинской традиции, идущей от Юлия Цезаря,

– германцами; сами же немцы называют себя до сих пор «дойче»

(DEUTSCH). Важно отметить, что это название – DEUTSCH – происходит от

племени датчан (для англичан датчане до сих пор – это dutch), говоривших на

неком северном (по отношению к кому? к иранцам?), «нордическом», воз-

можно тюркском или сильно тюркизированном языке. В пользу такого вывода

говорит, например, то, что сами они называли себя ER TURKIR OK ASIA

MENNE (между прочим, это может указывать на место, из которого они были

вытеснены гуннами, монголам и арабами в Европу: по-видимому, Туранская

низменность. Теперь же плодоносившую при TURKIR-германцах Туранскую

низменность занимают, в основном, пустыни: Каракум и Кызылкум); датчане,

по мнению всех германцев, являются наиболее древним скандинавским пле-

менем: это племя (туранских) ВОЖДЕИ (одно из имен их обожествленного

предводителя-аса, приведшего их в Европу-Одина. звучит как Водан; сравни с

русским вождь, ведун); со временем так стали называть себя все германцы;

примечательно, что русские назвали германцев «немцы»: по-видимому, от

«не мы», т.е. «чужаки, пришлые», или от «немцы», т.е. «немые» – не могу-

щие говорить(по-русски: хотя бы на уровне пиджин-русский), или «неум-

цы», т.е. не понимающие(по-русски), или «неемцы», т.е. не имеющие посто-

янного и надежного средства к существованию, которое давало земледелие (

давно уже практикуемое русскими), а потому по свидетельству Тацита жи-

вущие до сих пор (т.е. и во времена Тацита) охотой, рыболовством, свиновод-

ством, лесным собирательством, но в основном разбоем, набегами и грабе-

жом: иначе говоря. в русском менталитете слово «немцы» основательно ассоциировалось с понятиями – варвары (дикари), «воры» и «разбойники». Тут можно провести аналогию с турками. По-арабски «туркур» значит «разбойник»: не удивительно, что турки не любят этого слова и предпочитают называть себя иначе, например, османы; еще пример: по-татарски «башкорт» ≡ «волк»; т.е. Башкортостан – это страна волков=разбойников; кстати, этноним самих татар в русском языке ассоциируется со словом «тать»≡ «разбойник», «вор»

¹³⁵ хотя бы уже потому, что немцы, пришедшие в Европу гораздо позже кельтов, претендовали на их земли

¹³⁶ как и иллирийцы, и фракийцы

¹³⁷ которые имели с ними свои давние счеты: это именно кельты, по-видимому, вытеснили славян (и среди них – предков русских) из их позднейшей прародины – Подунавья (а есть теория двух прародин), заставив в итоге расселиться в центральной и восточной Европе

¹³⁸ так произошло, например, с кельтами, населявшими территорию нынешней Австрии и Швейцарии

¹³⁹ по-немецки «померанских»

¹⁴⁰ правда, не до конца: и в современной Германии в районе Мекленбурга проживает их малая толика – сорбы (или лужицкие сербы); надо сказать, что своей национальной автономии они до сих пор не имеют хотя их не так уж и мало: и сейчас их около 100 000, не считая тех, кто добровольно или под влиянием государственной политики отказался от своей национальности, т.е. полностью интегрировался (ассимилировался) в немецкое общество (а политика онемечивания полабских и поморских славян неизменно проводится в Германии вот уже 600 лет)

¹⁴¹ правда, мазуры-мазовшане – уже почти немцы, а вот чехи пока чехи, несмотря на то, что ещё в XVIII-м веке вся «просвещенная» Европа считала безусловно прогрессивным их полное онемечивание; правда, население Судетов – всё-таки почти полностью немецкое: чехи оттуда практически вытеснены; с тех пор немецкая доминанта на онемечивание славян не изменилась (см. ссылки 41, 42)

¹⁴² половцев, печенегов, аваров, монголов и пр.

¹⁴³ хазарский союз племен

¹⁴⁴ гуннский союз племен

¹⁴⁵ русских

¹⁴⁶ «дух»

¹⁴⁷ по словам А.Блока

¹⁴⁸ но немцы почему-то распространили её на всех славян, обозначив в своем языке их этноним – sklave – как «раб» (впрочем, за этим словом сохранилось и другое, исходное его значение: «славянский» плащ-корзно), хотя исконное немецкое значение этого понятия передается словом knecht (см. ссылку 24); по-видимому, выразив таким образом императив принятия желаемого за действительное; кроме того – это способ национального самоутверждения путем завышения самооценки

¹⁴⁹ по лингвистическим данным это произошло примерно пять тысяч лет назад

¹⁵⁰ которому во время его визита в Кенигсберг была подарена рукопись официально не известного, «забытого» к его времени «Слова о полку Игореве»

(хотя фактическое его влияние на русскую литературную традицию огромно: его можно проследить хотя бы на примере «Задонщины» – сказании о маме-в-вом побоище)

¹⁵¹ приглашенными членами первой Российской Академии Наук

¹⁵² на самом деле это был не оригинал «Слова о полку Игореве», а его список 16-го века, по-видимому, ловко скорректированный немецкими специалистами в нужном духе

¹⁵³ все они упорно игнорируются и до сих пор еще со времени одобрения Елизаветиной II – немки по происхождению – норманнская теория по-прежнему остается официальной исторической доктриной, как в России, так и за рубежом

¹⁵⁴ «все было известно», что их авторы, в основном, – пособники шовинистов и антисемитов, или даже сами являлись таковыми («как известно» все русские – «прирожденные ксенофобы и антисемиты»: чего стоит хотя бы их былина «Илья Муромец и жидовин»!).

¹⁵⁵ если не запретить

¹⁵⁶ хотя бы в общих чертах

¹⁵⁷ !?см. ссылки 7,10,24

¹⁵⁸ Почему, кстати, России? Не понятно. Быть может 1 000-летнюю историю православия на Руси? Но нет, и это не так. 988 год – это год принятия христианства на Руси, т.е. удачная попытка князя Владимира. Но ведь были и более ранние, неудачные попытки в т.ч. Аскольда и Ольги! Впрочем, здесь кроется, скорее всего, другой смысл. У Л. Гумилёва есть теория, согласно которой жизнь нации – это примерно 1000 лет. Так что русским «пора уходить с исторической сцены». На смену им грядет другая нация: россияне

¹⁵⁹ в большинстве которых эту аргументацию легко найти

¹⁶⁰ а вовсе не как этнос

¹⁶¹ позднейший его образ – это княжеская дружина

¹⁶² что-то вроде клана кровных побратимов - дружины Перуна: ее позднейший образ – это старшая дружина, то есть бояре; основная часть дружины после этого стала называться младшей

¹⁶³ Заметим, кстати, что слово «крестьянин» изначально означало не «христианин», а «огнищанин», т.е. практикующий семейное подсечно-огневое земледелие; «крес»≡ «огонь».

¹⁶⁴ которое было ликвидировано после революции 1917-го года

¹⁶⁵ или то, что от него осталось после интереса, без сомнения, проявленного к нему не только со стороны царской охранки и КГБ, но и других аналогичных организаций (типа ЦРУ, моссад и т.п.), а также тайных обществ и орденов типа масонов, розенкрейцеров, иллюминаторов, тамплиеров и пр.

¹⁶⁶ под их надзором? или руководством? (см. ссылку 62)

¹⁶⁷ в более общем виде гиперборейско-нордический

¹⁶⁸ его носителями были: «вещая птица» – мать Сва (слава) и «вещие» птицеведы: Гамаюн, Алконост и Сирин.

¹⁶⁹ недаром для русских шведы – это свеоны или свеи (т.е. свои?)

¹⁷⁰ в том числе в качестве наемников

¹⁷¹ сопровождение

¹⁷² как у казаков, бродников

¹⁷³ другое их самоназвание: «руты». «руги», «рутены», «русины»

¹⁷⁴ или даже отделение

¹⁷⁵ некоторые историки называют его адептов гетами и даже готами, причем гет – это также не этноним, а разновидность варягов; причем геты – это совершенно точно не готы

¹⁷⁶ а не «нряда», т.е. «порядка», как утверждают норманнисты

¹⁷⁷ Годлавом

¹⁷⁸ ватагу, шарап, ушкуй, шайку

¹⁷⁹ или воевода

¹⁸⁰ а вовсе не в Новгороде

¹⁸¹ летописи говорят: потому-де, что он был ему «братом». Впрочем, через какое-то время ему удалось убить Дира. Однако вскоре с ним так же поступил Олег

¹⁸² в наследственном смысле

¹⁸³ и, возможно, были представителями неправящего в «руси» княжеского рода
¹⁸⁴ небезынтересно заметить, что на древнепольском с вендским диалектом «синеус» означает безусый; а вот Н. Рерих явно под влиянием норманнистов полагал, что возможна и норвежская интерпретация: «син хууз» или «сине хус» значит «свой дом», «с домом (родом) своим»;

¹⁸⁵ впрочем, здесь возможна и чисто славянская интерпретация: имя Трувор можно считать происходящим от слова Триглав – трехипостасного бога прибалтийских славян; его идол стоял в их главном храме в Арконе

¹⁸⁶ или г. осадника

¹⁸⁷ А вот на основе генетического анализа современных немцев уверенно уже можно сказать, что сами-то немцы (не считая онемеченных славян и их потомков) – гораздо менее арийцы, чем славяне (русские), и даже, если судить по лингвистическим данным, может быть только слегка арийцы, поскольку внимательный лингвистический анализ показывает, что исходно язык немцев, возможно, совсем не индоевропейский, а тюркский, или, быть может, хотя и индоевропейский, но сильно тюркизированный. Индоевропейским он мог стать как пиджин-русский после поселения предков немцев на русские земли в первые века нашей эры (если бы нацисты это знали они, возможно, и поумерили бы свои претензии на избранность германцев).

¹⁸⁸ ну, разве что, еще литовский; впрочем, как было признано официальной наукой еще в XVIII-м веке, русский и литовский языки весьма близки; позднее на основе этого возникла теория балто-славянской общности

¹⁸⁹ чего веками и добивалась «германская» Европа

К статье Р.Т.Хатуева и И.М.Шаманова

¹⁹⁰ Абаева Ф. К 120-летию Шахыма Алиева //газ. «Вести гор». – Черкесск, 2005. – 17-23.01.

¹⁹¹ Рябов Е. Славный сын гор// Газ. «Ставропольская правда». 12.01.1966.

¹⁹² Сообщение К.Т. Лайпанова, 28.01.2002, г.Черкесск

¹⁹³ Рябов Е. Славный сын. .

¹⁹⁴ Абаева Ф. К 120-летию Шахыма Алиева. .

¹⁹⁵ там же

¹⁹⁶ Рябов Е. Славный сын. .

¹⁹⁷ Абаева Ф. К 120-летию Шахыма Алиева. .

¹⁹⁸ Абаева Ф. К 120-летию Шахыма Алиева. .

¹⁹⁹ Алиев Умар. Карачай. Изд.2-е. – Черкесск, 1991. – С.165

- 200 Сообщение К.Т. Лайпанова, 28.01.2002. г.Черкесск
 201 Документы по истории борьбы..., С.84
 202 Алиев Умар. Карачай..., С.166-167
 203 Документы по истории борьбы..., С.88-89
 204 Алиев Умар. Карачай..., С.168, 169
 205 Рябов Е. Славный сын...
 206 Сообщение К.Т. Лайпанова, 28.01.2002, г.Черкесск
 207 Абаева Ф. К 120-летию Шахыма Алиева..
 208 Рябов Е. Славный сын...
 209 ЦДОДП КЧР, ф.364, оп.1, д.178, л.321
 210 Сообщение К.Т. Лайпанова, 28.01.2002, г Черкесск
 211 Сообщение Локмана Исмаиловича Тохчукова, 1892 г. р. (личный архив
 И М. Шаманова)
 212 Документы по истории борьбы..., С.140
 213 там же, С.243
 214 Рябов Е. Славный сын...
 215 там же
 216 Абаева Ф. К 120-летию Шахыма Алиева. .
 217 ЦДОДП КЧР, ф.364, оп.1, д.178, л.321
 218 там же
 219 там же, л.89
 220 Рябов Е. Славный сын гор// Газ. «Ставропольская правда». 12.01.1966
 221 Рябов Е. Славный сын гор...
 222 Абаева Ф. К 120-летию Шахыма Алиева...
 223 КЧМЗ, ф.4, д.5а
 224 Сообщение проф. К.Т. Лайпанова, 28.01.2002, г.Черкесск
 225 Рябов Е. Славный сын гор// Газ. «Ставропольская правда». 12.01.1966
 226 КЧМЗ, ф.4, д.5а
 227 Абаева Ф. К 120-летию Шахыма Алиева...
 228 Рябов Е. Славный сын...

К приложениям

- 229 ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д.38. Л. 80-81
 230 ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д.36. Л. 72
 231 Там же. Л. 71
 232 ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д.38. Л. 81
 233 ГАРФ, Ф Р. – 119, Д. 36, Л.Л. 110, 111, 112. 115
 234 ГАРФ, Ф.Р. – 119, Д. 36, Л.188
 235 Там же. Л. 10

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абайханов Мусса Хамитович – член Союза художников РФ, выпускник историко-филологического ф-та Вильнюсского университета (Литва)

Алиева Тамара Казиевна – доктор филологических наук, профессор Карачаево-Черкесского государственного университета (КЧГУ) им. У.Дж.Алиева

Байрамукова Фатима Ибрагимовна – член Союза писателей РФ

Бегеулов Рустам Маратович – доктор исторических наук, зав. кафедрой КЧГУ им. У.Дж.Алиева, г.Карачаевск

Биттирова Тамара Шамсуддиновна – доктор филологических наук, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (КБИГИ), г.Нальчик

Ижаев Магомет Манафович – научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (КЧИГИ), г.Черкесск

Кучмезов Бузджигит Хакимович – научный сотрудник КБИГИ, г.Нальчик

Каитова Айшат Рамазановна – доцент кафедры, ф-л Южного Федерального университета, с.Учкекен

Катчиев Альберт Хасан-Алиевич – научный сотрудник, Карачаевский НИИ, г.Черкесск

Кипкеев Ислам Султанович – кандидат исторических наук, декан, ф-л Южного Федерального университета, г.Черкесск

Кодачигов Виктор Ильич – доктор технических наук, профессор кафедры Технологического института Южного федерального Университета, г.Таганрог

Коркмазова Лилиана Биляловна – ст. преподаватель, ф-л Южного Федерального университета, с.Учкекен

Лайпанов Ибрахим Алиевич – и.о. зав.отделом исламоведения, Карачаевский НИИ, г.Черкесск

Мекерова Мариям Джамаловна – кандидат исторических наук, КЧГУ им. У.Дж.Алиева, г.Карачаевск

Семенова Аминат Биляловна – научный сотрудник КЧИГИ, г.Черкесск

Темирбулатова Энегыз Ашировна – заведующая сектором Карачаево-Черкесского музея-заповедника

Узденова Асият Юсуфовна – аспирант, КЧГУ им. У.Дж.Алиева, г.Карачаевск

Узденова Сусанна Борисовна – соискатель кафедры истории России, КЧГУ им.У.Д.Алиева, г.Карачаевск,

Хатуев Рашид Тохтарович – кандидат исторических наук, снс КЧИГИ

Чекунова Фатима Асхатовна – аспирант кафедры истории России, КЧГУ им. У.Дж.Алиева, г.Карачаевск

Шаманов Ибрагим Магомедович – кандидат исторических наук, директор Карачаевского НИИ

Элькянов Умар Юсуфович – директор Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника, археолог, г.Черкесск

Известия

Карачаевского научно-исследовательского института.

Вып. V.

Подписано в печать 15.12.2009. Тираж 300 экз. 10 усл.-п.л.

Издательство ИКО «Аланский Эрмитаж», 2009.

369000, г.Черкесск, ул.Чкалова, 17А

ЗА 2008 ГОД

А.Х. Тотуркулов
(общественная
деятельность)

Б.М. Чипчиков
(литература)

У.Ю. Кочкаров
(наука)

Н.М. Хаджиева
(искусство)

Р.А. Лайпанов
(экономика)

**ЛАУРЕАТЫ
МЕДАЛИ
И.Х. КРЫМШАМХАЛОВА**